

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

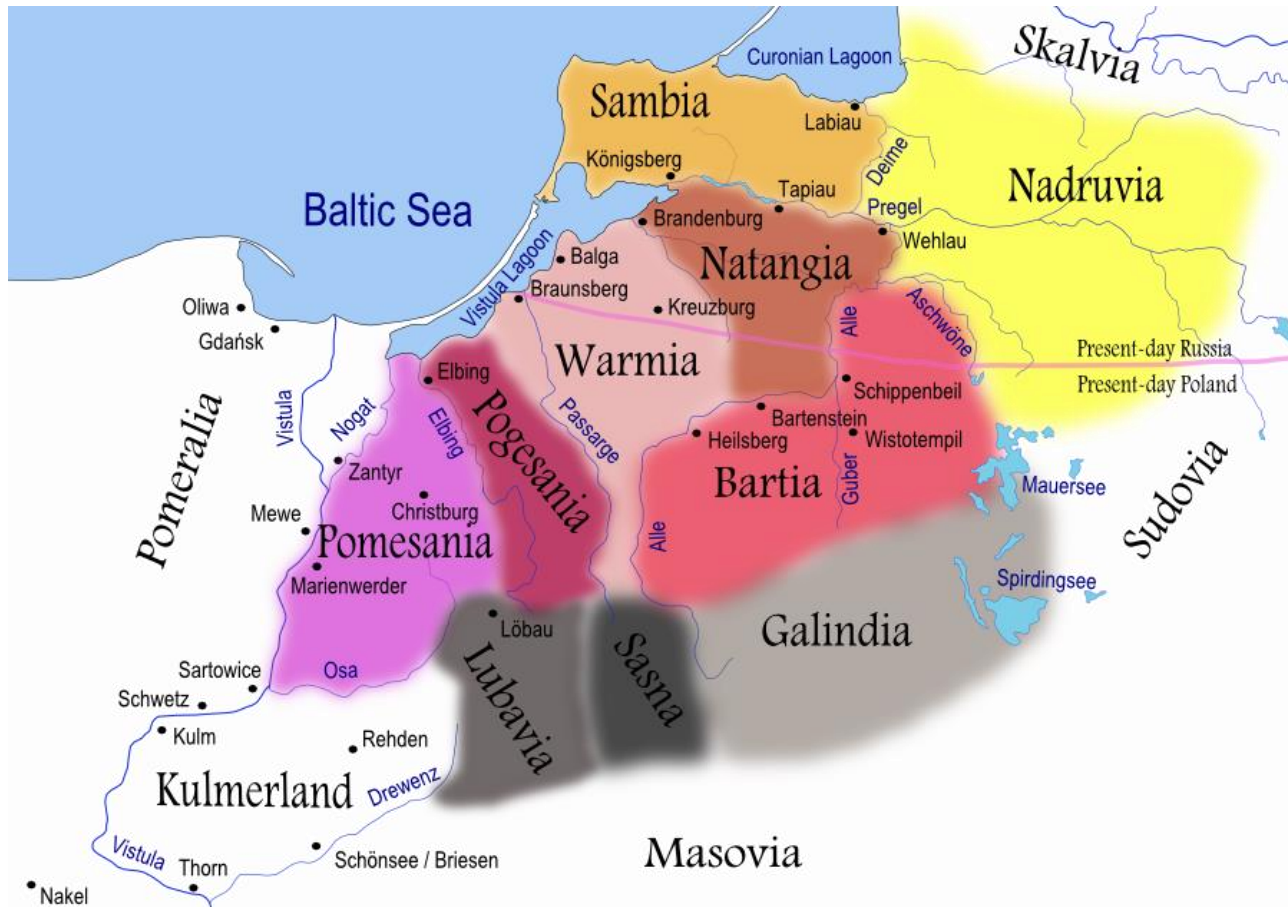
«История. Люди. Память» – серия видеофильмов с субтитрами об историческом наследии, проблемные репортажи с субтитрами об исчезающих объектах истории и культуры на территории Калининградской области»

№ 19-1-026322

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут по Гвардейскому району

«Сердце Пруссии – перекрёсток дорог»

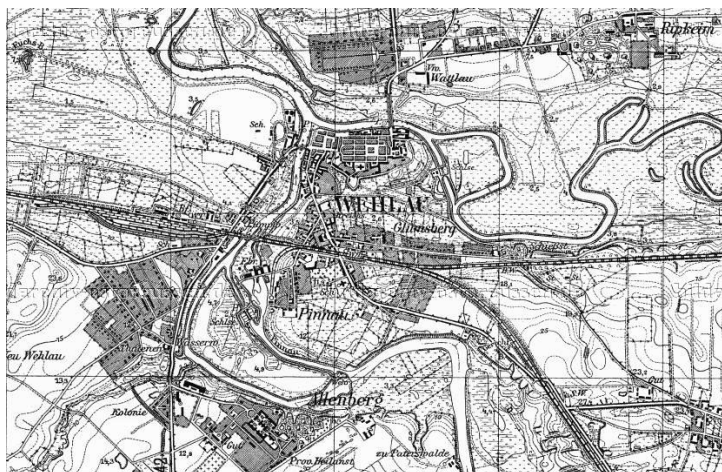

Большая часть Гвардейского городского округа до 1945 года входила в крайс Велау. Площадь крайса Велау составляла в 1939 году 1 067,27 кв. км, население – 50 236 человек. Для информации – площадь территории Гвардейского городского округа составляет 783 кв. км, численность населения в 2018 году – 29,3 тыс. человек.

В крайсе Велау было три города: Велау (ныне поселок Знаменск), Тапиау (ныне город Гвардейск), Алленбург (ныне поселок Дружба Правдинского района – рассказ об этом интересном посёлке можно найти в нашем сопроводительном материале к маршруту «Лава. Бурлящий поток уютной реки» по Правдинскому району), а также 9 крупных населенных пунктов с церковными приходами: Гросс Энгелау – сейчас это уже не существующий посёлок Демьяновка в Правдинском районе; Плибишкен – сейчас посёлок Глушково в Черняховском районе; Гросс Ширау – посёлок Дальнее, название которого встречается в трёх местах и причём недалеко друг от друга; Грюнхайн – ныне не существующий посёлок по дороге в Солдатово; Кремиттен – сейчас посёлок Лозовое; Патерсвальде – посёлок Большая Поляна интересен своей кирхой начала XX века и рассказом о францисканцах из Велау; Петерсдорф – ныне посёлок Куйбышевское; Гольдбах, сейчас это посёлок Славинск, и Штанкерберг, сейчас это посёлок Красноборское – в этом сопроводительном материале раскроем немного истории этих посёлков, и 170 деревень и хуторов.

При подготовке разделов о церковных приходах крайса Велау использовались сведения с сайтов <http://www.kreisgemeinschaft-wehlau.de> и <https://www.ostpreussen.net>

Район Велау располагался в западной части Надровии на границе с Натангией, – в самом сердце Пруссии. Как свидетельствуют находки археологических раскопок, в эпоху неолита эта сторона была заселена балтами.

Через Велау, расположенный в самом центре прусских земель, проходили шведы, литовцы, русские, французы, немцы – все: захватчики, колонисты, армии победителей и побеждённых. Первыми, конечно, были рыцари Тевтонского Ордена, под видом христианизации, захватившие эти земли.

Туристический маршрут по Гвардейскому району нашего проекта построен вокруг Велау – современного Знаменска. Попытаемся разными дорогами войти в этот небольшой населённый пункт с богатой историей.

Гвардейский городской округ расположен в центральной части Калининградской области. Граничит он на западе с Гурьевским, на севере – с Полесским, на юге – с Правдинским и на востоке – с Черняховским городскими округами. Надеемся, что название маршрута «Сердце Пруссии – перекрёсток дорог», раскроет уникальность Калининградского региона в целом, аналога которому в мировой истории нет. Здесь представлен каждый исторический период, что подтверждается исследованиями специалистов смежных дисциплин из разных областей знаний, особенно с 2000-х годов. Географическое расположение области дополняет геополитическое её положение и тем самым удовлетворяет характер уникального и предопределяет систему аргументации оригинального взгляда, которым должен обладать наш регион и помимо этого ещё некоторыми иными уникальными аспектами для всей России.

Поскольку административным центром Гвардейского городского округа является город Гвардейск, о нём расскажем от лица прославленного художника из Тапиау.

1. Гвардейск, бывший Тапиау.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015013
Tapiu, Kreis Wehlau, MT13092-0. Besserungsanstalt. (1900-1914), © Schaar und Dathe, Trier

Попробуем взглянуть на картины городской и сельской жизни Восточной Пруссии второй половины XIX — начала XX веков глазами, бесконечно любившего свою малую Родину Ловиса Коринта. Художник подробно описал в своих воспоминаниях не только впечатления детства, но также оставил подробные зарисовки быта жителей Тапиау, Велау (ныне Знаменск Калининградской области). Все эти

ценные детали прошлого раскрывает в своей работе «Ловис Коринт – художник из Восточной Пруссии» Галина Валентиновна Заболотская.

«Город Тапиау находится в том месте, где судоходная со времён рыцарского Ордена река Дейма отделяется от Прегеля и начинает свой путь к Куршскому заливу. В начале это была «лишка», но в 1722 году город получил городские права. В 1280/90 годы здесь была построена Орденская крепость, сначала служившая местом пребывания комтура Немецкого ордена. Место было выбрано из-за надёжно природной защищённости от нападений врагов. С двух сторон она была защищена водой, с двух других – болотами. После сражения под Танненбергом гофмейстер Ордена переехал в Кёнигсберг, а в Замке расположились библиотека и архив Ордена. Замок был также известен тем, что 20 марта 1568 года в нём закончил своё земное существование герцог Альбрехт Бранденбургский, последний гофмейстер Ордена и первый прусский герцог. Под сенью и защитой крепостных стен Замка в течение нескольких столетий

существовало поселение крестьян и ремесленников, превратившееся в XIX веке в небольшой промышленный городок.

В родной художнику местности фамилия Коринт не представлялась редкой. Коринты жили в Тапиау и окрестностях, начиная с XVII века. Изначально все были крестьянами, их потомки стали ремесленниками и потянулись в города. Их собственные крестьянские хозяйства находились в окрестных деревнях Мотерау (ныне Заборье), Нойендорф (ныне Кругловка) и Варгинен (ныне

Великолукское).

Ко времени рождения Коринта в городке Тапиау жило около трёх тысяч жителей, полагавших, по словам художника, что «Боже милосердный сотворил вселенную специально для них». Орденский замок был превращён в исправительное заведение для бездельников и шалопаев мужского и женского рода.

В Восточной Пруссии не существовало, как в старых частях Германии, родов, которые на протяжении нескольких поколений имели бы в собственности земельные владения и имущество. Последующие поколения мало знали о своих корнях и происхождении. Коринту также оно не было доподлинно известно. Сам он предполагал в себе и голландские и нижненемецкие корни.

Прабабушка Коринта после смерти мужа переселилась из низовьев Прегеля в деревню Нойендорф под Лёвенхагеном (сегодня – Комсомольск) и приобрела относительно большую крестьянскую усадьбу, в которой жила вместе с дочерью и сыном.

Её дочь вышла замуж за состоятельного сапожника из Тапиау Иоганна Кристофа Буттхера (14.08.1777, Тапиау – 24.02.1846, Тапиау), владевшего домом, внешним видом, напоминавшим дворец. У него было две дочери. Старшая – Амалия Вильгельмина Буттхер, будущая мать Коринта. В первом браке она была замужем за владевшим кожевенной мастерской и бургомистром Тапиау Фридрихом Вильгельмом Оптицем (1779 – 1856). Её младшая сестра вышла замуж за сапожника из Кёнигсберга.

Вдова осталась вести хозяйство в Нойендорфе вместе с единственным сыном, Даниэлем Фридрихом Коринтом (1777 – 1860). Так как она держала сына в строгости, то женился он довольно поздно. Его избранницей стала Доротея Луиза Штимер из окрестностей Инстербурга (сегодня – Черняховск), предположительно зальцбургского происхождения. Именно зальцбургцы составляли основную часть колонистов, переселившихся в опустошённые чумой и неурожаем земли Восточной Пруссии в начале XVIII века. Преимущественно это были семьи религиозных беженцев.

Их дети – Юлиус, следующий за ним сын, имя которого Коринт не упоминал, Фридрих (дядя Коринта), Франц Генрих Коринт (отец Коринта), дочь, вышедшая замуж за Ома Лоренца из Прегельсвальде (ныне – Заречье) и шестой отпрыск, имя которого также не называлось в воспоминаниях художника.

Отец художника Франц Генрих Коринт был четвёртым из пяти братьев и единственной сестры, и уже в восемнадцатилетнем возрасте ушёл на военную службу. Сложившиеся в родном доме обстоятельства сделали пребывание в нём невыносимыми после того, как старый крестьянин достиг преклонного возраста и по существовавшему тогда порядку передал поместье своему старшему сыну Юлиусу. Последний не был создан для борьбы за существование. Он позволил второму по старшинству брату уговорить себя передать ему имение за значительные отступные. Тот в качестве хозяина имения счёл остальных, более юных братьев бесполезными нахлебниками, выгнал из и женился на единственной сестре хозяина состоятельного прегельсвальдского имения.

Хуже всего приходилось старым родителям. Лишившись власти и имущества, они всячески притеснялись. Каждый кусок хлеба контролировался, домочадцы даже были вынуждены собирать в лесу хворост, чтобы отапливать комнаты. Наконец они переехали к дочери в Прегельсвальде. Здесь родители отца Коринта прожили ещё недолгое время. Вскоре после их смерти за ними последовала и дочь. Богиня Немезида неожиданно настигла неблагодарного сына, единственного владельца имения Нойендорф, – в расцвете лет его унесла жестокая лихорадка.

Отец художника, как и три других, оставшихся без наследства брата, был вынужден пристраиваться и пробиваться в жизни на военной службе и работая на хозяйстве своего брата. 2 октября 1857 года в возрасте двадцати восьми лет он женился на своей, почти сорокалетней кузине Амалии Вильгельмине Буттхер (в первом браке – Оптиц), вдове кожевника, которая была

старше его на тринадцать лет, дочери прабабушки Коринта и состоятельного сапожника из Тапиау Иоганна Кристофа Буттхера, владельца нескольких домов на Альтштрассе в Тапиау. Таким образом, художник справедливо считал, что в нём преобладает «коринтовское» начало. Ведь оба его родителя были правнуками овдовевшей Коринт, владевшей поместьем Нойендорф и родовым поместьем в Прегельсвальде.

Кстати, три брата, оставшиеся без наследства, также взяли в жёны женщин старше себя. Так с позиции трезвого расчёта решались тогда финансовые вопросы.

Ловис Коринт был единственным общим ребёнком Франца Генриха и Амалии Вильгельмины Коринт. До сих пор уцелел, хотя и находится в запущенном состоянии, построенный ещё в 1825 году дом его родителей на Вассерштрассе (улица Водная, 12 в Гвардейске). Он стоит на берегу Деймы напротив построенного рыцарями-крестоносцами мощного орденового Замка и представляет собой очень простое одноэтажное строение с высокой мансардной кровлей, ранее увенчивавшейся выдающегося размера дымовой трубой. С фронтальной стороны дома – двухстворчатая входная дверь и четыре окна. Дом был разделён на несколько помещений. На первом этаже располагались жилые комнаты и кухня, местоположение которой угадывалось по дымовой трубе. В Восточной Пруссии такие помещения называли «чёрными кухнями», именно там во времена детства Коринта коптили мясо. Крутая лестница из передней вела на «чердак» на мансардный этаж, где ночевала прислуга и батраки. На задний двор можно было попасть через дверь, выходящую на каменную лестницу с тремя ступенями разной высоты.

Поля семьи
Коринта
Lovis Corinth's
family's field

Отцом Коринт бесконечно гордился. Франц Генрих Коринт был одновременно фермером (так называли горожан, занимающихся также и земледельем) и кожевником-дубильщиком. Он сумел не только значительно приумножить перешедшее к нему в результате женитьбы состояние, но и снискать уважение жителей Тапиау и стать членом местного муниципалитета. Этого

положения он смог добиться благодаря своей врождённой деликатности, умению ладить с людьми, спокойному и доброжелательному характеру. Семья Коринта относилась к состоятельным и уважаемым в городе. Но тогда из-за насмешек товарищей по играм маленькому Луису казалось, что богатство – это плохо. Однажды он вслух упомянул случайно подслушанную в доме матери новость о том, что его отец

стал членом муниципалитета. За это мать устроила ему такую взбучку, что он навсегда потерял желание хвастаться титулами своего отца.

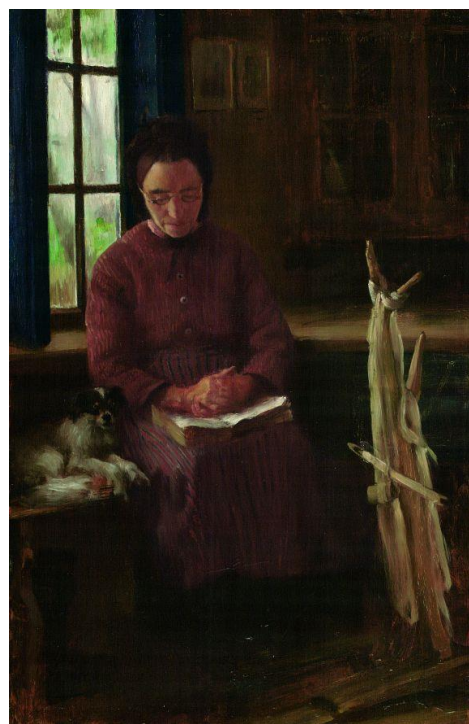
Уже в зрелом возрасте Коринт вспоминает о посещении их дома другом отца, также членом городского муниципалитета, и одетым во всё чёрное господином с золотой оправой на длинном носу, оказавшимся соискателем места бургомистра Тапиау. Кожевник говорил с ним о том, что всё должно делаться для блага и в интересах города. В разговоре они коснулись весьма щекотливой темы. В это время как раз строилось шоссе по новому мосту чрез Дейму и Прегель к вокзалу. Раньше надо было пользоваться паромом и маленьким мостом вблизи усадьбы отца Коринта и далее за Кляйн-Шлэйзе. Однако при прокладывании шоссе закупка участка земли за амбаром Коринтов не была бы произведена магистратом по благоприятной для владельца цене.

Несмотря на это, отец Коринта заверил, что это обстоятельство не мешает ему наравне с любым другим заботиться о благополучии города. Десятилетний Луис был горд за своего отца, горячо выступающего за осуществление этого проекта, несмотря на не совсем выгодные для него условия сделки.

О жизни в Тапиау в родительском доме художник повествует в своих

воспоминаниях. В них мать Коринта предстаёт глубоко религиозной, работающей и строгой женщиной, которую он никогда не видел праздной. Управившись по хозяйству и на дворе, она садилась за ткацкий станок или самопрялку и прилежно

пряла одну нить за другой. По воспоминаниям Шарлотты Беренд-Коринт, жены художника, после из свадьбы в Берлине в начале XX века они всё ещё пользовались постельным бельём, спряденным и сотканным руками матери Коринта.

<>

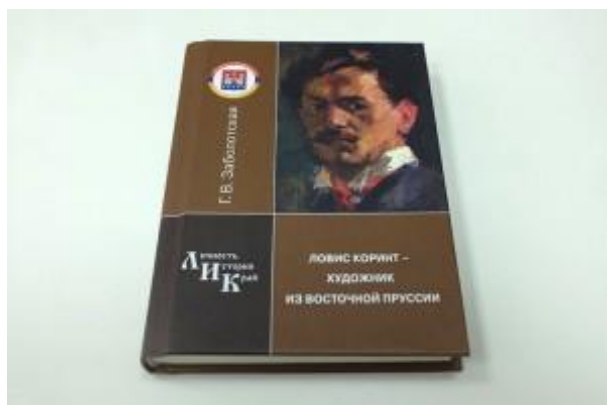
В родительском доме царил спартанский порядок, а также бережливость и экономность, граничащая со скупостью. Так, например, мать Коринта считала слишком большой роскошью держать собаку, так как её годовое содержание стоило бы семье столько же, сколько выкармливание одной свиньи.

В доме было строго и тихо. Коринт вспоминал, что если его мать была бодр и здорова, то она была всюду, и от

её наблюдательного цепкого глаза не ускользала даже малейшая оплошность прислуги. В противоположность отцу, часто потакавшего прихотям ребёнка, мать была с ним строга и иногда задавала ему трёпку. «Взбучка чётко и ясно вразумляла меня в отношении того, что я должен делать, а от чего надо отказаться». Позднее художник скажет, что ребёнком он больше тянулся к отцу, чем к матери. Повзрослев, он осознал, что её чувство к нему было не менее сильным. «В глубине души у нас у всех отпечаталось страстное желание любви. Но эту любовь нельзя было выражать. Скорее она была скрытой из-за боязни быть слишком мягким по отношению к тем, кого любишь».

Маленький Луис, или Лука, как называли его домочадцы, был любимцем в доме. «Солнечным лучиком» считали его рабочие и подёнщики, хмурые лица которых светились улыбками при появлении мальчика».

Книга Галины Валентиновны полна цитат из воспоминаний Ловиса Коринта, позволяет лучше узнать внутренний мир юного живописца, зарождение интереса к искусству и, в тоже время, творческие искания начинающего художника. А мы в свою очередь благодарны появлению первого русскоязычного издания о немецком художнике — результату многолетней работы по изучению жизни и

творчества художника – Г. В. Заболотской.

«Если кому-то природой предназначено стать художником, то она погружает его в соответствующую среду, то есть он оказывается там, где найдет самое интересное для себя и своих замыслов». (Из воспоминаний Л. Коринта)

Ловис Коринт (1858 – 1925), принадлежит к числу выдающихся немецких импрессионистов, родился в г. Тапиау, Восточной Пруссии (ныне г. Гвардейск, Калининградской обл.) и в течение всей жизни сохранял тесную

связь с родиной.

Родительский дом Ловиса Коринта на ул. Вассерштрассе, (ныне ул. Водная) был построен в 1825 году и принадлежал матери художника Амалии Вильгельмине Буттхер, которая также владела примыкавшими к дому кожевенной мастерской и

земельным участком. Дом был двухэтажным, однако второй этаж фактически являлся мансардным. На первом этаже располагались жилые комнаты и кухня с коптильней; крутая лестница из передней вела на мансардный этаж, где ночевала прислуга и батраки. С каменного крыльца открывался вид на конюшню, птичник, коровник, свинарник, овчарню, – их обитатели стали первыми моделями маленького Ловиса, у которого способности к творчеству проявились с раннего детства. «Двор был моим маленьким миром», – писал Коринт в своих воспоминаниях.

В 1866 году Ловис покинул родной дом, отправившись на обучение в Кёнигсберг, однако в течение всей жизни часто возвращался в родной Тапиау, для которого создал множество прекрасных произведений. Супруга Ловиса Коринта, Шарлотта Беренд-Коринт, вспоминала, как в 1906 году, во время их совместного посещения Тапиау, лицо Ловиса воссияло, когда он показывал ей отчий дом: «Ты видишь окошко на верхнем этаже? Там была моя комнатка. Там я написал свою первую акварель».

Тот самый домик 1825 года постройки, где родился художник сохранился в Гвардейске по сегодняшний день.

В скором времени предполагается его реконструкция и открытие в нем филиала Калининградского областного музея изобразительных искусств, обладающего крупнейшей коллекцией графики мастера, которая впоследствии станет основой для экспозиции в доме-музее Ловиса Коринта.

Текст со страницы сайта К МИИ «Дом-музей Л. Коринта»
<https://www.kaliningradartmuseum.ru/about/house-korinta/>

Одиннадцать лет он учился в Кенигсберге, Антверпене и Париже, вырабатывая и совершенствуя свой стиль. После смерти осталось 130 портретов, 475 сюжетных картин, среди которых 120 натюрмортов и 61 ландшафт, а в общей сложности 900 работ.

Большое место в его творчестве занимали картины библейской тематики. Кирхе родного города он подарил

немало полотен, некоторые из них погибли во время Первой мировой войны («Возложение Христа во гроб»).

В 1910 году Л. Коринт дарит кирхе трёхгранную картину-триптих «Голгофа», о судьбе которой после осени 1944 года до сих пор ничего не известно.

С 1880 года, после окончания художественной академии, Ловис Коринт живёт, в основном, в Германии (в Мюнхене, затем в Берлине). Тем не менее, он часто посещает свой родной город Тапиау.

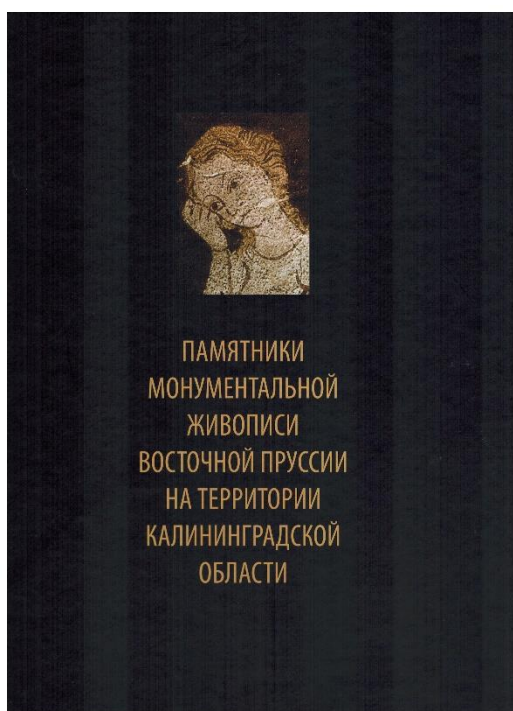
Своей жене, Шарлотте Берент-Коринт, с которой он приехал в отчий дом, Ловис показывал маленькое чердачное оконце и рассказывал, что там находилась его комнатка, в которой он начал писать свои новые картины акварелью. Из окна был красивый вид на Дейму, с богатой зеленью по берегам и кораблями, плывущими по реке. По этому поводу пишет Шарлотта Берент-Коринт: «Это всего лишь небольшая картина, первая в его жизни акварель, совершенно маленькое произведение искусства. Ничего в ней нет халтурного всё изображено безошибочно правдиво».

В 1917 году, по приезде в Тапиау, Коринт пишет новую картину «Члены ратуши» для города в качестве возмещения тех полотен, которые сгорели во время Первой мировой войны. Эта картина находилась до 1945 года в ратуше.

Земляки, проходя мимо Коринта, едва могли узнать его, уже известного художника, в одежде свободного покроя с открытым воротником в мятой шляпе. Город всегда ценил талант своего земляка и присвоил Л. Коринту звание почётного жителя Тапиау, а с 1917 г. на его родном доме уже была мемориальная доска. Кстати свидетельство о присвоении Л. Коринту звания «Почётный житель Тапиау» хранится в Берлине в Академии искусств.

Текст со страницы Независимого сайта Гвардейска <http://gvardejsk.ru/>

<https://youtu.be/GuaufkX9Q3I> Ловис Коринт рисует, 1922 год. Небольшой видеосюжет снял известный немецкий режиссёр-документалист Ганс Кюрлис.

2. Кирха Тапиау.

«Памятники архитектуры на территории Калининградской области и коллекция цветных диапозитивов из Мюнхена».

Фрагменты из статьи И. В. Кожевниковой, историка, искусствоведа из Каталога «Памятники монументальной живописи Восточной Пруссии на территории Калининградской области», 2012 года.

«В 2008 году музеем «Фридландские ворота» (Калининград) из Центрального института истории искусств в Мюнхене для изучения и публикации был передан комплекс фотодокументов. Эти уникальные цветные фотографии, сделанные в 1943 – 1945 годах, являются последними по времени и зачастую

единственными цветными снимками монументальной живописи на территории Калининградской области. Архив, частью которого нам повезло воспользоваться, постигла сложная судьба, и многое, вероятно, было утрачено.

Несколько слов об истории коллекции. Кампания по фотофиксации монументальной живописи производилась в 1943 – 1945 годах, когда угроза разрушения исторических памятников стала реальностью. Специалисты по охране памятников составили список, в который были включены около 2000 объектов. Группа фотографов разъехалась по разным городам Европы. В среднем делалось 50 снимков каждого объекта, с каждого снимка изготавливали 5 копий. Ещё до окончания войны цветные диапозитивы поместили в специальные хранилища, рассредоточенные по территории Германии. В 1947 году такие хранилища были обнаружены во Фрайбурге, Тюбингене и Майце. Фрайбургские и тюбингенские находки в 1956 году достались Центральному институту истории искусств в Мюнхене. К 1965 году обработка диапозитивов была завершена. Однако к 1990-м годам возникла угроза их утраты из-за старения плёнок вследствие физико-химических процессов. Эту проблему удалось решить при помощи электронных технологий: в 2000 – 2005 годах при содействии Марбургского фотоархива изображения прошли оцифровку. В настоящее время вся база доступна в Интернете – www.zi.fotothek.org и www.bildindex.de. За оцифровку и размещение архива в Интернете Центральный институт истории искусств в Мюнхене и Архив изобразительной фотодокументации в Марбурге 28 ноября 2007 года получили премию «Европейское культурное наследие».

Предоставленная нам часть архива содержит 917 фотографий 19 объектов, расположенных на территории современной Калининградской области. На большинстве снимков запечатлено живописное убранство церквей, есть циклы, посвящённые орденом замкам Лохштедт и Кёнигсберг, - в начале XX века их превратили в музейные комплексы.

Поскольку наша коллекция представляет главным образом культовые памятники, на них и сосредоточим своё внимание. После окончания боевых действий из 223 церквей полностью уцелели 133, повреждено 70. «Повреждения были самого различного характера – от попадания одного-двух снарядов (как правило в башню) с совершенно целым нефом (например, кирхи в Прейсиш-Эйлау – Багратионовске, Нойхаузене – Гурьевске) до полного выгорания с частичным разрушением стен.... Наиболее разрушенные кирхи находились в Кёнигсберге. Из 33 кирх, располагавшихся в городской черте, сильно пострадали 15...

За период с 1945 по 1991 год было полностью снесено 93 кирхи. К этому числу можно прибавить ещё около 70, от которых мало что осталось. В результате невосполнимые потери – 161 кирха» (А.П. Бахтин. Ситуация с памятниками культуры в Калининградской области на 2002 год).

Все сохранившиеся постройки числятся памятниками историко-культурного наследия, находятся они в ведении разных пользователей и имеют разную степень сохранности.

В Калининградской области до сих пор сохранились великолепные исторические памятники, которыми можно и нужно гордиться. Однако эти «объекты гордости» постепенно исчезают, либо пребывают в плачевном состоянии и являются скорее символами бесхозяйственности и разрухи, которая, как известно, гнездится в головах. В результате область теряет и свою индивидуальность, и туристическую

привлекательность.

Но существует и положительный опыт восстановления, реконструкции и реставрации, приобретённый за последние годы. Он показывает, что есть специалисты, можно находить возможности и средства.

Мы надеемся, что издание каталога позволит использовать публикуемые изображения для дальнейшей научно-исследовательской и просветительской работы».

Из 20 представленных объектов в Каталоге памятников предлагаем вашему вниманию

статью о сохранившейся кирхе в Гвардейске.

«Таріаи. Гвардейск, районный центр. Евангелическая приходская церковь.

Простая зальная церковь без хора, из оштукатуренного кирпича, с западной башней-колокольней, возведена после 1502 года. Восстанавливалась после пожаров в 1668 и 1694 годах. В 1768

году (по мнению Бётихера – в 1717-м) расширена в восточном направлении. В это же время была оштукатурена снаружи, получила новые арочные двери и окна. Боковые пристройки также позднего времени.

Башня строилась в два этапа: нижний ярус в начале XVI века, верхний – в конце XVI века. Башня имеет простое трёхчастное членение вертикальными, округлыми в верхней части нишами, что зрительно делает второй ярус более высоким. Вместе с восьмигранной пирамидальной крышей высота башни составляла 30 метров. Здание кирхи имело 32,8 метра в длину и 11,7 метра в ширину.

Интерьер был скромен, но зал имел двухъярусные эмпоры и цилиндрический сводчатый потолок XVII века, украшенный живописными сюжетами на библейские темы. В конце XIX века росписи были отреставрированы.

Резное убранство конца XVII века работы мастерской Исаака Риги погибло во время пожаров. Кафедра и алтарь, а также исповедальня относились к

периоду после 1694 года. Объединение кафедры и алтаря в единую композицию произошло, вероятно, около 1767 года. Это дар одного из Валленродтов. Обращал на себя внимание латунный подсвечник с двуглавым орлом и надписью: «Меня в 1669 году подарил Петер Риттер». С 1911 года в ризнице церкви находился алтарный триптих «Голгофа» работы прославленного уроженца Тапиау Ловиса Коринта.

Орган установлен в 1870 году. Колокола помечены 1684 и 1840 годами.

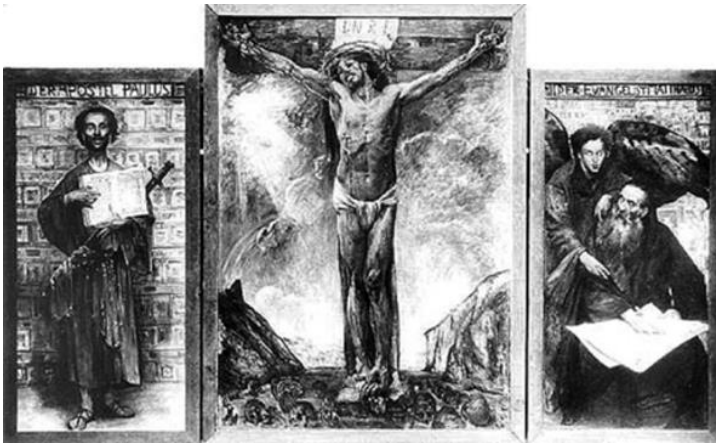

Поскольку в Тапиау не было боёв во время Второй мировой войны, то город и церковь оставались неповреждёнными. Церковь служила складом и к 1990 году выглядела непрезентабельно. В 1990 году здание было передано Русской православной церкви, которая провела ремонтные работы. С 1992 года здесь проходят службы».

Бывшая городская кирха сейчас действующий православный храм Иоанна Предтечи, был освящен в 1991 году митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом.

3. Триптих. «Голгофа». Л. Коринт

«В июне 1910 года Коринт решает подарить созданный им триптих «Голгофа» в качестве алтарной картины для сакристии церкви в Тапиау, в которой он принял крещение. Апостолы для этого триптиха были представлены не как воины, а как погружённые в раздумья люди.

Во время пасхальных праздников в середине апреля 1911 года многие люди

приезжали в Тапиау, чтобы увидеть в церкви знаменитую «Голгофу».

1 августа 1914 года разразилась Первая мировая война. Коринт вместе с Либерманом, Слефогтом и Барлахом относится к тем, кто с патриотическим воодушевлением приветствовал её начало. Они видели в ей возможность возрождения немецкого искусства. «Мы хотим доказать, что немецкое искусство выступает сегодня во главе мира. Покончим с галльско-славянской подражательностью нашего творчества последних лет», – призывал он в то время. Как приверженец кайзеровской Германии и истинный «пруссак» Коринт надеялся, что победа освободит немецких художников от зависимости от иностранных, в частности, французских направлений в искусстве, сделает возможным существование самостоятельного немецкого искусства, историческая значимость которого буде сравнима с искусством Германии эпохи Возрождения.

Коринт был потрясён, получив известие о том, что русские войска вошли в Восточную Пруссию, и в конце августа 1914 года его родной Тапиау стал местом боевых действий, повлекший за собой потери и разрушения. «Никто не напевал мне в колыбели о том, что мой маленький город моего рождения Тапиау, помимо удовольствия произвести меня на свет, будет ещё и

местом свирепой битвы».

28 августа во время наступления русской армии была разрушена старая ратуша и погибла его картина «Положение во гроб» (ещё в ноябре 1904 года он передал её в дар своему городу). Друзья семьи привезли Коринтам маленький фрагмент обгоревшей рамы, как свидетельствует Шарлотта Беренд-Коринт (супруга художника).

Огнём была объята пивоварня, находившаяся по соседству с кирхой, гордость которой составлял триптих «Голгофа». Когда несколько пуль уже попали в триптих, а окна сакристии, на продольной стене которой висели картины, потрескались от пламени боя, разбиравшийся в искусстве врач психиатрической лечебницы Эрнст Питч получил от суперинтенданта (священнослужителя кирхи) Вильгельма Райнхольда Киттлауса разрешение перенести уже повреждённый шрапнельным обстрелом триптих в безопасное место. Под покровом озаряемой лишь огненными вспышками орудий ночи он вырезал полотна из рам обычным перочинным ножиком и перенёс их на собственных плечах в контору лечебного учреждения. Там спасённый триптих находился в течении месяца. Затем он был восстановлен кёнигсбергским художником Шауманном.

Только несколько следов от пуль остались, согласно желанию Коринта, как напоминание о войне. 15 апреля 1917 года триптих вернулся на своё прежнее место в церкви.

Здание сохранилось в Тапиау до сегодняшних дней, следы триптиха теряются во время Второй мировой войны.

В августе 1917 года Коринт посетил свой родной город Тапиау, удостоивший ставшего знаменитым художника звания Почётный гражданин города.

Свидетельство о присвоении звания Почётного гражданина от 14 августа 1917 года гласило: «Властью, данной нам параграфом 5 абзаца 3 городского уложения от 30 мая 1853 года, мы единогласно постановили присвоить звание Почётного гражданина сыну

нашего разрушенного рукой врага и помолодевшего благодаря восстановительным работам родного города художнику профессору господину Ловису Коринту в знак признания его выдающихся заслуг перед немецким искусством. Тем самым мы выражаем благодарность за то, что господин профессор Ловис Коринт всегда принимал активное участие в развитии и процветании своего родного города и одаривал его работами, относящимися к лучшим и величайшим образцам его превосходного искусства (Тапиау, 14 августа 1917. Магистрат и члены городского магистрата города Тапиау: Вагнер, бургомистр; Шмидт, начальник городского магистрата; Глаубиц, помощник бургомистра; Бендрик, первый заместитель начальника городского магистрата. Свидетельство заверено печатью магистрата Тапиау 1722 года)».

Оригинал этого документа выполнен вручную на пергаменте разноцветным шрифтом в стиле средневековых грамот; хранится в собрании Ловиса Коринта в Академии художеств, Берлин.

16 августа 1917 года Ловис Коринт пишет из Берлина своему другу Штруку, в то время находящемуся на военной службе, на адрес немецкой полевой почты: «Дорогой господин Штрук! Со всей поспешностью пишу я Вам этот ответ на Ваше письмо, так как завтра уезжаю в Тапиау на мою родину, чтобы написать то, что давно требовалось рауше; затем я подарю картины городу».

Речь идёт о работах «Члены магистрата Тапиау» (1917/1918), «Тапиау» (1917), «Боруссия» (1917)».

Фрагменты из книги Г. В. Заболотской «Ловис Коринт – художник из Восточной Пруссии»

Осенью 1944 года триптих «Голгофа» был вывезен в Кремиттен (посёлок Лозовое), а затем исчезла в неизвестном направлении. Судьба картины «Тапиау» после 1945 года неизвестна. Сохранился этюд «Тапиау. Малый пейзаж» (1917) в частном собрании, служивший подготовительной работой для картины «Тапиау». Недавно этюд был продан на торгах за 62,5 тысяч евро. Судьба других произведений, которые находились в зале заседаний нового здания магистрата Тапиау – «Члены магистрата Тапиау» и «Боруссия» – после окончания Второй мировой войны так же неизвестна. Сотни произведений – акварелей, рисунков, графики – Коринта оказались утраченными в годы Второй мировой войны и после. Единицы всплыли в 90-х годах на западных аукционах.

4. Праздники в Тапиау и Велау.

Кто как не местный житель расскажет со всеми подробностями о жизни любимого города? Мы вновь обратимся к фрагментам книги «Ловис Коринт – художник из Восточной Пруссии» Галины Валентиновны Заболотской.

Отправимся на Большой праздник стрелков и знаменитую ярмарку в Велау, которые запомнились юному Коринту и во всех подробностях записаны им в воспоминаниях о лете 1867 года.

«...это лето в Тапиау запомнилось юному Коринту благодаря Большому празднику стрелков, который ежегодно совпадал с серединой лета и устраивался мужской частью населения городка. Мужчины разделялись на королей стрелков, знаменосцев и прочих высокопоставленных лиц. Эти офицеры устраивали шествия со шпагами в

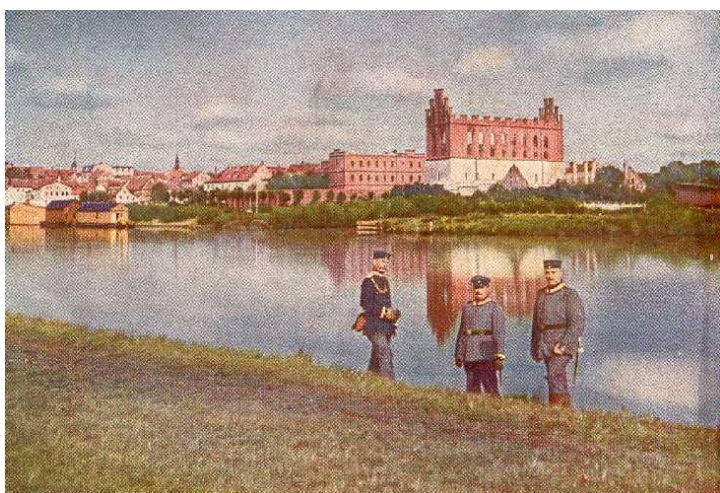
ножах, взятыми в временное пользование у служащих исправительного заведения.

Целыми неделями шла лихорадочная подготовка к празднику. Девушки приводили в порядок свои бальные праздничные туалеты. Мужчины упражнялись в стрельбе и проверяли, пощадила ли их фраки моль. Вечером накануне праздника в Тапиау украшались берёзовыми ветками и стволами, и там, где находился выход из города, возводили большие триумфальные ворота с мощными гирляндами. Этим же вечером начало праздника обозначалось шествием под звуки, играющие вечернюю зарю.

На следующее утро также был выход под музыку. Члены стрелковой гильдии строились на рыночной площади (Marktplatz). Офицеры во главе с королём стрелков перемещались вдоль стройных рядов под звуки трубы. Король стрелков и старейшины генерального штаба восседали на богато украшенных лошадях, охотно одолженных на время праздника

жандармерией и контролёром исправительного учреждения.

Участников процессии обвивали большими венками. Цветами украшались даже дула стрелкового оружия. Перед процессией скакал верхом на лошади король стрелков – победитель соревнования прошлого года со своей свитой, которая вся была в цветных лентах и «серебряных» орденах величиной с тарелку. За ними устремлялись развевающиеся знамёна. Их доверяли нести самым красивым юношам городка. Замыкали процессию

шпагоносцы под командованием их лейтенантов. Своё оружие они большей частью временно одалживали у надзирателей исправительного заведения, располагавшегося на территории Замка.

В этом празднике участвовала и семья кожевника Коринта. В детской памяти запечатлелся тот момент, когда отец Коринта в окружении членов семьи и гостя появился на площади на своей новой, начищенной до блеска деревянной тележке с платформой. Гость оказался дальним родственником – Фердинандом Людвигом Фелау, подмастерьем мясника из Кёнигсберга. Фрак безупречно сидел на крепкой фигуре юноши. Светлые усы были гордо закручены наверх, под красной нижней губой небольшая бородка-мушка на гладко выбритом подбородке. Тёмные волосы посередине были расчёсаны на пробор, крупные локоны обрамляли свежее розовое лицо. На пальце выделялся перстень с печаткой. Своими городскими манерами он произвёл впечатление на свою сводную сестру Коринта Рике, и она уже не упускала его из виду. До этого девушка считала достойным внимания лишь одного из государственных служащих Тапиау.

Рике также в этот день выглядела похорошевшей. Светло-русые волосы были зачёсаны и уложены в сложную причёску. От этого лицо сестры приняло какое-то застывшее, по выражению Коринта, «византийское» выражение. На ней было розовое платье из муслина, юбка которого из-за кринолина походила на колокол.

Так на этом празднике стрелков произошло знакомство сводной сестры Луиса Рике с её будущим мужем, «мясником» из Кёнигсберга. С этой супружеской четой, позднее жившей в столице Восточной Пруссии, Коринт часто общался во время обучения в Академии художеств.

Оба сына жены кожевника Август и Франц также участвовали в празднике. Длинные золотые цепочки для часов, полученные ими в подарок на прошедшее Рождество, гордо красовались на белых шёлковых жилетах. Только кончики пальцев молодых людей позволяли догадаться о роде их занятий. У тех, кто занимается дублением кожи, пальцы протравлены дубильной корой до коричневого цвета так, что никакое мыло в мире не сможет их отмыть. На этом празднике стрелков сводный брат Луиса Франц познакомился с трактирной разносчицей, что позднее привело к разрыву с матерью.

Место, где проводился праздник, находилось на половине пути в Велау, примерно в 11 километрах к востоку от Тапиау. Сюда стекался народ из всех окрестных деревень. Сам праздничный луг превращался в палаточный городок. Здесь располагали свои лавки владельцы

ресторанов, трактиров и гостиниц, надеющиеся получить изрядную прибыль в течение дня, конечно, при условии, что будет хорошая погода и ясное голубое небо. В центре палаточных рядов устанавливали сцену для танцев, примитивное сооружение, которое тоже ежегодно разбиралось. На востоке эту декорацию завершал тёмный хвойный лес, повсеместно называемый «ельником».

Главное празднество начиналось после полудня. Около четырёх часов площадь постепенно оживала. Король стрелков вместе с супругой смешивался с толпой народа. Вскоре вокруг него собирались верные и преданные друзья. Новый король стрелков определялся после самого меткого «королевского выстрела». Он получал красиво расписанную мишень, в которую он попадал своим превосходным выстрелом. Эту мишень он с гордостью вешал как знак отличия у себя дома в передней. «Таким образом многие наши знакомые и дальние родственники, такие как токарь Мельхаси булочник Клаффт, получили подобные почётные мишени, росписью которых я восхищался. На них были изображены тонкие аллегории того ремесла, которым занимался соответствующий король стрелков».

К вечеру большинство семей начинало готовиться к возвращению домой. Тогда жизнь на площади приобретала иной характер. Многие мужчины оставались и вели свободный образ жизни. Слоняющаяся публика обращалась к прислуге и девицам лёгкого поведения, появлявшимся ближе к вечеру. Их легко было узнать по бесцеремонно-развязной манере, с которой они завязывали знакомства и флиртовали в толпе. В палатках также становилось фривольнее. В королевской палатке дружно лежали друг возле друга, склонив на стол отяжелевшие головы, прошлогодний и сегодняшней короли стрелков. Также дремал их генеральный штаб, кто-то на лавках, а кто-то и под ними.

Вторым, не менее ярким воспоминанием детства художника, было посещение знаменитой далеко за пределами Восточной Пруссии ярмарки в Велау. В погожий день в Тапиау можно было разглядеть блестящие на солнце крыши домов этого городка.

Эта ярмарка была особенно важна для его отца-кожевника. Накануне ярмарки во дворе и в кожевенных мастерских наблюдалась оживлённая работа.

Мастер обычно отправлял на продажу несколько грузовых повозок с дублённой кожей и рапсом. Проследив за приготовлениями и проконтролировав работу подмастерьев, отец возвращался в жилые комнаты дома, открывал секретер-конторку и погружался в подсчёты кожи и зерна. Попутно он делал быстрее пометки о том, что «гнедую»

такого-то числа надо отвести к племенному жеребцу. Он даже подсчитал, когда после этого можно ожидать жеребёнка. До ярмарки оставалось совсем немного времени, а это означало, что надо пошевелиться, чтобы всё предусмотреть и решить.

На ярмарку Коринты отправлялись всей семьёй. После двух часов езды в повозке они выезжали на ведущий в Велау длинный деревянный мост, сплошь усеянный просящими милостыню нищими. Повозка двигалась по мосту медленно, так как «мать из-за эгоистического суеверия раздавала подавания каждому встречному», и потому,

что двигаться по шаткому деревянному мосту быстрее строго запрещалось. Об этом предупреждала и поговорка «Кто смел, идёт в Велау (имелся в виду ненадёжный длинный мост), кто слишком смел, идёт в Тапиау (имелось в виду исправительное учреждение)».

Кожу и рапс Коринты продали ещё до обеда и после полудня у них оставалось время для собственных закупок. Сначала семья отправилась на самую крупную в Восточную Прусскую конную ярмарку.

Там было всё: лошади из России, Литвы и из самых известных восточно-пруссских конюшен, а также скот из низовьев Прегеля.

В балаганах, сооружённых на возвышенных участках, выступали великанши, сирены, карлики и уродцы. Скелеты рыбы и прочие многочисленные диковины вызывали любопытство и восторг посетителей. Одни проводили время в тире, другие в пивной с официантками.

Затем Луис с матерью подбирали для него обувь в рядах тильзитских сапожников-обувщиков. Но мальчика больше всего привлекали места, где торговали торуньскими пряниками. И, наконец, мать повела его к лодкам, где предлагались на продажу огромные, величиной с колесо, эльбингские сыры.

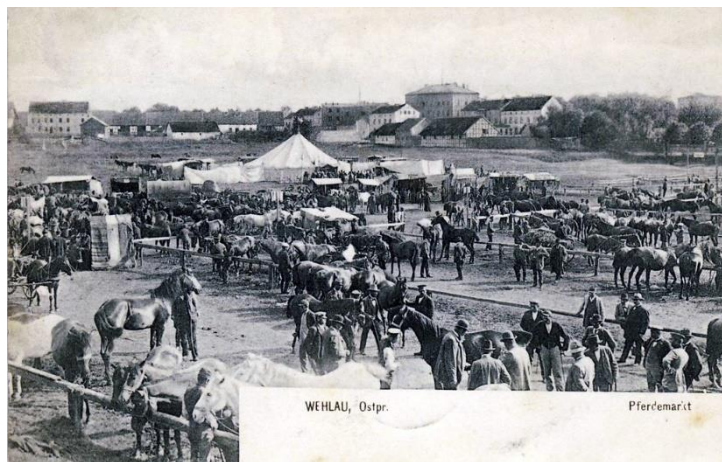
Это был настоящий народный праздник, после которого вечером усталое, но довольное семейство кожевника на полной покупке повозке возвращалось домой».

5. Лошадиная ярмарка.

Одной из самых известных пород лошадей, выведенных в Пруссии, являются тракены. Чуть менее известен конный рынок в Велау, один из крупнейших специализированных рынков в Европе. В ежегодной праздничной суматохе в качестве торговцев лошадьми, лотошников и предсказателей принимали участие и многие синти из Пруссии.

«Моя семья – типичные восточно-пруссские синто»

Матенинген (пос. Угрюмово, Черняховского района), Восточная Пруссия, начало 1923 года: маленькое, спокойное местечко – всего 250 душ – на восточной окраине Германского рейха. Большинство жителей заняты в сельском хозяйстве. Ближайший крупный город – Инстербург – находится в 14 километрах. В это время года сюда можно попасть только на санях. Снег и

холод продлятся еще несколько месяцев. Зима в этой местности затяжная и холодная, только в мае приход весны постепенно становится заметным. В одном из 20 подворий Матенингена проживает Райнхард Хабеданк и его жена Флорентина Флориан со своими детьми, четырьмя девочками. Большинство членов семьи Хабеданк-Флориан выглядят иначе, чем их соседи. Люди называют их обобщенно «цыгане». Но между собой они называют себя синто. В деревне они единственные, но в Восточной Пруссии «цыгане» – отнюдь не редкость. Многие из них уже несколько поколений проживают здесь как местные и зарабатывают на жизнь торговлей лошадьми. [...]

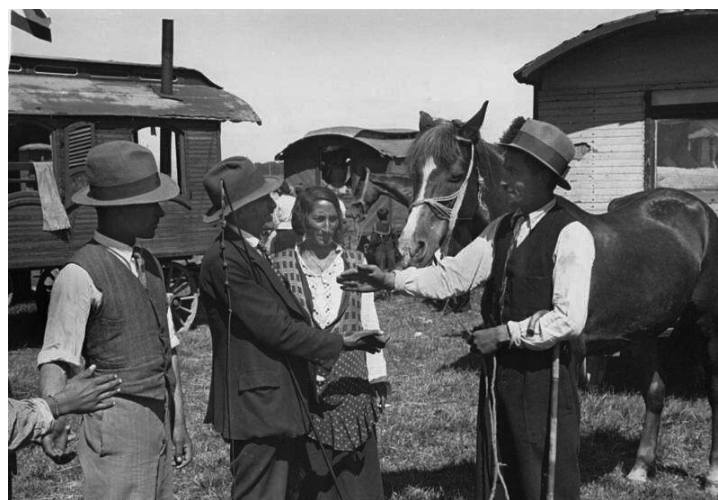
Райнхард Хабеданк, мой отец, родился 9 марта 1896 г. в Пускепсельн, и как все многочисленные синто занимался торговлей лошадьми. В нашей культуре лошади являются священными животными. Отец успешен в своем деле. У семьи нет никаких крупных хозяйственных трудностей. Наиболее успешным временем был период с 1934 по 1937 год, непосредственно до того, как мой отец был вынужден прекратить торговлю лошадьми. В эти годы у него было до 20 лошадей. Там, где мы жили, он не мог разместить всех животных, их было слишком много. В 1935 году он арендовал конюшню в Георгенбурге, предместье Инстербурга. Там он держал лошадей не только как раньше для дальнейшей продажи, там даже родилось несколько жеребят. Так как он в одиночку уже не справлялся с работой, он нанял слугу для помощи в уходе за животными. По своим торговым делам отец был вынужден часто путешествовать.

Одной из целей его поездок был Велау. Там находится один из крупнейших конных рынков в Европе. Он уникален. Для моего отца это был пик делового года, там он получал самую крупную прибыль, наибольшую часть годового дохода. На конном рынке в Велау царит громкая деловая суэта. Торговцы и покупатели прибывают со всех городов и весей. Торговля организуется по четким правилам, конечно, в них входит

и небольшая доля театра. Это происходит примерно так: крестьянин, желающий приобрести животное, осматривает его, проверяет, заглядывает в пасть. Проверяет прикус. Ни в коем случае мой отец не должен заметить, как сильно этот крестьянин заинтересован в покупке этой лошади. Это испортит цену. Потом он прогуливается несколько раз вокруг лошади, осматривает ее со всех сторон. Только тогда он обращается к моему отцу: «Да, этот конь выглядит вполне ничего. Сколько он стоит?» – «Ну, я думал столько-то рейхсмарок» – «Ох ты, боже мой, – нет! Это слишком дорого» – «Ну, ладно, я сделаю исключение, только для тебя, ..., тебе я сделаю скидку: столько-то рейхсмарок» – «Да, но это все еще достаточно высокая цена! На пятьдесят дешевле!» – «И магарыч!» – «Согласен!». Рукопожатие завершает сделку. Удар по рукам на конном рынке имеет ту же силу, что и договор купли-продажи. «Магарычом» называют совместную выпивку за счет продавца по достижению соглашения. Шнапс определенным образом придает торговле правовую основу. Подобная торговля не всегда проходит столь быстро, часто борьба и торг за лошадь делятся часами.

Рынок продолжается три дня и проходит на огромном лугу перед воротами города. На

Bundesarchiv, Bild 183-1092-018-508
Foto: v. Ang. 1.1935

его окраине и по обочинам городских улиц театральные постановщики, хозяева питейных заведений и торговцы выставляют свои киоски и палатки. Здесь господствует хорошо организованный хаос. Без особого контроля и надзора все регулируется в соответствии со своей тайной внутренней логикой. В 1937 году, когда мой отец в последний раз принимал участие в торгах на рынке, было зарегистрировано свыше 10 000

лошадей. К ним нужно добавить и несколько тысяч коров. В случае лошадей речь идет

прежде всего о тех животных, которых можно использовать в сельском хозяйстве. На верховых и упряжных лошадей–тракенов спрос невелик, а вот на рабочих лошадях – напротив. Особый интерес вызывают выносливые маленькие фермерские лошадки, крестьянские лошади без родословных, которые идеально подходят для тягловых работ. Поэтому основными посетителями рынка являются покупатели среднего класса. Дорогих роскошных лошадей обычно покупают в Кёнигсберге.

Большая часть лошадей после покупки остается в Восточной Пруссии, которая благодаря своему развитому сельскому хозяйству традиционно основывается на их тягловой силе. Многие животные продавались покупателям из самого рейха, как мы тогда говорили, или из-за границы. В лучшие времена рынка Велау ежедневно до 100 транспортов с лошадьми отправлялись на Запад. По восемь лошадей в одном транспорте. Мой отец рассказывал, что до 1914 года значительная часть из предлагаемых им на продажу лошадей поступала из России, после Первой мировой войны – из Польши.

Покупатели прибывали не только из Восточной и Западной Пруссии, но и из других западных регионов Рейха, и из других стран, например, из Дании, Швеции, Финляндии, Австрии, Сербии. Сегодня, в период моторизации, практически никто не может себе представить, каким был тогда конный рынок. Приготовления начинались за несколько недель.

Город получал прибыль от сборов за торговые места, купцы в Велау и владельцы питейных заведений получали хорошую прибыль, даже горожане получали небольшой

приработок за сдачу жилья в наем. Рынок был важным экономическим мотором для Велау.

Для транспортировки лошади связывались друг с другом, последующая к хвосту предыдущей. Либо предназначенных для продажи животных привязывали сзади к повозке. Как уже было сказано, некоторые торговцы прибывали издалека, некоторые из самой провинции Восточная Пруссия. Постепенно местность, предназначенная для рынка, заполнялась до отказа.

Многие владельцы брали с собой своих старших незамужних дочерей. Рыночные дни были хорошей возможностью найти себе подходящую партию. Среди торговцев были и евреи. К ним добавлялись «цыгане», прибывавшие со всех концов света. Некоторые привозили с собой жен, предсказывавших судьбу. Многих посетителей рынка привлекала возможность услышать от экзотической красавицы свою судьбу, прочитанную по руке. [...]

До 1937 г. синто оставались неотъемлемой частью рынка. Мой отец продавал лошадей и на рынках в Тапиау и в других городах. Насколько я знаю, после Второй мировой войны с момента исчезновения Восточной

Пруссии завершилась и история конных рынков.

Из статьи «Синто на конном рынке»

http://www.pruzenland.eu/temy/quelle.html?L=2&tx_pruzenland_pruzenland%5Bquellen%5D=61&cHash=04919586c9c53abd914bf039c917fbb1

Осталось только узнать кто такие синто, чья жизнь была так тесно связана с торговлей лошадьми...

А о самом лошадином рынке в Велау подробно изложено на ресурсе «Открытка из Восточной Пруссии» <http://www.eastprussia.ru/pferdemarkt-in-wehlau/>

6. Система сельскохозяйственного образования в Восточной Пруссии.

«Становление сельскохозяйственного образования в Восточной Пруссии приходится на начало XIX века. Именно тогда, в рамках аграрных реформ, потребовались в массовом порядке специалисты в области сельского хозяйства. В начале XIX века лишь отдельные крупные помещики в Восточной Пруссии закончили специализированные

сельскохозяйственные учебные заведения, располагавшиеся за пределами провинции.

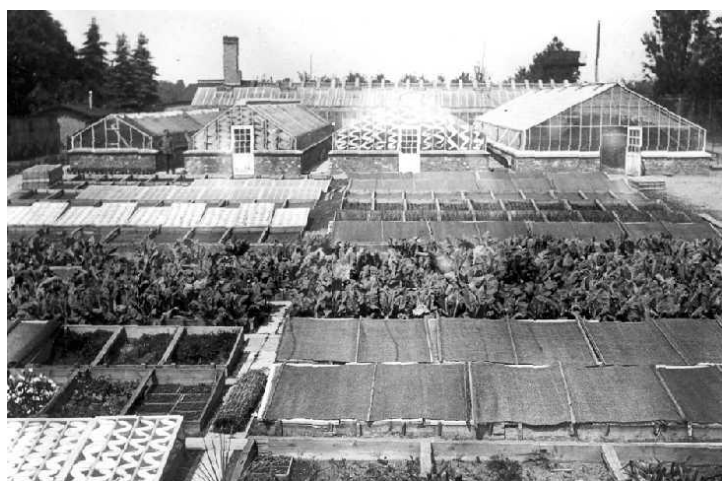

Некоторые обучались в основанной Альбертом Тэром в 1804 году Первой королевской академии земельного строительства в Меглине. Были попытки организовать обучение в сфере сельского хозяйства и в Восточной Пруссии. Некто помещик фон Айхлер в 1809 году выступил с таким предложением: государство выкупило бы имение Авайден у Кенигсберга (внутренние хозяйственные постройки которого и ныне можно созерцать в конце Аллеи Смелых, ему тогда административно подчинялись Шпайхерсдорф и Розенау) и организовывало там экспериментальное хозяйство, а также открыло учебное заведение по типу Тэровского. Мнения в правительстве Восточной Пруссии по этому поводу разделились. Ауэрсвальд и Альтенштейн высказались за эту идею, Шён и Дона против. Идею не претворили в жизнь. Большой толчок в деле сельскохозяйственного образования дали аграрные реформы. Для просвещения крестьян, ставших по эдикту 1807 года лично свободными, стали создавать сельскохозяйственные объединения, а при них сеть различных сельскохозяйственных школ.

Так, сельскохозяйственное центральное объединение Литвы и Мазур в 1825 году основало школу овцеводства, в 1846 году в Инстербурге открылась школа льноводства, годом позднее такая школа появилась в Люке (ныне Элк в Польше).

В 1850 году появились в Лерхов–Рагнит, в 1852 году в имении Спиингс (район Кенигсберга) полеводческие (земледельческие) школы, в 1878 году открыто было подобное учреждение в Альтхофе (ныне п. Орехово Багратионовского района) у Гильгенбурга (ныне п. Донбрувно в Польше).

Позднее их сменила система зимних школ. Первая зимняя сельскохозяйственная школа возникла в Гумбинненеб в 1874 году. Количество их увеличивалось из года в год.

В «Годовом отчете восточно–прусского сельскохозяйственного центрального объединения» за 1895 год содержатся данные на три сельскохозяйственные зимние школы. В школы в Алленштайне (ныне Ольштын в Польше), в Браунсберге (ныне Бранево в Польше) и в Велау направлялись, а затем распределялись по направившим их районам, ученики.

Так как обучение в школах приходилось на зимнее время, то преобладали теоретические курсы, а практические занятия были представлены слабо. В силу этого наряду с зимними школами действовал еще ряд школ.

Количество зимних сельскохозяйственных школ и количество учащихся в них постепенно увеличивалось: начиная с учебного 1874/75 года от 1 школы и 16 учеников по 1913/14 года до 19 школ и 639 учеников.

Как было устроено обучение в школах? Продолжительность обучения составляла два зимних семестра, продолжительность одного семестра – 5 месяцев. Рассчитан учебный план был прежде всего на крестьянских детей, но только 40% учеников оканчивали полных два курса, 60% ограничивались годом обучения. В зимних школах учитель выполнял обязанности директора. Имелись еще помощники

учителей, они вели вспомогательные (элементарные) дисциплины. В 1913/14 гг. во всех 19 школах провинции имелось 23 основных учителя и 189 помощников учителей. Летом ученики этих школ помогали в хозяйствах родителям. В 1907 году управление сельскохозяйственных зимних школ перешло от сельскохозяйственных центральных объединений к сельскохозяйственным палатам.

Учеников таких школ «давали» в большей массе крестьянские хозяйства, площадь которых колебалась в размере от 10 до 100 га. В Восточной Пруссии в 1913 году на одного ученика школы приходилось 68 хозяйств, что было выше чем в соседних провинциях, но ниже чем в целом по стране. По Германии на 38 хозяйств размером от 10 до 100 га приходился 1 ученик зимней сельскохозяйственной школы.

Идеальной считалась ситуация, когда каждый хозяин имения площадью от 10 до 100 га окончил бы зимнюю школу, но для этого явно надо было иметь большее количество подобных школ в Восточной Пруссии.

Окончивших полный двухгодичный курс обучения, всего 39,2% из числа окончивших зимние сельскохозяйственные школы Восточной Пруссии за все годы работы, а в отдельных районах таковых было всего 5%.

Помимо зимних сельскохозяйственных школ имелись и сельскохозяйственные реальные школы. Они относились к школам высшей ступени. Здесь должны были обучаться дети состоятельных хозяев, которые наряду с общеобразовательной подготовкой получали

бы специальные знания в области сельского хозяйства. Некоторую сложность для получения специальных знаний представлял юный возраст учеников. Хотя школы были в подчинении министерства сельского хозяйства, они не считались государственными. В Восточной Пруссии было всего 2 такие школы. Одна в Хайлигенбайле (ныне Мамоново), вторая в Маргграбово (ныне Олецко в Польше). Число учеников в 1913 году составило 302.

Также имелись сельскохозяйственные школы домашнего хозяйства. Например, школа имени кронпринцессы Цецилии в Меттетене (пос. А. Космедемьянского) под Кенигсбергом находилась в ведомстве объединения хозяйственных земельных восточно-прусских женских школ. Здесь дочери «образованного» сословия обучались навыкам домашнего хозяйства. В таких школах получали навыки в областях поварского искусства, рукоделия, ремесел, молочного производства, птицеводства, свиноводства, садоводства и т.д. Первая подобная школа была открыта в 1890 году эрmlandским крестьянским объединением в Вормдиттене (ныне Орнета в Польше, район Браунсберг). Учебный процесс шел круглогодично. Особый упор делался, кроме всего прочего, на религиозное воспитание.

Для девушек, которые не могли посещать эти школы, создавались переездные школы. В начале XX века процесс создания таких школ был в самом начале; в 1912 году появились первые две, а в 1913 году их было уже 19.

Имелись также и другие специализированные школы сельскохозяйственного направления. Например, в 1910 году имелась в Кенигсберге школа молочного дела для мужчин, учебный курс занимал полгода.

В «Годовом отчете сельскохозяйственной палаты провинции Восточная Пруссия» за 1898 год содержатся сведения о специализированных молочных школах. Сказано, что восточно-прусское молочно-хозяйственное объединение на базе опытной станции молочного дела в Кляйнхофе–Тапиау создало школу молочного дела. На 1 апреля 1889 года в школе было 40 учеников.

Две школы молочного дела для женщин были в Варникаме (ныне Варникайны в Польше) и Кармиттене (ныне Отрадное Гурьевского района). В докладе указано, что школы пользуются популярностью, и выпускницы школ находят применение в провинции. На таких специалистов спрос так велик, что имевшееся число школ не способно удовлетворить потребность в них.

В школе в Кармиттене реализовывалась идея переложить руководство на женский персонал, чтобы через определенный срок выпускать женщин–руководителей больших молочных производств. Для этих школ были разработаны председателем восточно-прусского молочно-хозяйственного объединения правила следующего содержания:

1. Школы молочного дела дают навыки практические и теоретические молодым девушкам в области рационального ведения молочного дела с целью ведения в последующем его самостоятельно.
2. Для каждой школы было установлено число учащихся в количестве 6 учениц. Курс обучения равнялся одному году и начинался в Варникаме 1 октября, в Кармиттене – 1 апреля.
3. Условия приема: наличие начального (элементарного) образования; возраст – полные 18 лет; крепкое телосложение; опыт практической работы и т.д. Предпочтение отдавалось уроженкам Восточной Пруссии.

В 1895 году в Вальдгартене (район Кенигсберга, ныне район ул. Ломоносова) создана школа птицеводства под патронажем сельскохозяйственной палаты. С 1878 по 1885 годы существовала школа садоводства в Альтхофе (Рагнит).

С 1895 года в Тапиау работали провинциальные курсы. Учебный курс длился здесь три года. Для учеников, обучающихся экстерном, – два года. С 1893 по 1912 годы её окончило 166 учеников.

С 1896 года в Кенигсберге действовала провинциальная школа луговодства, которую посещали 40 учеников. Имелись в провинции еще 7 школ

кузнечного дела.

Кроме того, уже в 1863 году фон Гольц в Вальдау (ныне пос. Низовье Гурьевского района) создал земельную школу повышения квалификации. В 1866 году таких школ было уже 9, а в 1913 году – 831, в которых обучалось 7 566 учеников. По правительственным округам школы делились так: в Кенигсбергском – 184, Гумбиненском – 167, Алленштайнском – 480. Причем в Мазурах школы финансировались исключительно из государственных средств, в других округах привлекались и другие источники финансирования. Всего расходы на содержание школ повышения квалификации составили в 1913 году 138 349 марок. Преподавательский состав формировался из так называемых народных школьных

учителей, которые закончили специальные курсы для учителей, привлекались для преподавания и священники. В 1913 году было 1 054 народных учителя и 34 священника среди преподавателей курсов.

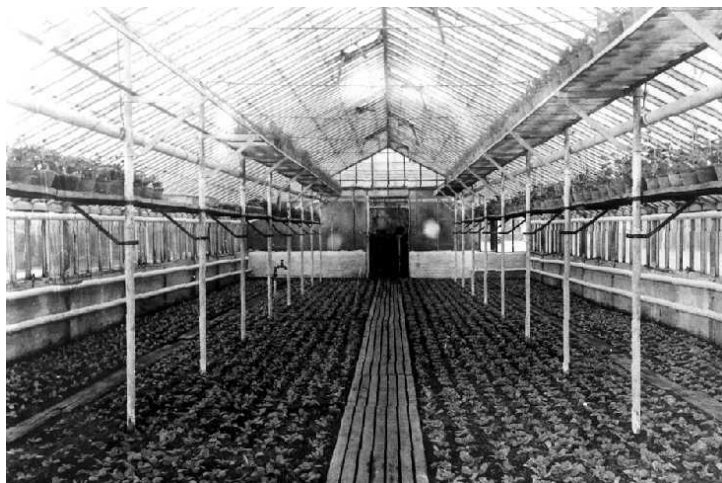
Курсы, за редким исключением, шли в зимний период. Учебный план включал 92 академических часа. Такие курсы давали общие знания по земельным вопросам.

Существовали и сельскохозяйственные опытные станции. В 1857 году станция была открыта в Инстербурге Центральным сельскохозяйственным объединением для Литвы и Мазур. Она объединила к 10-м годам XX века институт Сельскохозяйственного центрального объединения в Инстербурге с исследовательским управлением по продуктам питания. В 1875 году Сельскохозяйственное центральное объединение основало сельскохозяйственную опытную станцию в Кенигсберге, которая с 1907 года была представлена уже под наименованием «исследовательское управление».

В 1907 году из опытной станции в Кенигсберге выделили в качестве самостоятельных институтов семенное исследовательское управление и станцию защиты растений. Опытная станция для определения молочной продукции появилась в 1887 году как подразделение Сельскохозяйственного центрального и молочно-хозяйственного объединения Восточной и Западной Пруссии. Она располагалась в Кляйнхоф (Тапиау). В 1910 году ее перевели в Кенигсберг. Наряду с большим объемом научной работы в 1912/13 году станция выполнила для частных граждан 17 818 проб.

В Восточной Пруссии имелась и опытная станция по изучению болот с музеем при ней в Бледау (ныне п. Сосновка Зеленоградского района), как подразделение управления по болотам сельскохозяйственной палаты. Видимо, уже в начале XX века понимали ценность болот для хозяйственной и прочей жизнедеятельности.

Венчала же систему сельскохозяйственного образования в Восточной Пруссии работа сначала естественно-научного, а с 40-х годов XX века сельскохозяйственного факультета Кенигсбергского университета. Первая сельскохозяйственная высшая школа в Восточной Пруссии появилась в 1858 году в королевском поместье Вальдау района Кенигсберг. Она действовала как

независимый институт и от нее ожидали импульс для расцвета сельского хозяйства в восточной провинции прусского государства. Школа располагала хорошим оборудованием. Первым ее директором стал Герман Зеттегаст, опытный аграрий, выдающийся преподаватель и исследователь. Он так выстроил учебный процесс, что школа вскоре стала очень популярной, а число студентов вскоре превысило количество студентов старейших сельскохозяйственных академий, таких как, например, в Проскау. Зеттегаст в 1863 году получил приглашение в Проскау в Силезию, в последующие годы он приезжал несколько раз в академию в Вальдау.

Сельскохозяйственное управление, в чьем ведомстве находилась школа, после десяти лет существования школы, в 1868 году решило ее распустить. В 1869 году, после роспуска школы в Вальдау, до этого работавший в ней барон фон Гольц стал ординарным профессором сельского хозяйства в университете Кенигсберга. Гольц вскоре принялся за организацию сельскохозяйственных институтов при Кенигсбергском университете.

На участке улицы Трагхаймер Кирхенштрассе (ныне ул. Подполковника Иванникова в Калининграде) появилось здание сельскохозяйственного и агрокультурхимического института, в последующем ветеринарной клиники. Осенью 1876 года здание было готово к работе. Вновь организованный институт имел задачу: подготовить специалистов, способных руководить крупными

сельскохозяйственными предприятиями, и преподавателей в области сельского хозяйства; развивать исследовательские работы для Восточной Пруссии и Германии. Вначале институт был не крупным, но постепенно расширялся.

К 10-м годам XX века сельскохозяйственный институт Кенигсбергского университета имел пять подразделений:

1. Науки об организации и экономике производства, животноводства (опытная станция);
2. Растениеводства со специальными станциями и опытными садами;

3. Опытное имение Гутенфельд (ныне п. Луговое Гурьевского района) площадью 102 га;
4. Молочное хозяйство с опытным молочным заводом;
5. Ветеринарной науки и ветеринарной клиники.

К этому добавились агрокультурно-химический институт и кафедра техники, сельскохозяйственных машин, сельскохозяйственного строительства. Отдельные подразделения сельскохозяйственных институтов имели достаточно хорошее оснащение и вполне могли справиться с задачами исследования и обучения.

Часть студентов, обучавшихся сельскохозяйственным дисциплинам, посылалась для приобретения опыта в другие провинции и, одновременно, в Восточной Пруссии принимали студентов из других сельскохозяйственных академий. К середине 10-х годов XX века в институте учились студенты из Прибалтики, из западных провинций Германии.

Число студентов, обучающихся на сельскохозяйственном факультете, постоянно росло: с 1876 – 1885 годы составляло 15 слушателей, а 1911 – 1914 годы уже 9 329.

В конце 30-х годов XX века произошли следующие изменения в системе

сельскохозяйственного образования в Кенигсбергском университете. В 1936 году из философского факультета выделился естественнонаучный факультет. Новый факультет объединил математику, астрономию, химию, геологию, ботанику, зоологию, а также все сельскохозяйственные дисциплины. Спустя семь лет, а точнее 1 октября 1943 года, на базе сельскохозяйственных институтов и кафедр был образован

сельскохозяйственный факультет. В 1944 году по адресу Трагхаймер Кирхенштрассе, 83 (в настоящее время это здание областного онкологического диспансера) располагались: институт экономики земледелия, институт животноводства с опытным хозяйством Фройленхоф и фермой вблизи Кведнау, агрохимический институт, институт молочного хозяйства, ветеринарный институт, рыбопромысловый институт. По адресу Трагхаймер Кирхенштрассе, 74 (ул. Подполковника Иванникова, 1 в Калининграде) и Хаммервег, 82 (начиналась с пр-кт Мира в Калининграде у входа в парк Луизенваль) располагались: институт строения растений и растениеводства с опытным участком; институт сельскохозяйственных машин; институт агротехники. Институт болезни растений находился по адресу Бессельштрассе, 6–7 (областной эколого-биологический центр учащихся, вход с ул. Больничной в Калининграде, здание не сохранилось).

Также имелись: опытное прудовое хозяйство в Пертельтнике (ныне пос. Терновка Зеленоградского района), морская рыболовная станция в поселке Нойкурен (Пионерский), институт по изучению вредителей сельского хозяйства в поселке Розиттен (пос. Рыбачий) на Куршской косе».

Статья В. В. Чернышевой, старшего научного сотрудника Калининградского областного историко-художественного музея «Система сельскохозяйственного образования в Восточной Пруссии в XIX – 40-х годах XX в.»

В Тапиау, помимо провинциального исправительного учреждения, был известный за пределами Восточной Пруссии садоводческий и образовательный институт.

«Провинциальный институт подготовки садоводов», основанный в 1893 году, должен был предоставить студентам всестороннюю подготовку по садоводству и садоводческие знания.

В дополнение к выращиванию овощей, выращиванию цветов и декоративных кустарников основное внимание уделялось выращиванию фруктовых деревьев, которые могли бы пережить долгие и тяжелые восточно-пруссские зимы, не теряя своей прочности и вкуса.

В свою очередь город Велау в 1890 году открыл школу кузнецов для обученияковки лошадей, это было связано с огромной популярностью в Европе Велауской конной ярмарки. В 1734 году была учреждена частная женская школа и, фактически, являлась школой домоводства.

В 1906 году здесь открылась сельскохозяйственная школа. Жители этого небольшого городка жили размеренно и спокойно, занимались сельским хозяйством, выращивали рожь и пшеницу. Из-за частых бесснежных суровых зим пшеница в Восточной Пруссии не получила особого распространения, а Велау был одним из немногих районов, где она

благополучно вызревала.

7. Германская психиатрия начала XIX века.

«Франция, вступив в период промышленного развития и порвав с абсолютизмом в политике, одновременно покидает арену метафизических споров и отдает свои силы науке. Конкретные требования, выдвигаемые новыми экономическими условиями, заставляли ясно мыслить и быстро воплощать свои мысли в различные формы практической деятельности. Это означало: примат

материальной действительности над отвлеченными построениями, т. — е. трезвый реализм и здоровый расчет. Вместе с крушением феодального строя явилось стремление вносить в жизнь четкость математических построений Даламбера, порядок Бюффона и простоту Ламеттри.

Совершенно иная картина наблюдалась в Германии в конце XVIII и начале XIX столетия. Экономическая отсталость страны выражалась, между прочим, и в отсталости ее науки. Еще процветало крепостное право, как основа земледельческого строя с первобытной сельскохозяйственной техникой. Политическая отсталость, раздробленность на несколько сот самостоятельных государств, между которыми существовали таможи, упадок когда-то тонких, изощренных ремесел, жалкая торговля — всё это создавало атмосферу безнадежно затхлой провинции, где скучная современность невольно заставляла обращать взоры на древний мир, переживать вторую эпоху возрождения (неогуманизм Вольфа), периоды «бури и натиска» с Лессингом, Гердером, Гете, Шиллером и больше мечтать о разрешении мировых проблем, нежели о коренном изменении окружающей обстановки. Господствующее

течение германской мысли направилось в сторону, совершенно противоположную естественно-научным исканиям. От Лейбница, великого создателя дифференциального исчисления и автора монадологии, ближайшим поколениям передалось по наследству упорное стремление к умозрительному философствованию не только в области самой философии, но и в науке вообще.

Поэтому не без основания Иммануил Кант, в качестве профессора физики, астрономии, антропологии, предостерегал от внесения априорных идей в науку. Но, с другой стороны, огромная сила мысли в «Критике чистого разума» сослужила плохую службу германским мыслителям и мечтателям. Невозможность развернуться, в чисто материальном смысле, толкала на фантастику, романтизм, метафизику, и немало взоров устремлено было на Кенигсберг, где человек, за 82 года своей жизни никогда не выезжавший из города, сумел, однако, одним взмахом охватить и пространство, и время, и причинность, и все вообще основы бытия и мышления. Все это не могло не отозваться на судьбах германской психиатрии.

Интересно, что сам Кант сильно погрешил против своих собственных принципов, когда он высказал о душевных болезнях целый ряд умозрительных соображений. Знаменитый философ, в §49 своей «Антропологии», охотно соглашаясь, что бред при лихорадке требует вмешательства врача, утверждает, что все другие формы бреда, протекающие без лихорадки, подлежат обсуждению философа. Вот подлинные слова Канта: «Если человек преднамеренно причинил другому несчастье, и возникает

вопрос, виновен ли он, и в какой мере, т. — е. если надо установить, был ли он в эту минуту душевно-больным или душевно-здоровым, — тогда суд должен направить это дело не на медицинский, а на философский факультет. Вопрос, обладал ли обвиняемый при совершении преступного действия способностью суждения, есть вопрос всецело психологический!» Таким образом, по мнению Канта, судебно-психиатрическая экспертиза должна находиться в ведении психологов, т. — е. философов (единственных ученых, занимавшихся в то время вопросами психологии). Этим самым и значительная часть теоретической психиатрии отрывалась от медицины. Если сам Кант и не говорил этого с полной определенностью, об этом подумали за него другие. В течение целого ряда лет

люди, не имевшие ничего общего с медициной, писали «психологические исследования о помешательстве», обсуждали проблемы этиологии, патогенеза, терапии, были экспертами на суде и преподавателями науки о душевных болезнях.

Нельзя утверждать, будто бы все высказанное ими было лишено всякой ценности (слишком великими умами были, например, Фриз и Гегель), но, разумеется, оторванная от почвы живых наблюдений, такая умозрительная психиатрия не могла не обнаружить вскоре своей полной бесплодности. Кант сам, в той же Антропологии, предложил классификацию душевных болезней. Он разделяет психозы по формально психологическим признакам на три вида: беспорядочное, методическое и систематическое помешательство. В первую группу он относит аментивные и маниакальные состояния, с отвлекаемостью и бессвязностью в мыслях, речах и поступках, во вторую — бредовые симптомокомплексы при ясном сознании (и, между прочим, бред преследования, который он хорошо описал), в третью группу — систематического помешательства — Кант включает, под именем расстройства разума, все фантастические поиски квадратуры круга, *perpetuum mobile* и т. д.

Другой философ, значительно меньшего калибра, Гоффбауер, усматривал в психозах последствия нарушенного равновесия между душевными способностями, которые он понимал в метафизическом смысле, как особые сущности, или силы: воображение, суждение, умозаключение и проч.

Из всех этих «философствующих психиатрии» наибольший интерес представляет учение Гегеля. Великий идеалист неоднократно подчеркивает, что психозы — болезни не только духа, но и тела. Крайне знаменательны следующие его слова: «Определяя виды помешательства, мы не должны обращать внимания на содержание ложных представлений, так как последние могут быть крайне разнообразными и совершенно случайными; необходимо, напротив, определить самые формы, в которых обнаруживается расстройство ума». Гегель отличал: во-первых, тупоумие с его подвидами: рассеянностью и сумасбродством (крайним проявлением этой формы является кретинизм; но в эту же категорию входят рассеянность Архимеда и

Ньютона, а также хаотическая отвлекаемость при мании). Во-вторых, помешательство, в собственном смысле слова, которое характеризуется неподвижными ложными представлениями; сюда же причисляется меланхолия, толкающая на самоубийство. В-третьих, Гегель отличал бешенство, или безумие. Небезынтересно заметить, что, излагая свою «психиатрию», великий философ часто цитирует Пинеля. Его сочинение, — говорит он, — относится к лучшим, какие только есть в этом роде»; «ему принадлежит та заслуга, что он основал свое лечение на остатке здравого ума у

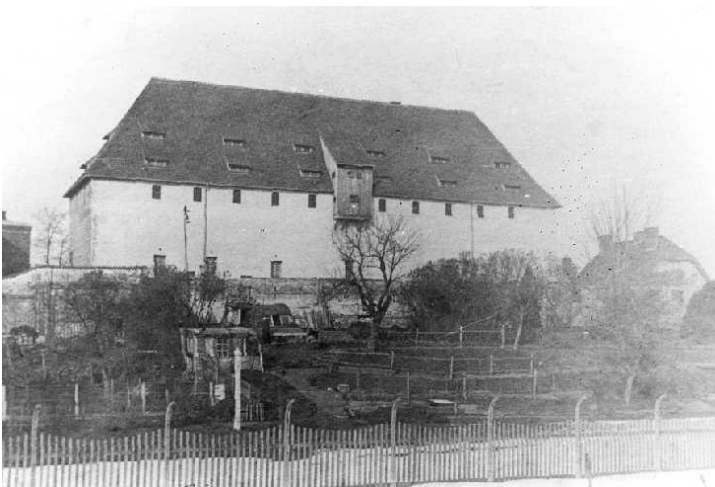

помешанных и сообразно этому переустроил и самые заведения для умалишенных». Из терапевтических средств Гегель горячо рекомендует работу.

Кроме философствующей психопатологии, в Германии уже в середине XVIII века появились зачатки чисто врачебной психиатрии».

Каннабих Ю. В. (русский и советский психиатр, психотерапевт и психоаналитик, доктор медицинских наук, профессор) «История психиатрии». Глава восемнадцатая. ГЕРМАНСКАЯ ПСИХИАТРИЯ НАЧАЛА XIX ВЕКА. 1. Экономическая отсталость Германии. Умозрительная философия... (фрагмент)

<http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/9/chapter/51?fbclid=IwAR3pb-Ii-6vWCP7iOp8TQ70YIwXTjpoKEbN5vDckSJEg45v1HLOVwy83aE>

С 1779 года в Тапиау находилось учреждение для недееспособных (инвалидов, Invaliden-Kompanie).

В 1792 году при короле Фридрихе Вильгельме II на фундаменте орденового замка на берегах Дейме был создан Королевский сельский дом бедноты и обеспечения больных и инвалидов солдат армии Фридриха. Вскоре он превратился в «центр

исправления» бродяг, нищих, сутенеров и проституток. Предполагалось, что заключенных возможно вернуть к упорядоченному жизненному циклу (что иногда случалось). На месте бывшего форбурга орденового замка этому учреждению принадлежал «дом охраны», в котором размещались опасные психически больные (убийцы и серьезные преступники), а также приют для женщин и несколько мастерских для плотников, кузнецов, обувщиков и ткачей, в то же время заключенные мужчины жили в стенах бывшего замка.

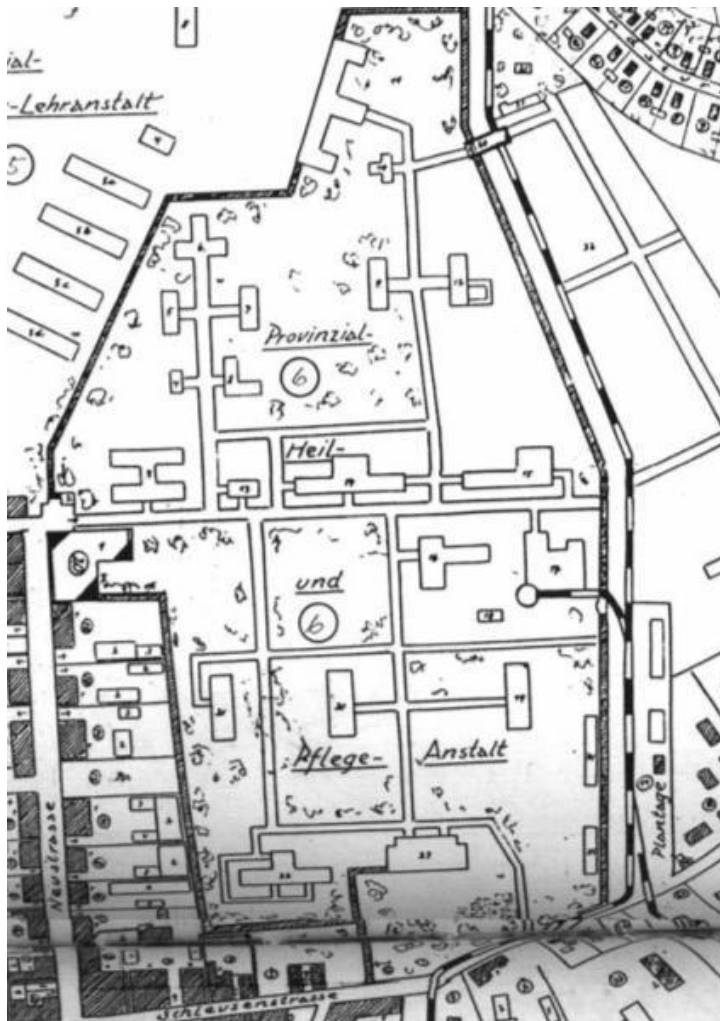

До Первой мировой войны в учреждении было около 300 мужчин и 30 женщин. После этого число заключенных сократилось настолько, что приют для женщин и здание охраны были переданы в распоряжение судебных органов как тюремное учреждение. В нацистскую эпоху здесь содержалось много политических заключенных. С 1933 года здание служило центром задержания бродяг,

проституток и антисоциальных людей. После Второй мировой войны в здании также стала располагаться тюрьма.

Долгое время для всего района Велау в Тапиау была только одна больница, состоящая из трех зданий на 55 коек. Позднее основными административными учреждениями провинции в Тапиау, помимо исправительного, был комплекс медицинского дома и дома престарелых – в 1873 году построены районная больница и районный дом

бедноты, где с 1893 по 1908 годы размещались слепые и глухие.

Около 1900 года администрация провинции поняла, что двух медицинских и частных домов престарелых в Кортау около Алленштайна и в Алленберге около Веллау уже не хватало для ухода за психически больными людьми, и в Тапиау было принято решение о строительстве нового здания. В дополнение к детскому саду и исправительному центру, появилась возможность приобрести сад Fischers. На выделенной территории между 1901 и 1912 годами был построен комплекс больницы на 1200 коек для умалишённых. В комплекс входили также ферма, гараж, морг и административное здание.

В это время пришла пословица: «Этот из Тапиау ...». После концентрации неизлечимо психически больных, концепция была вскоре изменена, и учреждение в Тапиау стало третьим медицинским домом для престарелых в Восточной Пруссии.

Усадьба Хубенхофа за пределами города обслуживала заключенных и медсестер медицинского дома и дома престарелых, а также исправительного учреждения.

Во время Первой мировой войны Тапиау находился под огнем русской артиллерии с конца августа по 9 сентября 1914 года, нанеся городу серьезный ущерб. Отель Schwarzer Adler сгорел, в его дворе взорвались боеприпасы. Сгорел орденский замок, была повреждена церковь, сгорела почта, расстреляна водонапорная башня медицинского дома и дома престарелых. Как раз в это время, 24 августа, 700

заключенных учреждения отправились пешком в Кенигсберг. Однако, когда они узнали, что бежали прямо в объятия русских, развернулись и в панике разбежались. Многие психически больные люди разбрелись далеко, их после нужно было найти. Остальные сели в поезд из Тапиау в более безопасный Кенигсберг.

В 1942 году лечебный дом и дом престарелых в Тапиау, где находилось около 2000 человек, был в целом очищен и превращен в резервную больницу, некоторых из медсестер перевели в государственный дом престарелых в Учтшпринге, округ Гарделеген (Uchtspringe, Kreis Gardelegen, земли Саксонии-Анхальт). Часть заключённых была увезена

специальным поездом из Кенигсберга в неизвестном направлении, что, вероятно, плохо закончилось для детей. Сама же больница была закрыта с 15 по 20 января 1945 года, часть больных была вывезена, нетранспортабельные пациенты, возможно, были оставлены на произвол судьбы без медицинского персонала.

«Бытовая отсталость Германии начала XIX века выражалась, между прочим, в крайнем несовершенстве больничного дела вообще и психиатрических учреждений в частности. Эскироль, после своего объезда французских провинций, дал описание заведений для умалишенных своей родины. Но кажется, таких описаний, какие давали в это время германские врачи, мы не находим нигде. «Ужас охватывает, — писал Франк в 1804 г., — когда приближаешься к такому злосчастному месту, где нет конца стонам, и когда видишь себя окруженным этими покрытыми грязью и лохмотьями несчастными существами, из которых одни не могут приблизиться к вам, потому что их удерживают оковы, а другие — из-за пинков и ударов надзирателей. Такую же картину рисует

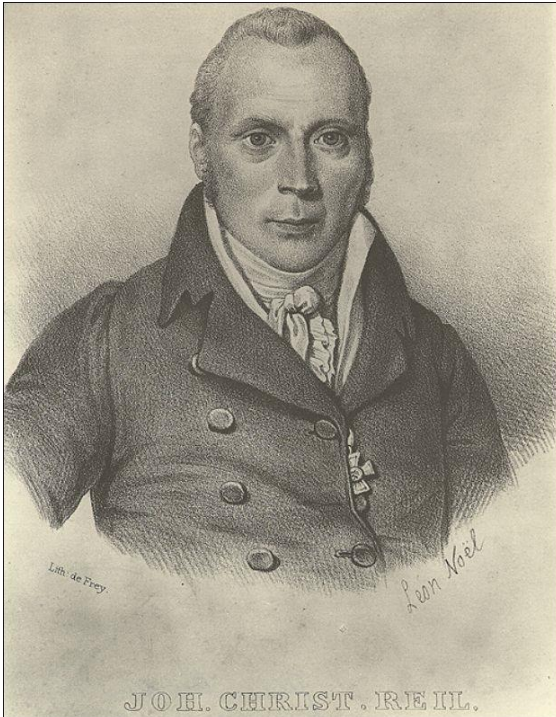
Гек о положении дела в Берлине. Больные «сидели» нацепи в узких карцерах, голые, совершенно одичалые; еда и питье подавались им в медных кружках на цепочках. Так продолжалось в германских странах до самой середины XIX века. В 1843 г. Магир дал описание венской «башни безумных», знаменитого Narrenturm, пятиэтажного здания, в котором размещено было в 139 «каменных мешках» от 200 до 250 душевнобольных. В изложении Магира подробно говорится о темных коридорах, тяжелых воротах, массивных железных дверях, о невыносимом запахе, крике, реве, столах множества людей, скованных не только по рукам и ногам, но и задыхающихся в ошейниках, от которых глаза наливаются кровью и багровеет лицо. Автор прибавляет, что самый худший из зверинцев производит более отрадное впечатление, чем этот дом, предназначенный для больных людей. По свидетельству других современников, больные голодали, множество из них погибало от истощения. Но этого мало: на ряду с голодом и цепями — царила плеть. Служительский персонал в вюрцбургском госпитале, по словам Мюллера, был вооружен внушительными бычачьими ремнями, которые немедленно пускались в ход по всякому поводу. Кроме ударов палкой и пощечин, самая настоящая порка была в порядке вещей.

Обо всем этом знали за стенами заведений для умалишенных, но далеко не всегда выражали протест, так как эти способы воздействия оправдывались особой теорией. Лихтенберг прямо говорил, что палка заставляет помешанных снова почувствовать связь с внешним миром, именно потому, что оттуда исходят удары. Легко представить себе, из каких элементов набирался обслуживающий персонал. На эти нищенски оплачиваемые должности было мало охотников. Считалось, кроме того, что от постоянного общения с душевно-больными можно заболеть самому. Это мнение (с которым, кстати сказать, был решительно не согласен Эскироль) казалось само собой очевидным.

Уволенные за жестокость и пьянство тюремные служители, случайные бродяги и разного рода неудачники — вот из кого вербовались кадры этих примитивных санитаров. Были сделаны предложения замещать должности служителей уголовными преступниками, что и практиковалось несколько лет под ряд даже в такой сравнительно усовершенствованной больнице, как Зонненштейн (в тридцатых и даже сороковых годах). Магир советовал принимать инвалидов войны, как дешевые рабочие руки. От кандидатов требовалась только мышечная сила и решительность.

Все эти меры, начиная с цепей и железных засовов и кончая надсмотрщиками, вооруженными плетью, были следствием двух широко распространенных предрассудков: во-первых, считалось доказанным, что умалишенные обладают огромной физической силой, во-вторых, на психозы смотрели, как на неизлечимые состояния. Если и допускали незначительный процент выздоровлений, то именно при помощи воспитательных мер и благодетельной строгости. Вся Германия первой трети XIX века увлекалась педагогическими проблемами; теории подчас были глубокомысленны и хороши, но практика оставалась первобытной: розги в семье и в школе занимали далеко не последнее место. Такого рода педагогические приемы были перенесены и в область практической психиатрии. Со временем влиятельная группа германских врачей уточнила и механизировала те грубые способы воздействия, которые стихийно практиковались со стороны нетрезвых надсмотрщиков из уголовных или отставных солдат.

Это были первые начатки своеобразной психотерапии, выдвинувшей своих ученых теоретиков и вождей. Но некоторые из них, вероятно, не предвидели тех практических форм, в какие отольются их отвлеченные принципы. К числу последних принадлежит Рейль (1759—1813). Это имя навеки запечатлено в анатомическом термине, обозначающем один из существенно важных участков головного мозга — рейлевский островок. Хотя и несвободный от натурфилософских идей, Рейль рассматривал человеческое тело, как чисто физический механизм, повинующийся законом материи; по справедливому отзыву Грегора, нет повода причислять его к виталистам. Рейль говорит, что «явления жизни можно целиком объяснить

сочетанием физических и химических сил». «К чему, — спрашивает он, — придумывать еще какую-то новую основную силу: не выигрывает ли естествознание в своем единстве, когда мы обходимся возможно меньшим числом основных принципов?». Эти слова великого врача необходимо помнить, чтобы под оболочкой неясных общих идей того времени не просмотреть основного ядра материалистического мировоззрения Рейля.

Его интересовали больше всего динамические соотношения жизненных процессов в здоровом и больном теле, физиология и общая патология; его внимание было обращено не столько на резко выраженные психозы, сколько на неясные переходы здоровья в болезнь, на неустойчивое равновесие психики, требующее своевременной и умелой поддержки. На этом основании Рейль особенно остро ощущал вопиющие несовершенства современных ему «Toll hausoss» (Платных домов). Допуская излечимость психозов в начальных периодах заболевания, он объяснял малый процент выздоровлений полным отсутствием наблюдения и правильного ухода. В этих идеях — огромное значение Рейля.

В его знаменитой книге «Рапсодии» изложены основы «настоящей психиатрии», т. — е. (понимая это слово буквально) — лечения душевных болезней. Но для этого прежде всего нужны соответствующие учреждения. Рейль предлагает совершенно изгнать из обихода старое название «дом для умалишенных», заменив его новым термином — «госпиталь для психической терапии». Фантазия рисует

ему смелую картину особой больницы, казавшейся многим его современникам утопической. Читая в настоящее время этот проект, мы на каждом шагу убеждаемся, насколько выше своего времени был автор «Рапсодий». Госпиталь должен быть построен в красивой деревенской местности; взамен наводящей жуть казарменной постройки, обнесенной высокими стенами, предусматривается ряд небольших домиков — павильонная система далекого еще будущего. Вместо решеток на окнах — не бросающийся в глаза железный переплет, в который вставляются стекла лишь несколько меньших размеров, чем обычно. Вокруг учреждения расстилаются огороды, сады — целое хозяйство с птичником и скотным двором, словом — благоустроенная ферма, где должна царить бодрая атмосфера труда. Во главе стоит триумvirат из одного «заведующего», одного главного врача и одного психолога, при чем первый, как не врач, во всем руководствуется медицинскими и психологическими соображениями двух остальных. Высшим идеалом выставляется органическое слияние в одном лице медицины и психологии. При лечебнице должны быть устроены школы, где больные люди будут испытывать на себе облагораживающую силу науки. И все это, вместе взятое, служит клиникой для обучения молодых врачей и для дальнейшей разработки науки о душевных болезнях».

Каннабих Ю. «История психиатрии». Глава восемнадцатая. ГЕРМАНСКАЯ ПСИХИАТРИЯ НАЧАЛА XIX ВЕКА. 2. Дома для умалишенных в Германии начала XIX в. по описаниям современников. Рейль... (фрагмент)

<http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/9/chapter/52>

16 – 19.10.1813 года произошла Битва под Лейпцигом (Битва народов) — крупнейшее сражение Наполеоновских войн и крупнейшее в мировой истории до начала Первой мировой войны, в котором император Наполеон I Бонапарт потерпел поражение от союзных армий России, Австрии, Пруссии и Швеции.

Участвовал в ней и Иоганн Христиан Рейль. Он ушел добровольцем на фронт и получил полномочия офицера управлять военными госпиталями на запад от Эльбы. Его попытки остановить эпидемию сыпного тифа, осложнённую огромным числом убитых и раненых и разрухой с сопутствующей ей завшивленностью привели к его собственному инфицированию и смерти в доме сестры в Галле 22 ноября 1813.

8. Алленберг.

Мы в Знаменске. На левом берегу Лавы – Алле. В той части города, что носит название «Алленберг». Особое место, и не только в Знаменске – Велау, но и, пожалуй, во всей Калининградской области. Что здесь было до середины XIX века неизвестно – скорее всего, что и везде в Пруссии на высоких крутых берегах небольших рек: буковая роща, или дубрава, может быть городище или поселение, пасека, пашня, ветряная

мельница – неважно, важно то, что в 1848 году здесь началось строительство лечебницы для психически больных людей.

В 1852 году строительство было закончено и 1 сентября того же года сюда, из кёнигсбергского госпиталя, прибыли первые 59 пациентов.

Всего же лечебница была рассчитана на 250 больных, но шло время, медучреждение разрасталось и вскоре вмещало уже от полутора до двух тысяч человек, и потому от немногочисленных сооружений бывшей лечебницы сохранился лишь хозяйственный блок, включавший в себя одновременно церковь, кухню, пекарню, аптеку, лабораторию и кладовые.

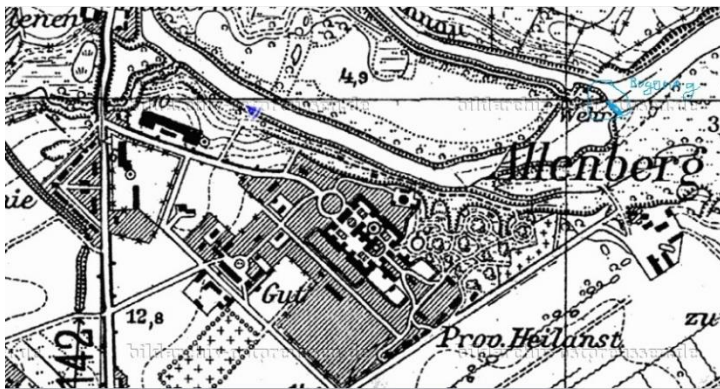
Питьевая вода подавалась сюда с помощью пяти глубоких колодцев, газ для освещения помещений вырабатывало собственное производство.

Здание имело высокий подвальный этаж, два основных яруса и помещения под крышей. Храмовая часть сооружения была выделена высокой семи-ярусной башней.

В 1880 году при лечебнице в Алленберге на специально купленной территории появилась сельскохозяйственная колония, имевшая собственные конюшню, коровник, свиноводник, амбары и кузницу.

С течением времени комплекс лечебницы превратился в некое подобие отдельного государства, со своим Уставом, законами и правом, здесь успешно функционировало собственное сельское производство, садовое хозяйство; работали столяры, шорники, слесарные, сапожные мастерские, морг, а также мастерская жестяных изделий.

Обслуживали лечебницу свои пекарня, прачечная, существовало автономное производство энергии.

В начале XX века построили благоустроенные дома для врачей и обслуживающего персонала.

После Первой мировой войны расширение комплекса лечебницы продолжалось. Были надстроены верхние этажи мужского и женского отделений, возведенных еще в XIX в.

Кухня была перенесена в парк.

В начале 20 века в США и Европе буйным цветом расцвела евгеника – учение о наследственном здоровье человека. Под это дело в Германии была разработана программа «Т-4» (нем. Aktion Tiergartenstraße 4, «Операция Тиргартенштрассе 4») по физическому уничтожению людей с психическими расстройствами, умственно отсталых, а также наследственно отягощённых больных. Таким образом в июне 1940

года лечебница в Алленберге, а заодно и около 1000 душевнобольных, национал-социалистами были ликвидировали.

Во время Второй мировой войны здания лечебницы использовались в качестве казарм батальонов СС.

С января 1945 года постройки использовались для размещения советских воинских частей.

После того, как в 2013 году ракетчики, зенитчики, танкисты покинули комплекс, здания подверглись разграблению: металл, кирпич, электропроводка, стёкла, трубы, мебель и всё, что можно было вывезти и продать, было вывезено и продано. Кем? Неизвестно и можно только предположить. Скорее всего, что более точный ответ знают в администрации посёлка Знаменск. Комплекс состоит у них на балансе.

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС БЫВШЕЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЫ В АЛЛЕНБЕРГЕ

И. В. БЕЛИНЦЕВА, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства российской академии архитектуры и строительных наук, Москва

В сельском поселении Знаменск Калининградской области РФ — бывшем восточнопрусском городе Велау, несмотря на значительные потери исторической застройки во время Второй мировой войны, сохранились как отдельные интересные памятники архитектуры эпохи средневековья (церковь Св. Якуба, XIV в.), так и сооружения более позднего времени. К последним относятся фрагменты комплекса бывшей провинциальной психиатрической и попечительской лечебницы в немецком Алленберге, когда-то ближайшем пригороде, вошедшем сейчас в состав Знаменска.

Крупный комплекс довоенной психиатрической лечебницы существенно изменил свое назначение: теперь здесь располагается воинская часть. В советское время территория комплекса была огорожена стеной высотой в человеческий рост, многие служебные здания, построенные со дня основания больницы, пришли в упадок или вообще

исчезли. Вместо них появились одинаковые казармы, возведенные без особых архитектурных изысков. На лугу, за комплексом, возвышаются четыре новые жилые башни.

История местной лечебницы началась в середине XIX в. Первые здания были построены в 1848—1852 гг. на левом берегу реки Алле и предназначались для 250 психически больных. В 1852 г. строительство психиатрической лечебницы было закончено, и 1 сентября того же года прибыли первые 59 пациентов, переведенные из кёнигсбергского госпиталя. С тех пор день 1 сентября, вплоть до начала Второй мировой войны, считался датой основания лечебницы и торжественно праздновался в парке, сопровождаясь танцами и представлениями.

Первоначальная застройка представляла собой в плане каре — протяженные сооружения окружали замкнутый внутренний двор. С короткой стороны каре замыкало административное здание, построенное в стиле историзма, который подразумевает обращение к архитектурным традициям давно минувшего времени и создание стилизаций в духе «неогрек», «неоренессанс», «необарокко» и т.д. Для местной версии этого архитектурного стиля характерно обращение к романским и готическим формам Средневековья, а также использование минимального количества декоративных деталей. Во второй половине XIX в. построенные из кирпича здания в неороманском стиле обычно штукатурились, в постройках, где преобладали стилизованные готические формы, подчеркивались декоративные свойства краснокирпичной кладки. Здания бывшей психиатрической лечебницы, построенные во второй половине XIX в., имеют приметы неороманского направления, которое часто встречается в сооружениях этого периода и пришло в провинцию из метрополии, так как в Средние века на территории Восточной Пруссии, завоеванной крестоносцами в XIII в., романского архитектурного стиля не существовало.

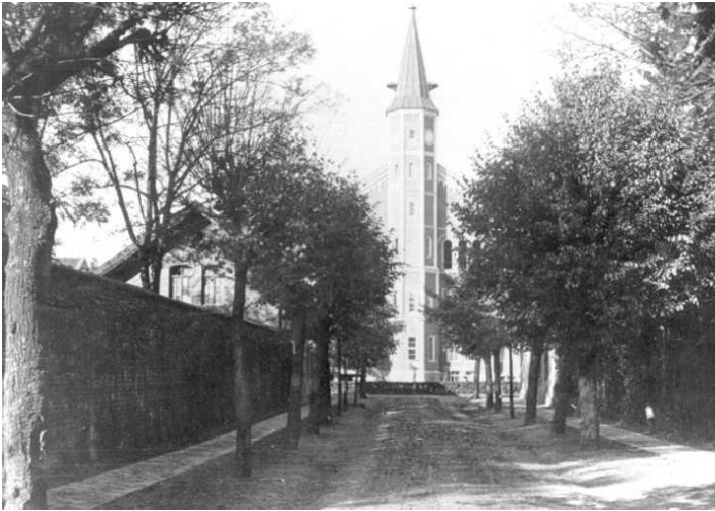
Главный фасад прямоугольного в плане трехэтажного здания больничной администрации, с обычной двускатной крышей и высоким подвальным этажом, был выделен ризалитом — выступом по центру фасада. По сравнению со скупо украшенными боковыми крыльями, где заметны лишь рельефные бровки над окнами, ризалит имел объемный входной портал с полуциркульной аркой, увенчанной треугольным

щипцом. Три больших арочных окна с полукруглыми бровками освещали парадные залы верхнего этажа. Ризалит завершался щипцом с пологими скатами кровли, вдоль которых шел характерный для местной традиции рельефный романский арочный пояс. По сторонам щипец фланкировали восьмигранные декоративные башенки, такие же башенки отмечали верхние углы всех фасадов здания. В нижнем этаже размещались приемный покой, помещения для посетителей, кабинеты администрации и касса. Верхний этаж занимали залы для конференций и для торжественных мероприятий.

Справа и слева от здания администрации располагались массивные ворота, которые на ночь закрывались. Ворота представляли собой арочные проезды, увенчанные

треугольными щипцами, и, так же как и вход в административное здание, демонстрировали стилизацию средневековых форм. К левым воротам примыкал корпус мужского отделения лечебницы, к правым — женское отделение. Одна половина каждого из этих зданий отводилась для душевнобольных, другая — под помещения для обслуживающего персонала.

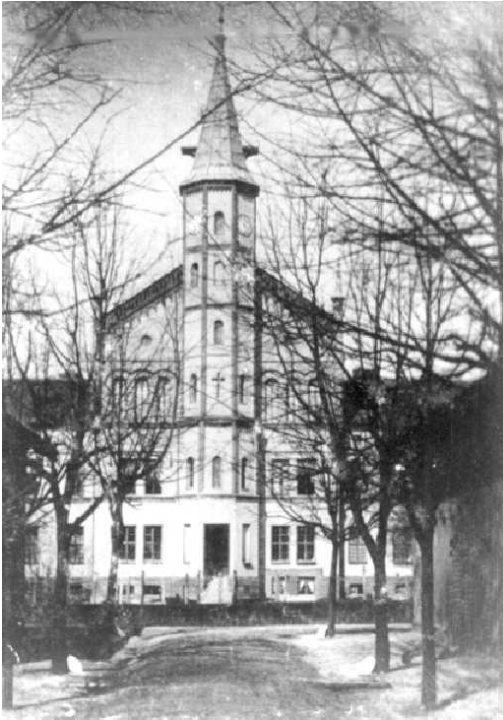
Из немногочисленных сооружений бывшей лечебницы сохранился лишь хозяйственный блок, включавший одновременно церковь, башня которой хорошо видна из-за современной ограды воинской части. Массивное здание стояло в середине большого прямоугольного двора и было обращено главным фасадом к административному корпусу, башня же примыкала к противоположной стороне.

Композиционное решение фасада хозяйственного блока было сходно со стоящим напротив сооружением, их роднило наличие ризалита в центре со скупой декорацией в неороманском стиле. Декоративные арочные пояски, воспроизводящие типичные романские детали, восходящие к XII—XIII вв., опоясывали по карнизу отдельные части постройки.

Хозяйственный блок — это редко встречавшийся многофункциональный архитектурный образец: сложная объемно-пространственная композиция объединяла помимо церкви кухню, пекарню, аптеку, лабораторию и кладовые. В разновысотном блоке, представленный на плане прямоугольником с четырьмя боковыми крыльями, находились различные помещения, предназначенные для

удовлетворения духовных и материально-физиологических целей. Питательная вода подавалась сюда с помощью пяти глубоких колодцев, газ для освещения помещений вырабатывало собственное производство.

Здание имело высокий подвальный этаж, два основных яруса и помещения под крышей. Храмовая часть сооружения была выделена семиярусной башней. Ее расширяющийся книзу шатер до сих пор возвышается над окружающей застройкой. Скупое архитектурно-декоративное убранство восьмигранной башни состоит из вытянутых полуколонок, подчеркивающих углы вытянутого объема и рельефных бровок над полуциркульными окнами. Боковые крылья храмового фасада украшены двумя декоративными ярусами, расположенными непосредственно под пологой кровлей и состоявшими из арочного и аркатурно-колончатого поясков.

В 1870 г. было принято решение расширить комплекс лечебницы по проекту архитекторов Гропиуса и Шмидена. В 1873 г. под их руководством завершилось строительство двух новых трехэтажных зданий, рассчитанных на 500 больных мужского и женского пола.

Через несколько лет вновь встал вопрос об увеличении больницы, но уже в соответствии с новыми взглядами психиатрии на лечение и содержание сумасшедших. Применение смиренных рубашек для успокоения душевнобольных рассматривалось отныне как изживший себя инструмент, недостойный цивилизованного общества. Вместо закрытых заведений в Германии по примеру Бельгии и Франции стали практиковать создание

специальных колоний, где в качестве методов лечения использовались занятия сельскохозяйственными работами, постоянное пребывание на свежем воздухе и определенная свобода передвижения для психически больных.

В 1880 г. при лечебнице в Алленберге на специально купленной территории появилась сельскохозяйственная колония, имевшая собственные конюшню, коровник, свинарник, амбары, кузницу и другие хозяйственные постройки. Рядом были возведены дополнительные корпуса для больных обоего пола. Проекты жилых и

хозяйственных зданий разработаны в бюро восточнопрусского строительного советника Кра, ведение строительных работ осуществлял провинциальный баумайстер Винхольдт в 1879 г.

В 200 м от первоначальных застроек по периметру были расположены отдельные сооружения, причем таким образом, чтобы новообразованный комплекс мог развиваться в любом направлении. Все постройки имели удобное сообщение с другими зданиями и хорошо обзоревались из окон дирекции лечебницы, что позволяло постоянно контролировать порядок на территории.

Как следует из сохранившегося плана, на восточной стороне находился жилой корпус для 50 больных пациентов мужского пола, на против него — кладовая и помещения для 10 больных женщин.

С южной стороны, в непосредственной близости от жилых помещений, на расстоянии 5 м размещались свинарник на 22 головы, коровник для 18 коров, конюшня на 6 лошадей, сарай со сдвоенным гумном, сарай с помещениями для пахотных машин, помещения для хранения дров, отхожие места и, конечно, амбары. Помещения для содержания животных, как и другие хозяйственные сооружения, были

оборудованы в соответствии с самыми передовыми на тот момент представлениями об удобствах, гигиене и комфорте. Сарай с гумном имел полы из необожженного кирпича. Для конюшни были заказаны специальные ясли на заводе искусственного камня в Эльбинге (современный Эльблонг). В отхожем месте стены облицевали искусственным камнем.

Жилые здания были возведены из кирпича и перекрыты черепичной кровлей, имели подвальный и чердачный этажи. Жилой корпус для мужчин содержал в нижнем этаже два хорошо освещенных помещения площадью 105 м² и 4 м высотой, из них одно служило местом дневного пребывания 20 больных, а второе — пространством для их сна. В чердачном помещении располагались две спальные

комнаты с высотой потолка 3,9 м для 15 больных. С западной стороны здания, там, где крыша сильно понижалась, находились гардеробные для хранения одежды.

Второе жилое здание, построенное в 1880 г., предназначалось для проживания казначея и 10 больных женского пола. Здесь же были устроены посудомоечная комната и подвал для хранения овощей.

Питание для больных приносили из лечебницы, соединенной с новой колонией хорошей дорогой. Окна зданий были без решеток, отказались и от крепкой ограды. Тем не менее окна, из-за того, что их часто разбивали, имели мелкие

переплеты рам и, как следствие, небольшие стекла, а также в целях безопасности запирались на замки.

В 1900 г. на территории лечебницы появились еще четыре больничных павильона: два — для женщин и два — для мужчин, в результате клиника могла принять уже 1000 пациентов. В этих постройках в 1990-е гг. размещались офицеры воинской части. Вскоре к

имеющимся сооружениям прибавились еще два изолированных здания, а также морг.

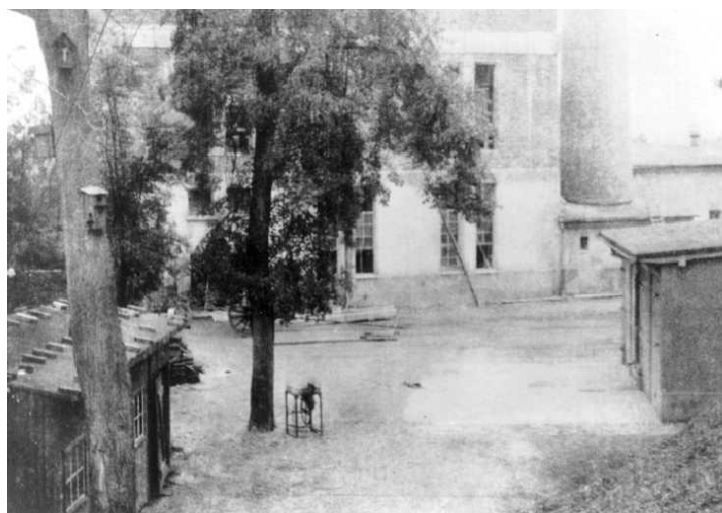
Значительное увеличение количества пациентов потребовало дополнительного обслуживающего персонала, для которого на рубеже XIX—XX вв. построили целый поселок двухэтажных жилых домов, удаленный на полкилометра от лечебницы. Здания колонии для медперсонала сохранились, в них и теперь живут семьи, правда, к медицине не имеющие никакого отношения. Следует отметить, что работа среднего и младшего медицинского персонала психиатрической больницы была достаточно трудной, она требовала не только желания посвятить себя этой профессии, сострадания, такта, но и определенных знаний и профессиональных навыков. К подбору персонала относились очень ответственно: на работу принимались лишь санитары обоего пола, прошедшие годовой курс обучения и успешно сдавшие экзамен.

Колония для персонала Алленберг располагалась недалеко от Велау, путь вел вдоль улицы Хаммерсвег (сейчас улица Шоссейная) в направлении Патерсвальде (сейчас поселок Большая Поляна). С правой стороны и сегодня открывается вид на строения, окруженные небольшими палисадниками, слева видны сооружения маргаринового завода.

Улицы колонии шли под углом к

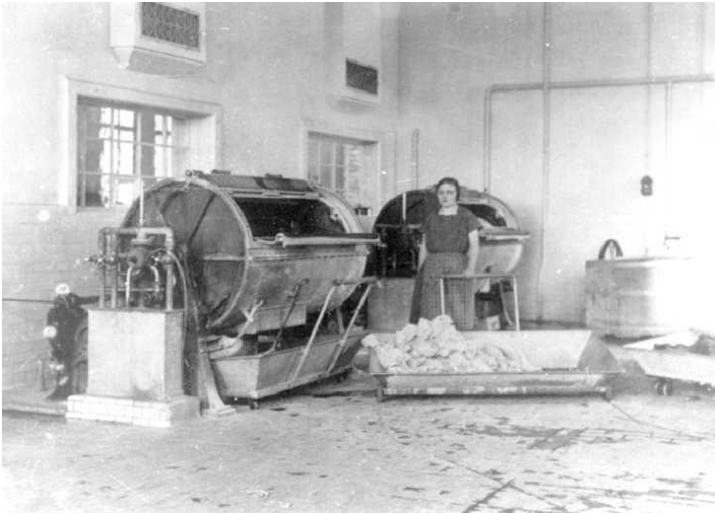
Хаммерсвег, так что план поселения образовывал равнобедренный треугольник. Колония была застроена жилыми домами и служебными постройками, которые хорошо сохранились. Типичными сооружениями колонии являлись здания, построенные из кирпича с включением фахверковых конструкций в верхней части продольного фасада, обращенного на улицу, — скромные образцы стиля модерн, в Германии называвшегося югендстилем. Об их принадлежности к модному в конце XIX — начале XX в. художественному направлению свидетельствует, в частности, включение фахверка — деревянной стоечно-балочной конструкции с заполнением из кирпича, большой вынос кровли, поддерживаемой деревянными резными консолями. Торцевые фасады отдельных зданий закрывались декоративными деревянными дощечками или были оштукатурены и покрашены в разные цвета.

В конце улицы стояла маленькая прачечная с кухней для выварки, стиральным катком, а также белильней, где можно было расстилать постельное белье и скатерти. В дома колонии были проведены электричество и вода, но встроенных туалетов не было, на некотором отдалении стояли специальные постройки —

Плюмсклосетт, которые периодически очищались. По воспоминаниям бывших

местных жителей, в плохую погоду и ночью пользовались «ночными вазами».

С течением времени комплекс лечебницы превратился в своеобразное «государство в государстве», здесь успешно функционировало собственное сельское производство, садовое хозяйство; работали столярные, шорные, слесарные, сапожные мастерские, а также мастерская жестяных изделий. Обслуживали лечебницу свои пекарня, прачечная, существовало автономное производство энергии. В начале XX в.

построили благоустроенные дома для врачей (предположительно не сохранились, но есть фотографии довоенного времени).

Директором комплекса был врач, который не только руководил огромным хозяйством психиатрической лечебницы, но и выступал в роли успешного администратора. Неудивительно, что для него был выстроен один самых красивых домов в окрестностях города Велау. К сожалению, к настоящему времени не удалось обнаружить каких-либо документальных или литературных свидетельств об этом здании — его

авторе, владельцах и т. д. Не найдены также исторические фотографии здания в его довоенном состоянии.

Бывший дом директора лечебницы (сейчас многоквартирное жилое здание), обозначенный на плане цифрой 11, является прекрасным образцом архитектуры начала XX в. (автор пока не выявлен). В верхней части фронтона на фасаде, выходящем на улицу, видны цифры — 1907, видимо, означающий год завершения строительства этого любопытного сооружения.

«Дом директора» обладает всеми признаками «местной версии» общегерманского югендстиля начала XX в. Характерной чертой восточнопрусского модерна является стилизация под сельский дом — массивное сооружение на каменном основании, с крутой разновысотной сложной кровлей. «Дому директора» присущи свободная объемно-пространственная композиция,

разнообразие использованных материалов — естественный камень, кирпич, майоликовые вставки, грубый, рваный рельеф оштукатуренных поверхностей, что роднит его с аналогичными сооружениями рубежа XIX—XX вв.

Подчеркнутая асимметрия фасадов, дополненных входными крыльцами и эркерами (остекленными выступами в стене здания), оригинальная и многообразная форма окон, их прихотливое расположение на поверхности стен в зависимости от размещения внутренних пространств, флоральные декоративные мотивы наружных украшений, включение скульптурных элементов свидетельствуют о стремлении неизвестного архитектора непременно достичь впечатления многообразия и богатства форм и деталей, просто и безыскусно исполненных. Многие детали дают ощущение провинциальной наивности — «рубленные топором» стилизованные изображения стражей, поддерживающих навес над входом, можно квалифицировать как выразительный художественный примитив.

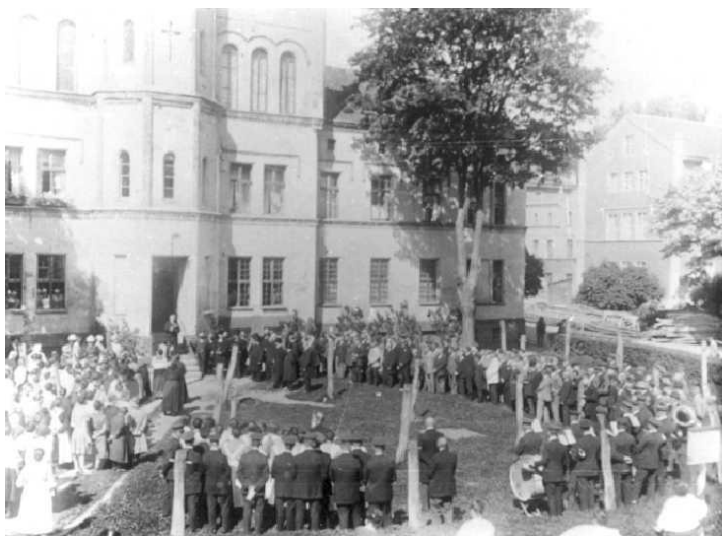

После Первой мировой войны расширение комплекса лечебницы продолжалось. Согласно упоминаниям в печати, был выстроен жилой дом для сельскохозяйственного инспектора и извозчика. Кроме того, в парке возвели новую больницу для мужчин, а в садовом хозяйстве — для женщин. Были надстроены верхние этажи мужского и женского отделений, возведенных еще в XIX в. Кухня была перенесена в парк.

Вдали от жилых корпусов появился свиарник на 100 свиней. Летом 1928 г. сгорел коровник, что послужило поводом для строительства нового, соответствующего новейшим технологическим требованиям по уходу за крупнорогатым скотом¹⁶. В

результате многочисленных перестроек в 1929 г. лечебница в Алленберге могла принять уже 1400 пациентов.

человек.

Развитая, не зависящая от внешнего мира, структура хозяйства спасла лечебницу в трудные годы Первой мировой войны. Почти половина сотрудников (131 человек) были призваны в армию. Те же, кто не подлежал призыву, не покинули в годы русской оккупации Восточной Пруссии свой пост. Но и количество пациентов вследствие тяжелых условий (недоедания, эпидемий туберкулеза, гриппа) к 1918 г. уменьшилось до 586

В 1936—1937 гг. администрация лечебницы в рамках строительной программы Эриха Коха, в то время президента Восточной Пруссии, обязана была передать часть территории (26 моргенов) между железной дорогой и колонией под строительство бумажной фабрики и маргаринового завода. В ходе Второй мировой войны бумажная фабрика была разрушена, но затем восстановлена.

В июне 1940 г. лечебницу в Алленберге ликвидировали, ее пациенты, по одной версии, были частично распределены между другими подобными заведениями Восточной Пруссии, а также переданы в семьи для ухода. По другой версии, душевнобольные, в соответствии с идеологией национал-социализма, были уничтожены.

Во время Второй мировой войны здания лечебницы использовались в качестве казарм батальонов СС, хозяйство было отдано в аренду СС-отделению в Берлине. Летом 1944 г. СС передал комплекс в ведение летных частей, вместо их частично

разрушенных русской армией расквартирований. Но в январе 1945 г. постройки были покинуты немцами, и затем использовались для размещения советских воинских частей.

9. История образования в Велау.

В 1339 году Велау получил от Великого магистра Тевтонского ордена Дитриха фон Альтенбурга кульмское городское право. Собственно говоря, с этого момента и началась история Велау как полноценного города. Тогда же была основана и городская высшая школа, что значительно укрепило авторитет Велау.

После Реформации в 1537 году здесь была основана латинская школа, которая подготовила весьма много студентов для Альбертины. В 1560 году латинская школа Велау была объявлена «видным учебным заведением Пруссии», дающая право ученикам поступать в высшие учебные заведения. Многие её выпускники вели церковную службу в приходах Пруссии. Школа достигла наивысшего расцвета под руководством Якоба Резы (1690-1739) и просуществовала до 1810 года. В латинской школе фокусировали внимание на изучении грамматики и античной литературы, с жёсткими правилами и бескомпромиссной зубрёжкой.

Кстати, сам университет мог вполне открыться в Велау. Во всяком случае, известно, что такой вариант рассматривался герцогом Альбрехтом.

«Велауский вариант» был предложен Советом Кнайпхофа, поскольку не сразу удалось решить о выборе места для строительства партикуляра и будущего университета. Двигало Советом желание избежать соседства с буйной и задиристой студенческой братией. А вот преимущества им были озвучены достаточно весомые.

В Велау уже было готовое помещение – бывший францисканский монастырь, построенный в 1349 году, помимо него в восточной части города был основан в 1447 году монастырь Бернардинского ордена. Оба монастыря просуществовали до Реформации, в годы которой монастыри позже разрушили. На месте первого образовалась площадь и были построены дома горожан. В память о монастыре до самой II мировой войны площадь носила имя Клостер-Плац (Монастырская площадь).

В провинции легче было обеспечить студентов и профессоров продовольствием! Ну чем не преимущество? Да к тому же, небольшой городок был свободен от многих соблазнов столицы для «зелёного» возраста.

Предполагалось преобразовать в университет уже имеющуюся и латинскую школу. Герцога Альбрехта поддерживали многие советники, но Полиандер и Меланхтон настояли на Кнайпхофе... Как знать, как сложилась бы судьба Велау, открылся в нем Альбертина...

В 1700 году латинская школа была освобождена от «льготных» экзаменов при поступлении в университет.

Позже в Велау откроется ещё несколько различных учебных заведений. В 1699 году была основана почтовая станция и, вместе с этим, школа верховой езды. В 1734 году была учреждена частная женская школа и, фактически, являлась школой домоводства. В 1739 году основана армейская школа Дрехера, в которой наряду с общеобразовательной программой велась военная подготовка.

В Пруссии возникает необходимость в практическом образовании, учёба должна была готовить рабочих, государственных служащих и военных, обладающих конкретными умениями.

В 1830 году в Велау открылась женская гимназия, в 1843 году создана городская гражданская школа. В 1881 году было построено новое здание городской гимназии, в 1882 году она была преобразована в Королевскую гимназию. В результате больших

прусских реформ 19-го века было решено финансировать школы из государственного бюджета, что позволило организовать полноценное бесплатное образование в том числе и для малоимущих.

Вырвавшись из-под опеки церкви, школа, удочерённая государством, стала светской. Чтобы облегчить надзор, школу нужно было привести к единообразию: образование нуждалось в разработке единого учебного плана, установлении стандартов, введении выпускного экзамена, что и было сделано в скором времени.

Именно прусская образовательная система учредила классно-урочное обучение, при котором деление классов осуществлялось по возрастному критерию, тогда как в тех же латинских школах совместно обучались ученики, равные по уровню подготовки, но разные по возрасту.

В классе готовились покорные исполнители приказов, поэтому

образовательная среда должна была дисциплинировать: парты, за которыми смиренно сидели ученики, выстраивались в несколько ровных рядов, а звонок, символ порядка, отмеривал школьный день, разрешая учащимся выйти на перемену и возвращая их обратно, в атмосферу строгости.

Ещё одно нововведение прусской системы — это расписание, предполагавшее, что ученика в течение дня ждёт несколько разных дисциплин.

Все эти новшества должны были приблизить государство к цели, которую последний кайзер Пруссии Вильгельм II обозначил как «долг воспитать молодых людей так, чтобы они стали молодыми немцами, а не молодыми греками или римлянами». Так формирование национальной идентичности и патриотическое воспитание стали флагманами прусской образовательной системы.

Всеобщее образование, отказавшееся от сословного принципа, дало свои плоды: к 1890 году не менее 89 % населения было грамотным.

Система массового обучения декларировала блага жёсткой дисциплины, подчинения, гражданской ответственности и веры в ту правду, что спускается в школу «сверху». Сама «вертикаль образования», чётко регламентировавшая возможности и задачи каждого участника учебного процесса, — от ученика до министра образования — задавала тон послушанию.

Ученики, покидая школу, умели читать, писать и считать, знали, что написано в Библии, более-менее ориентировались в исторической дисциплине, а девочки, конечно же, должны были стать добросовестными хозяйками, в чём им помогали уроки рукоделия и домоводства. Этого вполне хватало для того, чтобы выжить в индустриальном мире и успешно справляться со своими

профессиональными обязанностями.

По сути, учеников готовили принимать любое распоряжение начальника, и, если говорить шире, государства в качестве аксиомы. Размышлять не нужно: нужно понимать и выполнять приказы вышестоящего, трудясь для развития экономики.

Долгое время прусская система считалась фаворитом: она обосновалась, конечно же, в Германии, России и других странах, поддерживая огонь промышленной революции.

В свою очередь город Велау в 1890 году открыл школу кузнецов для обученияковки лошадей, это было связано с огромной популярностью в Европе Велауской конной ярмарки.

В 1906 году здесь открылась сельскохозяйственная школа. Жители этого небольшого городка жили размеренно и спокойно, занимались сельским хозяйством, выращивали рожь

и пшеницу. Из-за частых бесснежных суровых зим пшеница в Восточной Пруссии не получила особого распространения, а Велау был одним из немногих районов, где она благополучно вызревала.

В 1929 году в Велау была построена реальная гимназия — немецкая орденская школа (Deutsch-Ordensschule). Здание не просто огромное – оно, можно сказать, ещё и величественное. В довольно сложное время для Веймарской республики строится добротное, мощное здание под эгидой «Облатов Hünfelder».

Это были частные лица, сочувствующие восстановленному Тевтонскому ордену в 1834 году при содействии австрийского императора Франца I. Орден был лишён политических и военных амбиций, сосредоточил усилия на благотворительности, помощи больным и содействию образованию. В период нацистских гонений деятельность Ордена была фактически свёрнута. Сочувствующие Ордену облаты посвящали свою жизнь служению Богу, следуя определенной монашеской традиции, но не становясь при этом монахами. Среди наиболее известных облатов были 12-й король Германии Генрих II Святой, святая Франческа Римская, поэтесса Кэтлин Норрис и американская анархистка Дороти Дей.

Облаты придавали большое значение школе – развитию личности и учению христианских ценностей, в частности, содействовали успешному участию на различных конкурсах, таким образом, школа создавала национальную репутацию. В школе был представлен чрезвычайно сильный круг вопросов, давались латынь, французский, греческий, рисование, музыка – оркестровые и вокальные навыки.

8 мая 1926 года министерство образования по просьбе общего обращения от учителей и родителей присвоило имя школе «Тевтонская».

Изначально будучи Латинской городской школой, она стала принадлежать к «высококласным учебным заведениям». Согласно указу Великого магистра, давшему городские права и вместе с ними право на высшую

школу в 1339 году – «передать школу подобному и образованному». Латынь была основой для преподавания, учёности, языком церкви и дипломатии. Даже после Реформации преподавание на латыни в школе было безоговорочно. Поскольку школа была в 60-ых годах XVI века «видным учебным заведением Пруссии» и до 1700 давала право ученикам поступать в высшие учебные заведения.

В ревизионном отчете 1734 года школа называлась «прекрасный посадочный сад церковных служителей». Весной 1810 года городская школа по некоторым причинам лишилась права выпускать учеников в университет.

В результате преобразований и больших прусских реформ в образовании возникла необходимость в строительстве нового трёхэтажного корпуса к востоку от церкви, которое было открыто 20 октября 1842 года и по праву считалось одним из лучших школьных зданий во всей провинции. Утром в ратуше состоялась предварительная церемония с торжественным заявлением мэра, и после школьная молодежь с песнями переехала в новый дом. В актовом зале пастор провел молебен, ректор произнёс речь на Инаугурации. В заключение глава крайса выразил свои пожелания в дальнейшем процветании учреждения.

В последующие годы статус городской школы менялся – «высшая гражданская школа с правом на приёмные экзамены», «реальная школа второго порядка», «реальная школа первого порядка». На Пасху 1881 года она стала называться «городская гимназия».

Постоянно растущие нужды школы на дополнительные расходы вызывали у городской администрации серьезные опасения, и поэтому она стремилась передать её на государственное обеспечение. После долгих переговоров с 1 апреля 1882 года вступает в силу контракт от государства о своём попечительстве с Правами и обязанностями и введением нового статуса школы «Королевская гимназия». Первые гимназисты покинули стены учебного заведения на пасху 1887 года. И с этим провинциальная школьная коллегия в Кенигсберге завершила полностью развитие гимназии.

В 1899 году началось преобразование гимназии в реальную школу. Первая петиция от буржуазии в 1906 году с просьбой расширить учреждение в статус Высшей школы Министерством было отказано, повторное ходатайство было направлено в 1911 году. И только к пасхе 1926 года было удовлетворено пожелание граждан, а в августе 1928 года Министерством культуры было

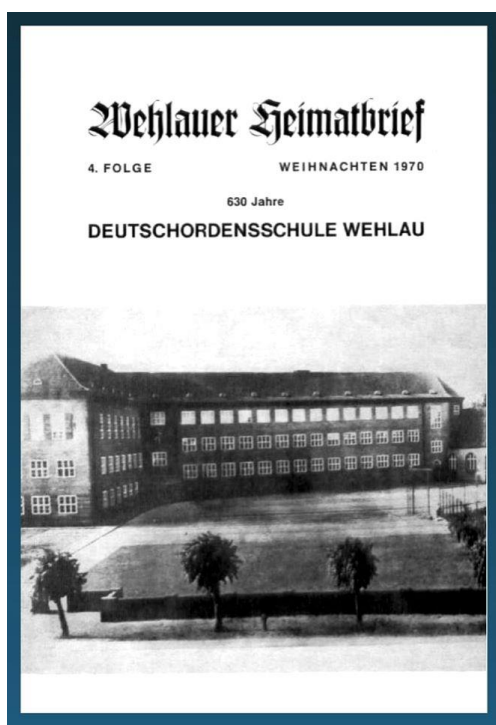
признано «государственным высшим учебным заведением». После первого выпускного экзамена в 1929 году началось преобразование в «реальную гимназию».

Проект здания школы уже был подготовлен до Первой Мировой войны, сохранился отчёт ревизии, которая особенно подвергла критике плохую освещенность и

недостаточную вентиляцию в классных комнатах. Коридоры были маленькими и узкими, в перерывах учащиеся должны были выходить в школьный двор незакрытый от сквозняков со стороны церковной площади.

В 1927 году вернулись к довоенному плану строительства нового здания со спортзалом на Рихардт-штрассе. Это сооружение было одним из самых современных и красивых во всей провинции. Интерьер школы был образцовым: светлые, просторные классы, комнаты для собраний, большой конференц – зал, великолепный актовый зал с манящей надписью над его входом: «только не залёживайся в порту и не спи, будь в счастье, будь в горе, жизнь только в открытом море». Большой школьный двор обеспечивал ученикам приличный отдых и прекрасную спортивную площадку. Кроме того, там можно было проводить первые уроки, так называемые, «под открытым небом», о которых потом одобрительно сообщала Кенигсбергская Общая газета.

Открытие нового здания состоялось 16 ноября 1929 года. Это был не просто праздник для Тевтонского ордена и школы, но и особый праздник для всего города. Накануне праздника вечером в актовом зале, кроме учительской и ученической, было много родителей и многочисленных представителей властей. Провели молебен, после выступления школьного хора и оркестра под руководством учителя музыки директор школы произнёс речь об истории школы.

Затем представитель правительственного строительного совета из Кенигсберга, как строитель нового здания, рассказал о проделанной работе и пожелал школьному сообществу удачи при поступлении. Обер – инспектор школ передал поздравления от министра культуры, председателя Верховной и провинциальной школьной коллегии в

Кенигсберге. Глава администрации района и мэр поздравили от имени округа и города, были выступления от лица евангелической церкви и попечительства по вопросам воспитания детей.

После экскурсии по зданию традиционно была спущена на воду лодка от водного клуба «Велауэр» с именем «Танненберг». Затем учитель физкультуры давал различные команды собаке на воде. Более 100 человек приняли участие на праздничном обеде в отеле «Кайзерхоф». Выступления студентов на сцене актового зала с песнопениями и в сопровождении оркестра завершил столь знаменательный день для Велау.

В настоящее время в историческом здании орденовой школы в Велау разместилась средняя школа Знаменска имени Героя России Александра Моисеева.

К слову, Знаменскую среднюю школу в 1958 году закончил доктор физико-математических наук, профессор, астроном Казимир Клеофасович Лавринович, автор книги «Альбертина» об истории Кёнигсбергского университета.

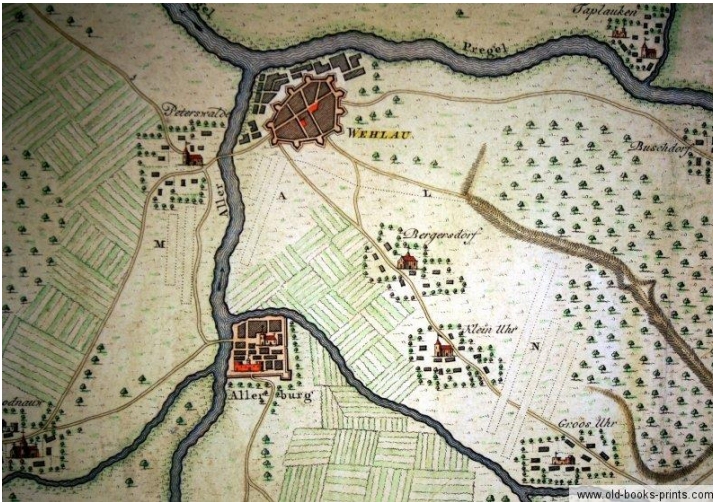
10. Францисканцы из Велау.

В начале XIV века Тевтонский Орден на острове при впадении реки Алле (ныне Лава) в реку Прегель построил каменный замок Велау. Хотя, во время больших половодий вода заливала замковые подвалы, само место казалось удобным для обороны. Вскоре, однако, оказалось, что не всегда спасало от разрушительных набегов пруссов и литовцев.

В 1323 году замок был до такой степени поврежден, что пришлось его полностью восстанавливать. Когда в 1336 году были воздвигнуты каменные стены замка Инстербург (ныне Черняховск), основной форпост борьбы с Литвой передвинулся более на восток. Тогда появилась возможность создать город вокруг крепости Велау и верховный маршал Ордена Генрих Дуземер порекомендовал основать его на возвышенной части острова.

25 января 1336 года локатору Готфриду Хундертмарку, получившему от Ордена земельные участки, право судьи и наследственное право старосты, предоставили также право заселить эти территории. В 1339 году великий магистр Дитрих фон Альтенбург даровал поселению Велау кульмское городское право.

После того, как в 1347 году литвины вновь дошли до Велау и пришлось восстанавливать сожжённый город, Орден не стал воздвигать крепость на прежнем месте. Для оставшихся фундаментов замка вскоре было найдено новое предназначение.

В 1349 году великий магистр Генрих Дуземер в честь победы над литовцами на реке Стреве близ Каунаса (1348 г.), разрешил конвентуальным

францисканцам строительство монастыря на месте Велауского замка и снабдил всем необходимым.

Францисканцы — представители католического нищенствующего монашеского ордена, основанный Святым Франциском Ассизским близ Сполето в 1208 году в Италии с целью проповеди в народе апостольской бедности, аскетизма, любви к ближнему. В ранний период францисканцы были известны в Англии как «серые братья» (по цвету их облачения), во Франции как «кордельеры» (из-за того, что они опоясывались веревкой), в Германии как «босоногие» (из-за их сандалий, которые они носили на босу ногу), в Италии как «братья». Устав Ордена предписывал совершенную бедность, проповедь, уход за больными телесно и душевно, строгое послушание папе.

Как духовники государей XIII – XVI веков, францисканцы пользовались большим влиянием и в светских делах, пока не были вытеснены иезуитами. Наряду с доминиканцами францисканцы осуществляли функции инквизиции, которая была основана в XIII веке.

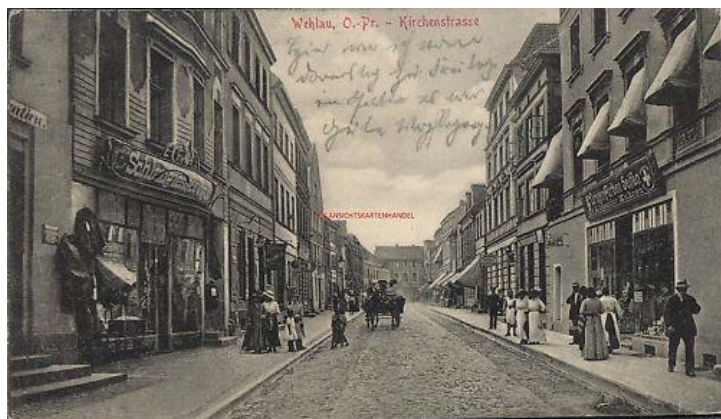
В 1256 году папство предоставило францисканцам право преподавать в университетах. Они создали свою систему богословского образования, породив целую плеяду мыслителей Средневековья и Ренессанса. В период Нового времени францисканцы активно занимались миссионерской и исследовательской деятельностью, работая в испанских владениях в Новом свете и в странах Востока.

В XVIII веке у ордена было 1700 монастырей и около 25 тысяч монахов.

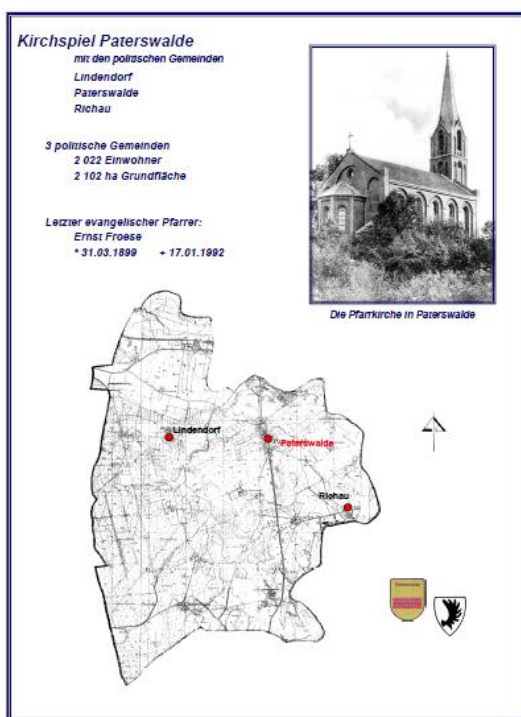
Во многих европейских государствах в период Великой французской и буржуазной революций XIX века Орден в числе других был ликвидирован; к концу XIX века восстановлен.

Конвентуальными францисканцами называли группу меньших братьев Ордена. В самом францисканском ордене признавалось существование двух независимых групп, получивших название братьев-миноритов строгого соблюдения правила, т. н. обсерванты, и братьев-миноритов конвентуалов.

Монастырь францисканцев в Велау должен был стать одним из центров христианских миссии к литовцам. Завершенное в 1351 году здание обители, поначалу являлось небольшой постройкой для нескольких братьев. Но спустя некоторое время (в 1363 г.), благодаря маршалу Хеннингу Шиндекопфу, монастырь был удлинен и

примыкал к городской стене. На местонахождение монастыря указывает сохранившееся до 1945 года название одной из городских площадей – «Клостерплац» — Монастырская площадь. Ныне это район с восточной стороны ул. Кооперативной, за домом №2.

Монастырь имел, вероятно, свой скит. Сохранилось предание, что еще в XIV веке один из велауских монахов стал вести отшельнический образ жизни в 3-х км от своего конвента. Со временем, вблизи его часовни поселились колонисты и основали деревню Аллендорф (в 1363 г.; во время войны 1520–1521 годов была разрушена), названную в XVI веке, от того, что жил там когда-то некий отец (патер) – Патерсвальде. Ныне это южная окраина Знаменска – Большая Поляна.

Велауский конвент вошел в состав Прусской Кустодии (самостоятельного административного округа францисканского ордена), которая была частью саксонской провинции францисканцев. В Прусскую Кустодию входили францисканские монастыри в городах: Торн, Кульм, Ноенбург, Браунсберг, Ватенбург и — с XV века — Данциг. Целью создания Кустодии являлось хранение и уход за святынями Римско-Католической Церкви, пастырское попечение над местными католиками и обслуживание паломников. Францисканцы Кустодии служили в местных приходах

Римско-Католической Церкви, работали в католических школах, организовывали паломничества, занимались научной и благотворительной деятельностью.

Францисканский конвент в Велау на свое содержание и деятельность получал поддержку от благотворителей. Вероятно, ещё маршал Шиндекопф дал монахам право ловли рыбы в определенных водоемах. Среди благодетелей встречаем также пекарей из Растенбурга (ныне Кентшин в Польше) — велауские францисканцы присоединили их к бенефициарам (получателям) духовных благ Ордена (1433 г.).

Известно, что с 1399 года по 1409 год конвент в Велау (как и остальные 5 францисканских монастырей, а также общины других орденов) получал дотацию из кассы великого магистра Тевтонского ордена, обычно в размере 2 гривен в год. Была это весьма незначительная статья в расходах Немецкого ордена, особенно во времена процветания орденового государства. Возможно, что такую же поддержку монастырь получал и раньше, но продолжал ли получать позже – после проигранных тевтонцами войн – сомнительно.

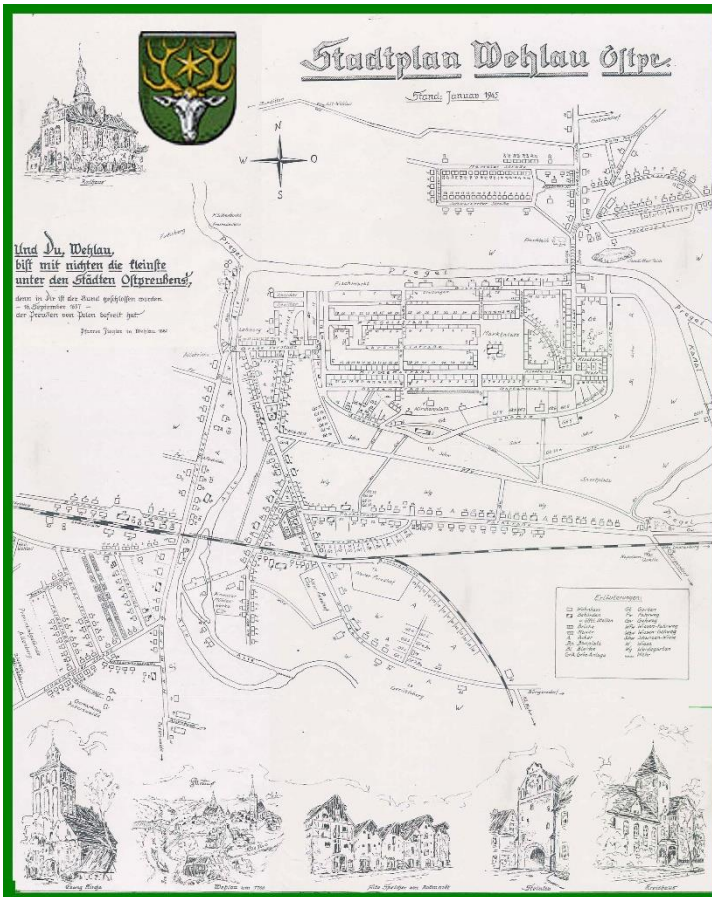

Важным элементом поддержки духовенства были завещания, которые делали представители мещанства в пользу церквей. К примеру, в 1517 году монастырь францисканцев обсервантов в Велау получил таким образом 10 гривен от Ханса фон Линденау (проживающего недалеко в Гердауне – ныне Железнодорожный).

В монастыре была библиотека. Известно, что из библиотеки францисканцев в Велау происходит рукопись конца XII века на венгерском языке – комментарий в честь Пресвятой Богородицы – «Königsbergi Töredék» (Кенигсбергский Фрагмент). Это второй по древности памятник венгерской письменности. Сейчас рукопись хранится в университетской библиотеке польского города Торунь.

Во время тринадцатилетней войны (1454–1466 гг.) город Велау встал на сторону союза прусских городов («Прусского союза») против Ордена. При осаде 1460 года (с начала июля) польский гарнизон, коротко перед 27 октября, был вынужден сдаться великому магистру Людовику фон Эрлихсхаузену. Францисканский монастырь, расположенный у городских стен был в ходе боев разрушен. Чаши, книги и другие ценные предметы великий магистр взял на сохранение.

Вследствие этой, проигранной Орденом войны, территории, на которых действовало 6 францисканских конвентов прусской кустодии были подчинены непосредственно Королевству Польши, и лишь велауский монастырь остался в границах господства великого магистра – правда, в то время монахов там уже не было.

Францисканцы решились вернуться в свой монастырь не сразу после войны, хоть к возвращению уговаривал их сам папа римский Сикст IV (францисканец). В 1473 году велел он также великому магистру Тевтонского ордена вернуть монахом их обитель вместе с имуществом.

Перед 1477 годом, на пустующий монастырь стали претендовать также францисканцы обсерванты, поэтому братья конвентуальные вскоре после 1477 года вернулись и начали его реставрировать. Обсерванты, которые еще в 1477 году обосновались недалеко от Велау, так и остались за стенами города.

Во время Реформации в Пруссии начала XVI века велауский конвент был

упразднен. Произошло это в 1520 году по приказу Альбрехта Гогенцоллерна, тогда еще великого магистра Тевтонского ордена, братья конвентуальные были изгнаны из территории монастыря, а на их место пришли братья обсерванты из конвента, находившегося за стенами города.

Причин такого «обмена» было несколько. Во-первых, то, что в следствие преобразований во францисканском ордене, прусская кустодия в 1517 году перестала относиться к конвентуальной ветви ордена и стала обсервантской, хотя это не обозначало, что все братья конвентуальные автоматически становились обсервантами либо оставляли свои монастыри, передавая их обсервантам. Во-вторых, в то время тевтонцы (и не только они) более благосклонно относились к обсервантам, видя у них более строгий образ жизни. Однако же, непосредственной причиной, стало, вероятно, то, что в 1520 году обсервантский монастырь за стенами города был велаускими мещанами разрушен, чтобы не стать опорой для польских войск, действующих против Тевтонского ордена в продолжающейся войне.

Потом, во время накала антикатолической пропаганды, в 1524 году также обсерванты были изгнаны и монастырь полностью разрушен. Этому предшествовало отступничество некоторых монахов. Первая информация об отступничестве среди францисканцев прусской кустодии происходит именно из Велау – 31 января 1522 года субдиакон Якоб снял хабит (монашеское облачение) и ушел из монастыря.

1524 год был концом также для соседних велаускому монастырю францисканских (обсервантских) обителей: в Кёнигсберге и в Тильзите (ныне Советск). Кёнигсбергский конвент был составлен из нескольких братьев, прибывших в 1517 году из монастыря в Велау. Обитель была очень маленькой и бедной. Находилась на месте, где ныне пересекаются улицы Пролетарская и Шевченко, на берегу Нижнего пруда, недалеко от женского монастыря сестер бенедиктинок, основанного еще в 1349 году (кстати, также в благодарность за победу при реке Стреве в 1348 году). Сохранилось свидетельство разрушения именно кёнигсбергской францисканской обители. В понедельник после Праздника Пасхи 1524 года толпа по призыву лютеранского проповедника Амандуса штурмовала францисканский монастырь и только благодаря местному комтуру монахи смогли свободно покинуть свой дом.

В 1530 году лютеранская конфессия была объявлена обязательной для всех жителей Герцогства Пруссии, и многие католики для сохранения своей веры переезжали в другие страны либо во владения епископа Вармии. Также францисканцы из Велау отправились туда, где влияние протестантизма было меньше и их монастыри сохранились.

Редкостью являются сохранившиеся списки монастырского имущества прусских мендикантских (нищенствующих) конвентов. Одним из немногих является список из Велау. Может он дать некоторое представление о численности велауской общины монахов. Так, в начале XVI века (до закрытия или сразу после изгнания францисканцев) в велауском конвенте прошла «инвентаризация» имущества. В его хозяйстве среди прочего были запасы ржи, сала, рыбы, в том числе бочонок трески, 8 бочек пива (1 бочка = около 137,5 литров). Имелась посуда: 24 оловянные тарелки (миски) и 4 большие тарелки (миски), 4 железные кастрюли, 4 решетки и 2 блюда для выпечки и другое.

По материалам сайта «Католики в Знаменске» <http://ktvz.ru>

11. О колонистах.

В 1709 – 1710 годах Велау пережил большие потрясения – наводнение и эпидемию чумы. Так, в 1710 году страшная эпидемия унесла 1850 человеческих жизней, в 1726 году в нём проживало всего 250 человек.

По сведениям за 1782 год в Велау уже проживало 2627 человек. Увеличение численности жителей города было за счет повышения рождаемости и прибытия переселенцев.

Ещё при курфюрсте Фридрихе Вильгельме была поставлена задача в формировании общества, заселении восточно-прусских земель – главной из стратегических задач Гогенцоллернов, об этом мы рассказывали, касаясь истории посёлка Междуречье (бывшего Норкиттен).

Эпоха формирования немецкой нации за пределами Германии из немцев, поляков, литовцев, французов, голландцев, швейцарцев и представителей других народов завершилась к концу XVIII века. Образовалась единая общность на территории провинции Пруссия именуемая пруссаки. Со временем для всех пруссаков общий язык станет немецкий.

При ордене завоёванная земля предоставлялась в первую очередь участникам походов, лицам дворянского сословия и крестьянам. После падения Ордена, колонистов в провинцию «заманивали» посулами, льготами и всевозможными поощрениями: давали им жильё, землю, инвентарь, оказывали финансовую поддержку, с тем, чтобы заложить «яйкос» (корень), без которого невозможно ни развитие экономики, ни формирования общества.

Как гласит старая немецкая пословица: «Где ничего нет, там и император теряет своё право».

В XVII веке курфюрст Фридрих Вильгельм переправил несколько сот экземпляров на немецком, французском и голландском языках Подсдамского эдикта во Францию с целью пригласить в Бранденбургско-Прусское государство преследуемых за веру гугенотов. Привлечение людских резервов в страну укрепило её экономическое состояние и положение. Гугенотам предоставлялись большие привилегии и льготы, создавались для них «все условия для трудовой деятельности, в которой они обучены».

Chur-Brandenburgisches

EDICT,

Betreffend

*Diefenige Rechte / Privilegia und andere
Wolthaten / welche Se. Churf. Durchl. zu Bran-
denburg denen Evangelisch-Reformirten Franzö-
sischer Nation so sich in Ihren Landen nieder-
lassen werden daselbst zu verstaten gnä-
digst entschlossen seyn.*

Geben zu Potsdam/den 29. Octobr. 1685.

Курфюрст был очень заинтересован в том, чтобы привлечь в своё государство специалистов, деловых людей, «не лентяев», желательно имеющих побольше имущества, денег и товаров для продажи.

В результате возникли и стали развиваться промышленность, железные и литейные заводы. Предместья городов украсились фруктовыми садами, плантациями.

Была оказана помощь в разведении породистого скота и в осушении болот.

Некоторые немецкие историки

характеризовали политику Гогенцоллернов по переселению народов, не из соображений выгоды, а лишь религиозным долгом перед терпящим нужду протестантским братьям.

Долгое время переселенцы хранили традиции своих предков, носили национальную одежду, поддерживали земляческие отношения, имели свой союз, женились и выходили замуж только за своих.

Постепенно процесс ассимиляции захватывал их, и всё же, став прусскими немцами, они долго помнили о своей истории и поддерживали связи со старой родиной.

На территории восточной части Королевства Прусского среди литовско-пруско-немецкого населения почти 60% всех жителей составляли изгнанники.

12. О великом курфюрсте.

О том, как Польша перестала быть сюзереном Пруссии, и как Гогенцоллерны получили не вассальную территорию, а независимое государство, мы рассказывали ранее, касаясь замка Лабиау в городе Полесске.

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/362142111164684>

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/361365771242318>

https://vk.com/historyk39?w=wall-168806484_226; https://vk.com/historyk39?w=wall-168806484_227

И какой «молодец курфюрст» мы отметили. Всё же рассказать о Фридрихе Вильгельме, Великом курфюрсте, уместно сейчас, касаясь истории посёлка Знаменска, бывшего города Велау.

Wehlau; das von 1382 stammende Rathaus mit „Hakenbuden“ inmitten des Marktes. In diesem historischen Gebäude schloß der Große Kurfürst Friedrich Wilhelm am 19. 9. 1657 mit Polen den Vertrag von Wehlau, der das Herzogtum Preußen von der polnischen Oberhoheit befreite

В судьбе Пруссии Велау предстояло сыграть величайшую роль. 29 сентября 1657 года здесь был заключен Велауский договор, по которому Пруссия выходила из ленной зависимости от Польши. Переговоры вел сам Великий курфюрст Фридрих Вильгельм. Посредником в переговорах выступил дом Габсбургов, нуждавшийся в голосе курфюрста при выборе императора.

Историки аттестуют Фридриха Вильгельма ярко и образно:

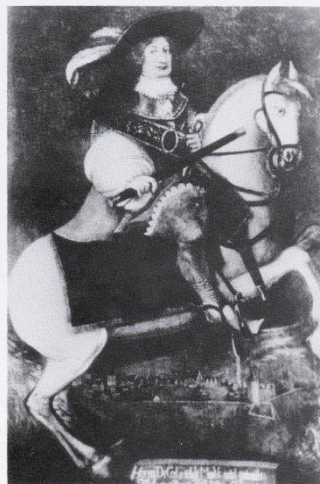
«Типичный пруссак по натуре <...> Крутой, упорный в достижении своих целей, не останавливающийся в случае необходимости перед насилием <...> Обладал той относительной честностью, которая требовала добросовестности по отношению к друзьям, но допускала хитрость и жестокость по отношению к врагам <...> Он обладал той трезвостью взгляда, которая заставляла его высоко ценить материальные силы – деньги, войско, количество подданных. И той практичностью, в силу которой он следовал жизненному правилу: никакой союз не должен сохраняться, если он достиг своей цели, и никакой договор не обязан соблюдаться вечно».

В принципе, курфюрст склонялся к Польше, но... польский король на тот момент держался индифферентно. Дескать, в Пруссии особо не заинтересован. Более того, крымские татары, союзники Польши, совершили беспрецедентный набег на Пруссию. Было сожжено 13 городов, 249 деревень, 37 церквей, множество хуторов. 11 тысяч человек погибло, 30 тысяч – уведено в плен.

Wehlau; das Relief des Großen Kurfürsten am Rathaus

Wehlau; Gemälde des Großen Kurfürsten im Ratssaal der Stadt

В Велау, кстати, крымские татары тоже отметились, и оборонительные стены, построенные вокруг города, особо их не сдержали. По некоторым данным, около тысячи жителей Велау было убито, сотни женщин – изнасилованы...

Ловкий курфюрст Фридрих Вильгельм грамотно разыграл многоходовую комбинацию: как только Россия успешно повела боевые действия в Ливонии, напугав своим

вмешательством шведского короля Карла X, прусский курфюрст предложил Швеции военную помощь, но... в обмен на признание суверенитета Пруссии. Карл X согласился. В 1656-м году Швеция приняла Пруссию «под власть короны», признала полный суверенитет и «подарила» провинцию Эрmland (сейчас это местность Вармия в Польше). За это Фридрих Вильгельм подписал в Лабиау (ныне Полесск) «вечный договор» против общих врагов обеих государств. Когда же Швеция стала сдавать позиции в войне с Польшей, ловкий курфюрст заманил личного представителя польского короля якобы на охоту в Велау. И во время этой встречи, «замаскированной» под охоту, изъявил готовность выступить теперь на стороне Польши.

«Охота» в Велау оказалась результативной: вскоре Фридрих Вильгельм встретился с королём Польши, торжественно «вернул» ему Эрmland, получив взамен Эльбинг (ныне польский Эльблонг) и полную ликвидацию ленных отношений. То бишь вожделенную независимость.

С именем Великого курфюрста Фридриха Вильгельма традиционно связывают возвышение бранденбургско-прусского государства, которому было суждено в XIX веке объединить Германию. Старой, но верной является мысль, что сильные характеры государственных мужей формируются в детстве и юности под воздействием жизненных трудностей и строгого воспитания.

На примере великого курфюрста о том, как сильные характеры государственных мужей формируются в детстве и юности под воздействием жизненных трудностей и строгого воспитания.

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/483657132346514>

https://vk.com/wall-168806484_618

13. О колониальной политике Фридриха Вильгельма I и Фридриха Великого.

«Когда скончался мой отец, Пруссия (Фридрих Вильгельм имел в виду провинцию Восточная Пруссия) почти вымерла от чумы, поразившей людей и скот. Почти все домены (королевские поместья) в стране были заложены или сданы в наследственную аренду; приближалось финансовое банкротство; армия находилась в плохом состоянии, будучи ничтожна числом. Все эти беды я не могу и перечислить. За девять лет все дела приведены в порядок, а все домены совершенно освободились от долгов. Это результат трудной, но удачной работы. Армия и артиллерия сегодня в таком состоянии, как нигде больше в Европе. Подчиненные помогали мне мало, а вот мешали, прямо или косвенно, много. Итак, большего за прошедшие девять лет я не мог бы совершить».

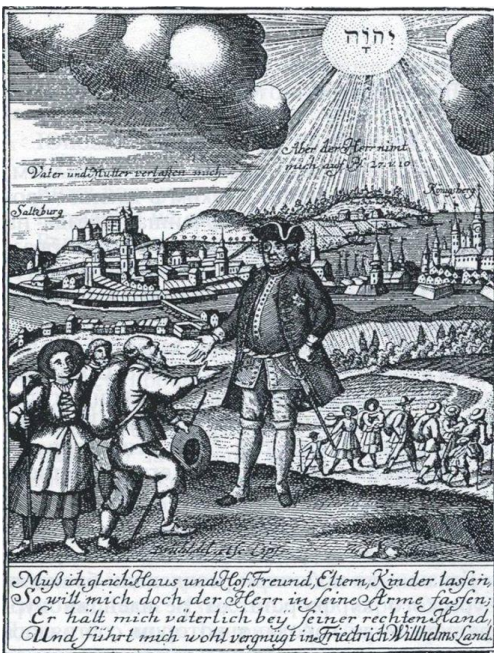
Цитата из книги Фенора Вольфганга «Фридрих Вильгельм I».

В своём письме из приведённой цитаты король Фридрих Вильгельм I пытался подвести итог ещё в 1722 году в 34-летнем возрасте, он подумал о десятилетнем сыне Фридрихе. Однажды мальчик окажется на его месте. Наследство своего отца он, Фридрих Вильгельм, обязан передать сыну в отличном состоянии. «Фрицхен» не должен получить хаос и государство на грани банкротства.

2 февраля 1732 года король Пруссии Фридрих Вильгельм I издал свой патент о переселенцах. Этот документ послужил основанием для процесса массового переселения Зальцбургских протестантов в королевство Пруссия и в самую разоренную чумой провинцию – Восточную Пруссию.

Гравюра «Беженцы-протестанты идут из Зальцбурга в Кёнигсберг». Из книги Г. фон Глински и П. Вёрстер «Кёнигсберг. Прошлое и современность», Берлин/Бонн, 1996. (библиотека Государственного архива Калининградской области)

Беженцы-протестанты идут из Зальцбурга (слева) в Кёнигсберг (направо).

«От весны 1732 до весны 1733 годов в Пруссию въехало около 30 000 иммигрантов. Для XVIII века миграция такого масштаба была беспрецедентной, и сравнить ее можно лишь с выездом в Северную Америку. Ни одному из гонимых не было отказано в пересечении прусской границы. «Раз они не смогли забрать свое имущество, — писал король, — следует позаботиться об их пропитании». И от слов перешел к делу. Выполняя поручение короля, прусский посланник в регенсбургском рейхстаге, энергичный барон фон Плото осаждал зальцбургские власти до тех пор, пока архиепископ Фирмиан не вернул четыре миллиона гульденов, вырученные в результате поспешной продажи протестантами своих домов (один миллион шантажист все-таки оставил себе).

И теперь Фридрих Вильгельм, засучив рукава взялся за Восточную Пруссию более двадцати лет назад опустошенную чумой. Согласно его распоряжению, квалифицированных ремесленников из Зальцбурга расселяли преимущественно в городах — Кёнигсберге, Гумбиннене, Инштербурге, Тильзите и Мемеле. Крестьяне же селились в основном в прилегающих деревнях — в округах

Хайлигенбайль и Бальга, в местности вокруг Прейсиш-Эйлау и в Мазурском поозерье. За шесть лет, до 1738 года, король вложил более шести миллионов талеров в возрождение Восточной Пруссии. К 1713 году там насчитывалось шесть городов и 322 деревни, опустошенные чумой. Сейчас они были возрождены — шесть городов, 332 деревни (имеющие в среднем по двести жителей каждая) и девять королевских поместий. Возвращались в оборот 180 000 моргенов запущенной земли — ее хватило для трех тысяч новых крестьянских хозяйств. Повсюду можно было увидеть зальцбургских переселенцев в живописных национальных костюмах — они расчищали землю под пашни, пахали, стучали молотками, строили. Каждый десятый житель Восточной Пруссии — переселенец, корни каждого двадцатого восходят к австрийским Альпам».

В конечном итоге, переселенческая деятельность Фридриха Вильгельма I оказалась успешной. Население Пруссии при нём выросло вдвое, приблизительно до 600 тысяч человек.

Вербовку колонистов продолжил сын Фридриха Вильгельма I, Фридрих II, правнук великого курфюрста.

Фридрих Второй, взойдя на престол в 1740 году, организовал правильную иммиграцию в своё государство по заранее составленному плану. Он признавал, что «крестьяне – отцы-кормильцы общества», и не жалел усилий и средств на увеличение их

численности. Палаты провинций должны были собрать сведения о нуждах своих регионов, составить списки пустующих домов, заброшенных участков земли, определить число колонистов, которое требовалось в их округах. Были учреждены специальные агентства, которые печатали объявления в газетах о льготах переселенцам, а также направляли особых служащих в различные уголки Европы для ведения нужной пропаганды. Вербовщики ехали в места, где случались большие пожары, возникали голод, эпидемии, «где государи с ничтожным бюджетом разорялись, тщась сравняться в роскоши с двором Людовика XIV».

Прусские агенты вербовали колонистов, выдавая им деньги на путевые расходы и переселенческую премию, а после приезда на место, выделяли дом и землю. Определялась доля государства в издержках на обустройство, рекомендовалось позаботиться о школах, подготовить помещения для «хороших школьных учителей». Фридрих делал огромные затраты для защиты деревень и городов от периодических наводнений. Для предупреждения побегов колонистов он обязал местные власти уплачивать суммы, израсходованные на беглецов.

Королю удалось заманить в Бранденбургско-Прусскую страну около 130 тысяч новых переселенцев.

В период Семилетней войны Пруссия утратила своего населения почти на 70 тысяч душ. Но экономическая политика Фридриха Великого быстро восполнила потери. При этом военная политика, силой оружия, расширяла границы государства.

Удержать в составе королевства захваченные территории невозможно без их быстрого освоения и последовательного онемечивания.

Известен указ короля под названием «Высочайшая декларация», в силу которой «должны быть построены новые деревни в удобных местах, при широкой помощи наличными деньгами, которую Его Величество всемилостивейше соизволил оказать землевладельцам». Кроме льгот и финансовой поддержки указ сулил колонистам личную свободу, заботу о школьном обучении, обязывал верных вассалов построить для переселенцев одну или несколько деревень, выделить наделы и т.д.

В итоге за своё 46-летнее правление Фридрих II приобрёл за счёт эмигрантов из других стран 300 тысяч новых подданных.

Население восточной провинции к началу XIX века выросло до 988 тысяч человек.

В итоге, к 1786 году почти треть прусского населения составляли колонисты. Пришедшие со всех концов Европы, со временем они слились в одно целое с принявшим их народом. Фридрих Второй подчеркивал, что в его государстве всякий может спасти свою душу, как ему нравится. Он не терпел посягательств на свободу совести. Его правление отличалось религиозной толерантностью, в том числе по отношению к католикам.

Многие принятые им изгнанники из Чехии, Франции, Польши, Австрии и др., были жертвами религиозных гонений. Например, когда иезуитов стали преследовать, то Фридрих открыл для них «двери своего государства», чтобы они продолжали свою образовательную деятельность. К тому же, полученные после первого раздела Польши земли (в 1772 году присоединили Вармию), позволили объединить две части его владения – собственно Пруссию и Бранденбург.

14. О католиках.

Кёнигсбергский регион Римско-католической церкви теперь целиком находился под юрисдикцией Вармийского епископства. Численность католиков в Пруссии возросла. Католическая община в Велау в конце XVIII века получила разрешение на строительство своего храма.

В начале XX века в городе насчитывалось около 600 католических

семей, примерно столько же — в окрестных городах, которые обслуживал один священник.

Новый католический храм около городского кладбища стал строиться здесь лишь перед I Мировой войной, но война и последовавший за ней экономический кризис прервали строительство. В 1928 году храм был освящён.

Судя по воспоминаниям очевидцев, в храме был прекрасный орган и богатое убранство в стиле барокко, от которого, к сожалению, до сегодняшнего дня ничего не сохранилось. Храм действовал до 1945 года, когда настоятель был посажен немцами по обвинению в нарушении затемнения. Здание храма, разделенное на два этажа и переоборудованное под школьные мастерские, постепенно приходило в упадок, и в 1990-х годах здесь

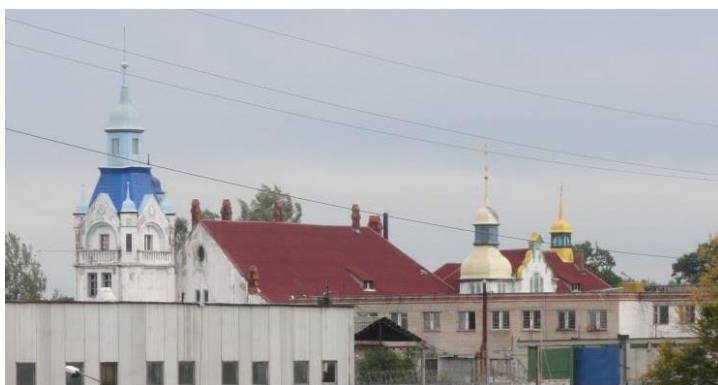
обосновались бездомные.

24 февраля 2010 года Католическая Церковь вновь обрела права на использование часовни. Храм восстановлен Римско-католической церковью, является приходом Скорбящей Божией Матери, где проводятся службы. В 2018 году установлен орган.

В публикации использованы материалы сайта «Католики в Знаменске». <http://ktvz.ru>

15. В Знаменск по старой дороге из Калининграда...

На территории Гвардейского городского округа сохранилось восточно-прусское имение Капкайм (Karkeim), уникальный исторический объект немецкой культуры, во многом в результате стараний и трудов органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы Калининградской области.

«Согласно материалам Государственного архива Калининградской области и немецких источников, в данном качестве известно ещё с орденских времён.

Своё название ведёт от одноимённой деревни, расположенной по соседству (ныне – посёлок Вишнёвое Гвардейского района) и возникшей в 1388 году. «Капкайм» – это немецкая интерпретация прежнего прусского названия – «Кабейкам», что дословно означает «Деревня, основанная пруссом по имени Каабе».

Фоторепродукция с картины неизвестного немецкого художника начала XX-го века, запечатлевшего усадьбу-«замок» Капкайм со стороны парка.

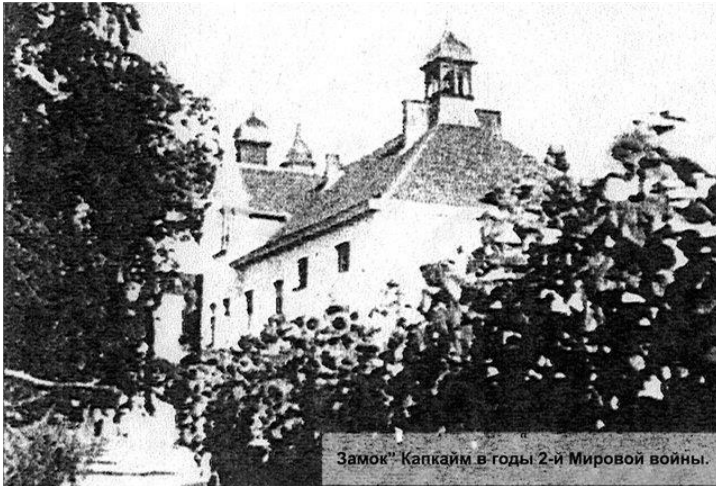
Исторические хроники гласят, что XIV-м веке имение Капкайм было передано в дар принявшему христианство прусскому вождю Склоде. Впоследствии имением владели прямые потомки Склоде. Так в частности, в 1473 году магистр Тевтонского ордена Хайнрих фон Рихтенберг, руководствуясь Магденбургским правом, отписал 13 земельных наделов и 20 морганов Христофору фон Вегнеру и его детям.

Однако уже через несколько лет владельцем имения стал видный государственный деятель Тевтонского ордена Амброзиус фон Виндекайм, сын крупного земландского землевладельца и прямого потомка вождя Склоде Маттиаса фон Виндекайма. В историю Восточной Пруссии он вошёл под прозвищем Пербандт. Например, известно, что на 1478 год Амброзиус фон Виндекайм (Пербандт) состоял в статусе депутата ландтага, а по состоянию на 1480 год – советника Великого магистра Мартина Трухсеса фон Ветцхаузена. Но особенно он увековечил свое имя тем, что в тяжёлые для Тевтонского ордена времена бескомпромиссно выступил в роли его верного апологета и опоры.

В XVI веке в имении проживали внуки Амброзиуса фон Виндекайма (Пербантда) – Себастьян и Альбрехт Пербантды, при этом исторические хроники уточняют дату жизни Альбрехта – 1510-1575 годы, а также тот факт, что он состоял в должности главы местной сельской общины.

В XIX веке имение Капкайм перешло в собственность семье Хойбах, владевшей так же небольшим имением Первиссау (ныне – посёлок Рожково Гурьевского района), находившемся недалеко от залива Фришес-Хафф (ныне – Калининградский залив). Главой семьи в тот период времени являлся Йон Фридрих Хойбах, родившейся в 1811 году в Кёнигсберге. Приобретение имения Капкайм дало ему право публично величаться «землевладельцем и помещиком Капкайма».

Следующим владельцем имения по наследству стал другой Хойбах – то ли сын, то ли брат Йона Фридриха. Его имя до нас не дошло, а только профессия – инженер-путеец. Известно также, что он принимал непосредственное участие в строительстве железнодорожной ветки, ведущей из Кёнигсберга через Тапиау (ныне – Гвардейск) и Инстербург (ныне – Черняховск) в столицу российской Империи город Санкт-Петербург, в том числе и участка Гросс Линденау (ныне – Озерки) – Тапиау, полотно которого прошло не просто через территорию его имения, а буквально в 150-200 метрах от стен старинной усадьбы.

Замок Капкайм в годы 2-й Мировой войны.

К 1889 году имение Капкайм, помимо самой усадьбы с дворовыми постройками, включало в себе четыре фольварка – Barenbruch, Dammkrug, Liedersdorf и Neu Zimmau, – а также 1174 гектара земли, из которых 625 гектаров использовались под пашню, ещё 196 – под луга, а 154 гектара – под лесные угодья.

В 1895 году в связи со смертью железнодорожника Хойбаха владельцем имения Капкайм стал его младший из двух сыновей от второго брака – 38-летний Арнольд (1857-1923). По наследству ему досталось и другое отцовское имение – Беренбурх, располагавшееся в нескольких километрах южнее, но также входившее в состав местной сельской общины, носившей название «Гауледен», поскольку его административным центром являлась одноимённая деревня (ныне – посёлок Тумановка Гвардейского района). В свою очередь община Гауледен входила в состав крайса (района) «Велау» правительственного округа «Кёнигсберг».

От брака Арнольда Хойбаха с Маргот Пранге, происходившей родом из населённого пункта Помелен правительственного округа «Остероде», в имении Капкайм родились двое наследников: в 1899 году – сын Хорст, а в 1901 – дочь Эрика.

В начале XX века Арнольд Хойбах в имении Капкайм на месте помещичьей усадьбы, построенной ещё в орденские времена, возвёл новое здание, выполненное в стиле нового барокко. Внешне оно очень сильно напоминает замок, в силу чего данное имение стали неофициально величать замком Капкайм. Именно «замковое» здание и находится в настоящий момент на балансе Управления федеральной

службы исполнения наказаний по Калининградской области.

Поскольку Арнольд Хойбах слыл в округе не только богатым помещиком, но и страстным меломаном и меценатом, то внутри «замка» архитекторами по его указанию были предусмотрены два двухэтажных концертных зала, один из которых использовался ещё и как органный. Также на свои средства, помимо органа, Арнольд Хойбах приобрёл два концертных рояля и в большом количестве – инструменты для духового и симфонического оркестров.

Детский духовой оркестр «замка» Камкайм во главе со своим руководителем – школьным учителем Зурау.

Впоследствии концерты духовой, симфонической и хоровой музыки здесь давали воспитанники старших классов деревенской школы Камкайма. В роли регента и дирижёра выступал школьный педагог по фамилии Зурау.

Имелся внутри нового здания и собственный зимний сад, построенный в виде стеклянной оранжереи и украшенный фонтаном с мраморной скульптурой Аполлона в центре.

Пруд в «замковом» парке имения Камкайм.

С востока к «замку» примыкал живописный пруд с островом-клумбой в центре (летом, судя по архивным фотографиям, здесь «прописывалась» скульптура Аполлона из зимнего сада, а в холодное время года – декоративная ваза, напоминающая амфору), и горбатым мостиком – у северного берега. От пруда начинался тенистый парк, в глубине которого располагался высокий каменный мавзолей – родовая усыпальница Хойбахов. Кроме того, там

же, в парке, но в стороне от прогулочных аллей находились и различные придомовые постройки.

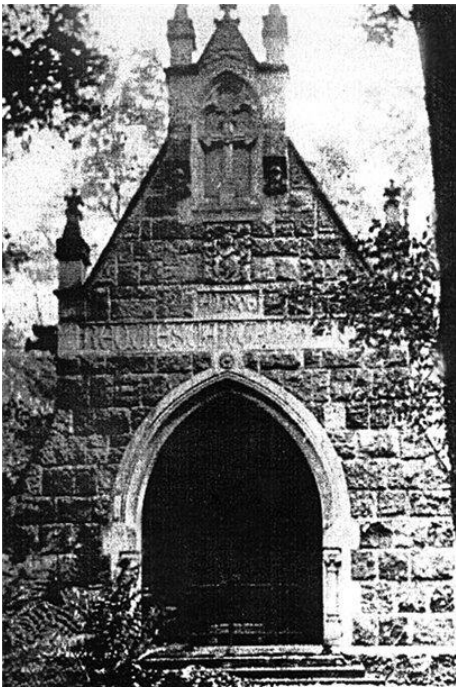

1916 год. Рождественский обед в музыкальном зале для сельхозрабочих и русских военнопленных.

В годы 1-й Мировой войны на территории имения в качестве рабочей силы содержалась группа расконвоированных русских военнопленных, к которым Арнольд Хойбах в целом относился благочтиво. Об этом, помимо прочего, кстати, свидетельствует и архивная фотография, сделанная в 1916 году в момент начала торжественной трапезы, устроенной Арнольдом Хойбахом в органно-музыкальном зале своей усадьбы-

«замка» для наёмных работников, в том числе русских военнопленных, по случаю празднования Рождества.

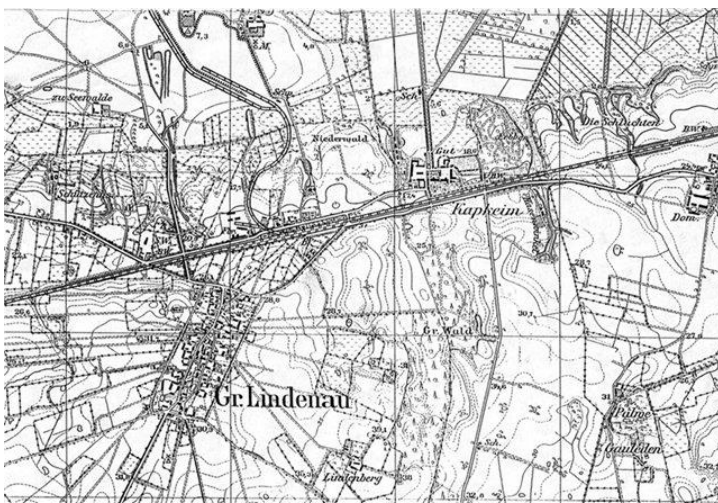
Мавзолей, выполнявший роль родовой усыпальницы семьи Хойбахов.

Со смертью отца новым владельцем усадьбы-«замка» в 1923 году стал 24-летний Хорст Хойбах. Его сестра Эрика к этому времени уже вышла замуж за некоего Курта Гронерта из Горслау, в силу чего проживала отдельно от брата.

В правах владельца имения Капкайм Хорст Хойбах пробыл совсем недолго, поскольку у него достаточно скоро возникли серьёзные финансовые затруднения, которые и стали причиной принятия им решения о продаже отцовского наследства.

Состоятельный покупатель не заставил себя долго ждать. А в его роли выступило тогда Немецкое сельскохозяйственное общество. С этого момента и на протяжении последующих приблизительно десяти лет усадьба-«замок» – помещение льноткацкой фабрики,

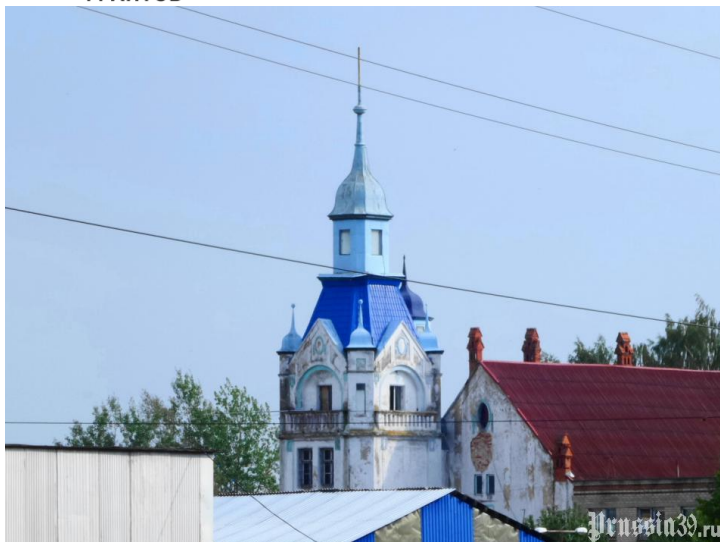
имевшей в своём составе и собственную школу фабрично-заводского обучения.

Производственную базу фабрики составляли тридцать механических и шесть ручных ткацких станков. На механических станках изготавливались постельное бельё, декоративное и плательное льняное полотно. На ручных, которые были установлены, главным образом, в ткацкой школе, - другая фирменная продукция фабрики в виде пёстрых и вышитых скатертей. Широким спросом у потребителей

пользовались также салфетки ручной работы.

Руководил льноткацкой фабрикой на правах директора некто доктор Вильгельм Нойфельд. Хозяйственником и администратором он оказался отменным. Так, в частности, представители возглавляемой им трудового коллектива неоднократно становились победителями самых различных конкурсов профессионального мастерства, причём не только провинциального уровня, но и общеимперского.

К началу 1930-х от бывшего имения оставалась лишь территория усадьбы-«замка» с возведёнными на ней постройками и парком, поскольку земельные и лесные угодья к этому времени были уже оптом распроданы в частные руки.

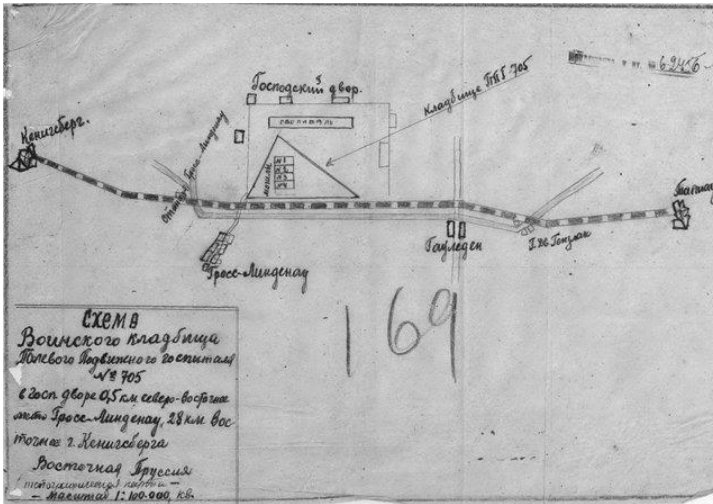
В начале 1930-х льноткацкая фабрика по каким-то причинам была закрыта, в результате чего усадьба-«замок» Капкайм вновь была выставлена на торги. В 1934 году её по сходной цене

приобрёл Макс Титц (Max Tietz) некий специалист мясного производства из Гауледена.

Перво-наперво, что сделал новый владелец, так это перепланировал ряд помещений центральной части «замка» под магазин колониальных товаров. Последний, к слову сказать, здесь затем функционировал вплоть до 1943 года. Через некоторое время рядом построили здания для ткацкой фабрики из Groß Lindenau (район Königsberg Land), которую объединили с одним из сельхозпредприятий. Здесь изготавливали постельное бельё и полотенца, в том числе для военно-морского флота Германии. В конце войны фабрику перевели в Lauenburg (Западная Германия), где она и функционировала до 1960-х гг.

В восточной же части «замка» были обустроены жилые помещения для четырёх десятков представительниц из так называемой Женской службы рейха – городских девушек и женщин, изъявивших желание в ходе сезонных работ на общественных началах помогать крестьянам в их повседневном труде. А в западном – шестнадцать квартир, предназначенных для сдачи в поднаём. В распоряжение квартиросъёмщиков, помимо самого жилья, были предоставлены также равные участки фруктового сада плюс по деревянному сараю и сельхозпостройки, позволяющие каждой семье заниматься мелко частным свиноводством.

Как надо предполагать, именно в этот самый период, был засыпан некогда существовавший у парадного подъезда «замка» декоративный пруд.

Весной 1945 года на территории имения Капкайм дислоцировался 705-й хирургический полевой подвижной госпиталь Красной Армии. Здесь же вскоре появилось и кладбище данного ХППГ.

Летом 1946 года остатки усадьбы-«замка» имения Капкайм в результате нового административного деления, проведённого властями только что образованной в составе РСФСР

Калининградской области, оказались в черте посёлка Озерки Гвардейского района, но на границе с посёлком Вишнёвое.

До начала 1970-х донельзя обветшалое к тому времени здание «замка» Капкайм находилось на территории местного завода металлоизделий «Авангард». Его спасение и возрождение как неофициального памятника немецкой истории и архитектуры началось с марта 1974 года, когда оно само и часть лежащей по периметру территории были отведены Отделу исправительно-трудовых учреждений УВД Калининградского облисполкома под строительство здесь нового лечебно-трудового профилактория – ЛТП-1. Особенно много сделал на этой ниве первый по счёту начальник данного профилактория подполковник внутренней службы Алексей Платонович Мартыненко.

ЛТП-1 просуществовало чуть больше двадцати лет: оно было ликвидировано в соответствии с приказом УВД Калининградской области № 379 до 21 сентября 1994 года. Однако оставаться в связи с этим бесхозным «замку» Капкайм пришлось недолго: уже 1 ноября того же 1994 года начальником УВД Калининградской области был подписан приказ об образовании на базе бывшего ЛТП-1 колонии-поселения (ИК-12) во главе с майором внутренней службы Николаем Ивановичем Снеговым.

Новая администрация также успела немало сделать на ниве сохранения и реставрации здания «замка», но, начиная с 1996 года, этим процессом так сказать «по наследству» уже всерьёз занялись новые руководители – первые лица созданного в посёлке Озерки в соответствии с приказом начальника УВД Калининградской области № 22 от 2 февраля 1996 года учреждения общего режима ОМ-216/5 (с июля 2000 года – Лечебно-исправительное учреждение № 5 современного регионального УФСИН). Что же

касается, ИК-12, то оно было передислоцировано из Озерков в посёлок Славинск того же Гвардейского района...»

Материал статьи Юрия Петровича Ржевцева «Имение Каркейм/Капкайм: былое и современность» <http://voenspez.ru/index.php?topic=18021.0>

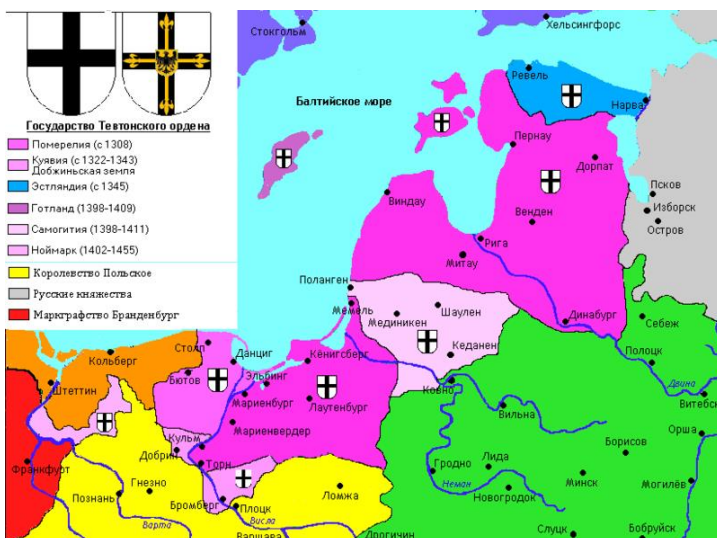
16. На примере рода Пербандт

Исторические хроники гласят, что XIV-м веке имение Капкайм было передано в дар принявшему христианство прусскому вождю Склоте. Впоследствии имением владели прямые потомки этого вождя.

Владельцем имения Капкайм стал видный государственный деятель Тевтонского ордена Амброзиус фон Виндекайм, сын крупного земландского землевладельца и прямого потомка вождя Склоте Маттиаса фон Виндекайма.

В историю Восточной Пруссии он вошёл под прозвищем Пербандт. Например, известно, что на 1478 год Амброзиус фон Виндекайм (Пербандт) состоял в статусе депутата ландтага, а по состоянию на 1480 год – советника Великого магистра Мартина Трухсеса фон Ветцхаузена. Но особенно он увековечил свое имя тем, что в тяжёлые для Тевтонского ордена времена бескомпромиссно выступил в роли его верного апологета и опоры.

На примере рода Пербандт сотрудник Свободного университета (Берлин) Гриша Феркамер проводит исследование по формированию восточно-прусского дворянства, которое изложил в своей статье «Комтурство Кёнигсберг и формирование восточно-прусского дворянства (на примере рода Пербандт)».

«Когда в 1255 году орден пришел в Замланд, он нашел там маленькие деревеньки, в которых в добровольном сообществе жили по 5-10 крестьянских семей. Доорденская знать обосновывалась в крепостях, представлявших собой деревянно-земляные укрепленные сооружения. Орден зачастую именно в этих местах создавал свои административные центры (Кёнигсберг – одна из таких крепостей).

Замланд – самая важная часть будущего комтурства Кёнигсберг – выделялся в прусских землях плотностью населения (по одним расчётам плотность населения Замланда была 10 чел. на кв. км по другим – была выше, 15-16 чел. на кв. км.

Поэтому не удивительно, что в крепости Кёнигсберг, расположенной рядом с развивавшимися городами Альтштадт, Кнайпхоф и Лёбенихт, пребывал очень большой конвент, насчитывавший до 60 братьев. Наконец – вследствие переноса резиденции Великого магистра в 1309 году в Мариенбург – здесь обосновался орденский маршал. Первым засвидетельствованным в документах маршалом был Генрих фон Плоцке, занимавший эту должность в 1312-1320 годах.

Должность маршала была одной из тех в иерархии ордена, которые открывали путь к должности Великого магистра. После заключения 2-го Торнского мира (1466) маршал был отозван из Кёнигсберга, он появляется в замке Прейсиш-Эйлау. Позднее он был связан с замками Рагнит, Тильзит, Лабау.

Торговля, которую вел кёнигсбергский grosшэффер (глава торговой службы ордена «Гросшэфферай»), фигурирующий в документах, начиная с 1329 года способствовала экономическому развитию комтурства. В «Большой административной книге Немецкого ордена» (Das Große Ämterbuch des Deutschen Ordens) оборотный капитал «Гросшэфферай» в Кёнигсберге около 1400 года обозначен суммой в 30 000 марок. Особенно важную роль в торговле играл янтарь, который добывали, прежде всего, на замландском побережье.

Доходы от него окольными путями – а именно, через кассу grosшэффера – поступали к маршалу. Налоги с деревень, мельниц, трактиров по сравнению с другими большими комтурствами были скорее средними, если не ниже. Кроме того, прусские крестьяне 196 деревень в орденской части Замланда должны были отрабатывать барщину и платить натуральный оброк.

Хотя орден присутствовал в Замланде еще с 1255 года и понемногу раздавал грамоты на имения, только записи конца XIV – начала XV веков дают надежные сведения о комтурстве, так как восстания пруссов и еще недостаточно сформировавшаяся система управления не позволяют получить достоверные данные ранее этого времени.

В «Большой податной книге Немецкого ордена» за 1414-1422 годы в комтурство Кёнигсберг включались 8 камеральных амтов Замланда (Кремиттен, Каймен, Вальдау, Варген, Шаакен, Гермау, Побетен и Рудау), заботничества Тапиау, Инстербург, Велау и Гердауэн и, конечно же, три города рядом с крепостью Кёнигсберг. Подати с этих городов шли домашнему комтуру крепости Кёнигсберг; в грамотах на земельные имения его имя в ряду комтурских чиновников называется первым.

Основная деятельность по заселению Замланда почти совпадает с превращением комтурства в ведомство маршала; предыдущие попытки распространить управление на незаселенные области, как, например, основание комтурств Тапиау (1280), Лабиау (1288), Бартенштайн (1295) и Гердауэн (1315) были неудачными.

В 1326 году, после того как Генрихом Изенбергом, комтуром Кёнигсберга, был построен замок Гердауэн, границы этого административного округа были маркированы, а сам район отдан в ведомство маршала. В этом округе и

лесном амте Тапиау немецкое население обосновывалось с середины XIV века, при этом обширные территории отдавались также в руки пруссов, занимавшихся их заселением. Немецкие поселения имели в большинстве своем около 60 хуф, но могли быть и значительно меньше.

Названные районы осваивались заново, так как после покорения Пруссии они большей частью обезлюдели.

Количество немецких деревень, созданных в Замланде, из-за уже упоминавшейся плотности населения было, скорее, незначительным: в «Большой податной книге» за 1437 год зафиксированы 12 кульмских деревень. В рамках Большого обмера [земель], проводившегося в начале правления Конрада Юнгингена (1393-1407), было произведено широкомасштабное перераспределение земель в Замланде: меры площади были изменены (хакены переведены в хуфы), часть деревень объединили, земли перемеряли, при этом были найдены 436 хакенов излишков (соответствующих

4883 га). Сравнение с прежде закрепленными 1908 хагенами это показывает, что большие территории Замланда еще не были административно учтены.

В большинстве этих деревень наряду с немецкими крестьянами жили свободные пруссы, почти все они сами работали на полях, но имели личную свободу, за что были обязаны нести военную службу. Они составили важный для ордена слой населения, так как их можно было быстро мобилизовать, что гарантировало скорую защиту от литовцев.

Ко времени заключения 2-го Торнского мира (1466), завершившего Тринадцатилетнюю войну, Замланд

почти не испытал ущерба от войны. Определенных явлений, которые в Западной Пруссии привели к конфликту сословий с орденом, здесь просто не было в наличии. Города в этом районе за исключением трех городов Кёнигсберга были маленькими, скорее незначительными сельскими городишками, и не могли самостоятельно выступать против ордена. Свободные пруссы в Замланде находились под юрисдикцией ордена и не имели своих собственных судебных заседателей и судей.

Маркиан Пелех в исследовании о магистерских советниках в 1412 году показывает, что из 32 рыцарей (мелких дворян) трое были из Замланда (Амброзиус, Ханнос Лазарус и, вероятно, Зандер), при этом в это число вошли и епископские вассалы, и орденские; всего 5-8 из 32 рыцарей, полагает Пелех, были пруссами. Помимо Замланда они происходили из районов, где были сельские суды.

Хотя свободные пруссы в Замланде были удивительно лояльны к ордену, это не значит, что они остались при своих мелких имениях. К концу орденского периода некоторым семьям удалось перейти в дворянство. Это новое дворянство складывалось частью из получивших земельные владения наемников, частью из бывших членов ордена, частью (единичные случаи) из свободных пруссов.

В регистрах, составленных в 1540 году при сборе разового налога, средства от которого предполагалось направить на организацию обороны страны от нападения турок, значатся лица, однозначно обозначенные как дворяне из Замланда. Некоторые обстоятельства дают основание полагать, что дворянство в этой области – в отличие от Бальги и Бранденбурга, где более половины поместий находилось в

закладе – не столь сильно представлено бывшими наемниками и пришлыми дворянами. Анализ показал, однако, что только немногим более половины дворян были из Пруссии, в то время как 41% прибыл из-за пределов Пруссии (происхождение 3% дворян остается неясным, 11% – внутрипруссские мигранты). В амте Растенбург (современный город в Польше Кетцин) в закладе находились около 48 %, в комтурстве Бранденбург ровно 50 % и в амтах Бальга, Айзенберг, Пеллен (несуществующие ныне поселения в районе Хайлигенбайль, современного Мамоново) и Цинтен (посёлок Корнево Багратионовского района) даже 56 % всех податных хуф.

Районы Бальга, Бранденбург и Замланд в 1454 году отказали Великому магистру в повиновении, но уже со следующего года (после того как три города Кёнигсберга перешли на сторону ордена) северная Пруссия непрерывно находилась в руках ордена или глав отрядов наемников.

Каким образом некоторые из тех, кого прежде называли «свободными пруссами» (владели землей, данной им за службу, но не являвшейся леном), и которых создали как конкуренцию иностранным дворянам, смогли подняться по социальной лестнице и сохранить свое «дворянское» положение, в то время как большинство пруссов скорее спускалось вниз по социальной лестнице и вытеснялось из слоя землевладельцев. Этот процесс не мог осуществиться за немногие годы

молодого герцогства.

Исследователь К. Конрад рискнул дать «свободным пруссам» следующее определение: «Служебное имение не было леном в прямом смысле слова. Отсутствует

личная связь между сюзереном и ленником. Служба как натуральная повинность прилагалась к передаваемому имению, в отношении которого сюзерен сохранял свое главенствующее право собственности». В Кульмской грамоте (1233/1251) орден называл земельные имения «аллод», но делал два ограничения: аллод обременялся податью и службой сюзерену, продать его можно было только тому, кто платил подати, покупатель должен был принять аллод вновь из рук ордена. Вопреки правоустанавливающим источникам, каковыми являются Кульмская грамота и Крестбургский мир, в хрониках все чаще стало появляться понятие «нобиль»; так Петер из Дусбурга пишет даже, что не-дворяне могли получить дворянство за верную службу.

Понятие дворянина в Восточной Пруссии периода 1466 – 1525 годы в исследованиях не однозначно: скорее всего, его можно ассоциировать с понятиями «крупное землевладение» и «политическое право на сотрудничество или на сопротивление». Понятия в орденских источниках совершенно однозначны: там различают рыцарей, благородных и свободных. Понятие «дворянин» не фигурирует.

Ещё один исследователь орденского периода Л. Дралле уточняет: «Дворяне или, лучше сказать, благородные люди, ... в сохраненной после 1466 г. Восточной Пруссии были в численном отношении представлены хуже, чем в Западной Пруссии». Далее Дралле пишет о свободных пруссах: «Группа свободных пруссов в имеющихся источниках представлена размыто и неясно». Каким образом служебные

имения в орденских землях передавались благородным людям или свободным, установить по грамотам не всегда возможно; прежде всего, в восточных областях, где проживали преимущественно мазовчане, в начале XVI века был поднят вопрос о том, можно ли свободных – как их называли орденские чиновники – обременять барщиной или они, как и дворяне, должны быть от нее освобождены. Это отчетливо демонстрирует путаницу в понятиях. На тот период, который исследовал Л. Дралле, он не нашел подтверждений того, что предпринимались попытки ограничить количество свободных или ухудшить их правовое положение.

Вальтер фон Б. Йениг о предводителях наемников говорит следующее: «Из прусских рыцарей (незнатные дворяне) и мелкопоместных свободных пруссов сформировалось сельское дворянство, в руках которого оказалась значительная часть земель, прежде принадлежавших земельному правителю». Г. Михельс обозначил крупнопоместных свободных пруссов как «землевладельцев», но при этом речь идет о крупных имениях свободных, которые «все же не являются ленами. Владельцы платили... налог, который являлся признанием права собственности ордена». Владельцы служебных имений, таким образом, не были дворянами. Но образ их жизни был таким же, как у дворян. Они были обязаны нести военную

службу, имели зависимых крестьян, как дворяне.

Лучше всего проблема терминологии и вопрос о том, как свободные пруссы становились дворянам, проясняются следующим примером.

Амброзиус (или Броз) Пербандт (годы жизни предположительно около 1440 – 1502) – это дедушка Себастьяна Пербандта, который в регистре «турецкого налога» значится как дворянин в камеральном амте Кремиттен (посёлок Лозовое Гвардейского района), расположенном близ Велау.

Амброзиус Пербандт значился в числе советников Великого магистра и был женат на Анне Прёкк фон дер Лаут. Его отцом был Матиас фон Виндекайм по прозвищу Пербандт, его сына звали Альбрехтом (родился около 1480 г.). Последний имел с Анной Роберзее троих сыновей. Старшим из них был Себастьян Пербандт, его имения располагались в Рагните и Кремиттене, он был женат на Доротее Лесгеванг, умер 22 июля 1579 г.

Всеми имениями Себастьяна владел уже Броз Пербандт. Процесс формирования этого комплекса имений очень интересен и замечательным образом иллюстрирует ход заселения Замланда».

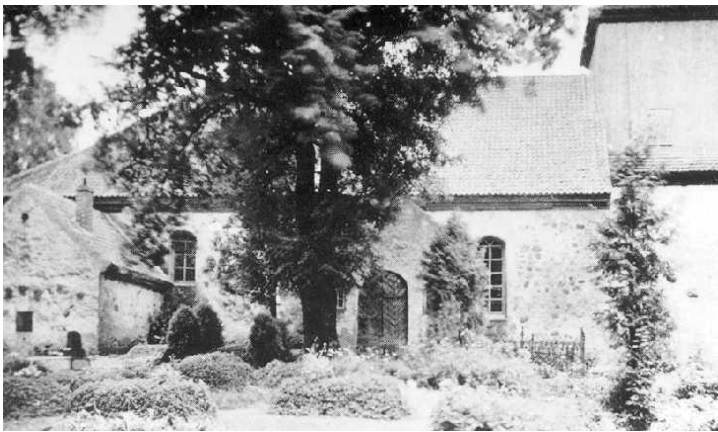

17. Посёлок Красный Бор Гвардейского района, бывший Штанкерберг (Starkenberg).

Двигаясь от знакомого нам Капкейма, посёлка Вишнёвое с барочным видом спецучреждения, в сторону Гвардейска, нужно повернуть вправо от Тумановки, чтобы попасть в одно из девяти крупных поселений крайса Велау с собственным церковным приходом.

Штаркенберг получил грамоту 26 декабря 1397 года от маршала Ордена Вернера фон Тетингена.

Другое послание включает передачу гроссмейстера Ганса фон Тифена в 1495 году, обновив грамоту столетней давности.

Населённый пункт был основан до 1400 года, а заселен в 1404 году. Вполне возможно, что изначально в Штанкеберге существовал замок, о разрушении которого говорится в одном

из документов от 1742 года.

Впервые в 1547 году был официально зарегистрирован для Штаркенберга евангелический священнослужитель. Покровителем церкви была названа Семья фон Дросте, которая завершила свой род в 1832 году.

Приходская кирха 15 века сложена из валунов с кирпичными углами без хоров. В 1779 году была перестроена обновлена. Верхняя часть башни конца 17 века была деревянной и красовалась вплоть до 2013 года, в 2018 году единственной в области оставшейся целой деревянной части башни кирхи не стало...

Когда-то на башне был установлен флюгер с датой 1692 года, был притвор

и ризница с севера. Окна в полукруглых арках. Алтарь 1699 г.

В 1692 году владельцем Штаркенберга был верховный полковой советник и обербургграф Георг Кристоф фон Финк.

Особенностью деревни Штаркенберга являлось наличие большого количества не очень характерных для Восточной Пруссии домов с обращенными на улицу фронтонами и крытыми верандами на торцевой стороне. В соседних деревнях известны лишь отдельные примеры подобных строений.

Они возводились из глины, обожженного кирпича и дерева.

Необычно было видеть островерхую кровлю конезаводов и угловых беседок, которые были случайными в соседних деревнях. Жить в таких домах было не очень комфортно.

На месте старой, открывшейся около 1830 года школы, в которой могли обучаться до 70 человек, в 1937 году построили новую. В ней находились два кабинета для занятий, кухня, душевые, купальни и три служебных жилых помещения для преподавателей. После Второй мировой войны здание было снесено.

В Штракенберге располагалась помещичья усадьба семейства фон Шрёдер (von Schroeder). По слухам, хозяин поместья погиб на войне или же покончил жизнь самоубийством при приближении Красной Армии.

Церковь 15-го века пережила вторую мировую войну нетронутой и служила складом примерно до 1982 года. После того, как склад перевели, кирха была заброшена. В 1985 году рухнула крыша. Состояние кирхи на 1999 год: практически целая башня, вход – с юга, стены кирхи без крыши. Притвор разрушен, ризница – наполовину. Сейчас кирха пришла в запустение, как и деревня – на 1990 год проживало 13 человек.

18. Паломники.

ВООРУЖЁННОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО В ПРУССКИЕ ЗЕМЛИ В XIII В.

А.С. НОВИКОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Калининградского областного историко-художественного музея. аспирант Российского государственного университета им. И. Канта

Одной из характерных черт средневековья является паломничество к «святым местам», понимаемое как символический путь к богу. С XII в. одно из его направлений приобрело вооружённый характер и стало осмысляться как форма крестового похода для борьбы с «неверными». С началом экспансии в Прибалтику идея вооружённого паломничества была распространена и на эти земли. В булле Григория IX от 27 февраля 1233 г. упоминалось, что польские князья используют в усобицах как «русских и иных врагов католической веры», так и «сарацин» (sarracenos), под которыми понимались балты. Подобные представления позволили органически распространить концепцию крестового похода на Прибалтику.

Первоначально крестоносцы направились в Ливонию. Генрих Латвийский утверждал, что папа, «назначая пилигримство в Ливонию с полным отпущением грехов, приравнял его к пути в Иерусалим». Но в булле от 5 октября 1199 г. Иннокентий III говорит лишь о том, что «все те, кто отправится для защиты церкви Ливонии и христиан, находящихся в этой области», «будут приняты под защиту нашу и святого Петра», поэтому о полном приравнивании говорить нельзя. Петр из Дусбурга отметил, что римские папы предоставили «пилигримам, посещающим Пруссию и Ливонию, привилегии и индульгенции, как давались они идущим в Иерусалим».

Действительно, уже самым первым документом, связанным с крестовыми походами в Пруссию, буллой Гонория III от 3 марта 1217 г., епископу Пруссии было предоставлено право «отметить знаком креста, как это обычно принято [для тех], кто принимают на себя знак креста, чтобы отправиться в помощь Святой земле, также как и тех, кто что-либо выплачивают для этого из своего [имущества], либо оказывают иную помощь по своим возможностям» и «предоставлять отпущение грехов, подобно как предоставляют отправляющимся [в Иерусалим] «христиан соседних [с Пруссией]

областей», которые пожелают оказать помощь новообращённым в Пруссии, «отправившись в военный поход против тех языческих варваров». Таким образом, с самого начала вооружённое паломничество в Пруссию было, в отличие от ливонского, приравнено к аналогичному мероприятию для Святой земли. Тем самым оно приобретало такую же высокую степень священной значимости, как и паломничество в Иерусалим, считавшийся центром христианского мира. По общему правилу, установленному ещё в 1096 г. Урбаном II, крестоносцу отпускались все грехи, а его имущество передавалось под защиту папы. В свою очередь обычай отпущения грехов «как для Пруссии и Ливонии» стал образцом для других крестоносцев, действовавших в Восточной Европе – например, боровшихся с монголами.

В булле Гонория III от 3 марта 1217 г. речь идёт о тех, «кто примет знак креста». О «крестоносцах» (crucesignatis) для Пруссии впервые упоминается в булле от 16 мая 1218 г. 10 В 1219 г. епископ Шверина Брунварт указал, что «отправляется в паломничество (peregrinaturi) в Пруссию». В феврале 1236 г. польский князь Болеслав Одонич предоставил свободу от таможенных сборов «направляющимся в Пруссию» «крестоносцам – пилигримам» (crucesignati peregrini), а в марте 1243 г. эта привилегия была подтверждена его сыновьями для «пилигримов, или крестоносцев». При этом в

орденских хрониках понятия «крестоносец» и «пилигрим» являлись синонимами и могли употребляться одно вместо другого. В 1243 г. Иннокентий поручил

доминиканцам наблюдать, чтобы в отношении следующих по их призыву в Пруссию и Ливонию крестоносцев не допускалось «какого-либо ненадлежащего притеснения». Александр IV буллой от 10 марта 1260 г. указал архиепископам и епископам в местностях, где проповедуется крест для Ливонии и Пруссии наблюдать, чтобы крестоносцы были «освобождены от недопустимых поборов» и пригрозить виновным церковными наказаниями.

При периодизации покорения Пруссии часто используют концепцию X. Крельманна, который выделил для этого периода «10 – 12 больших крестовых походов наряду с многими малыми предприятиями в эпоху завоевательной борьбы», том числе походы 1233, 1236, 1240, 1246, 1255 гг. Однако критерием здесь должен быть не только размер используемых для похода сил, но и его идеологическая основа. В булле 1245 г.

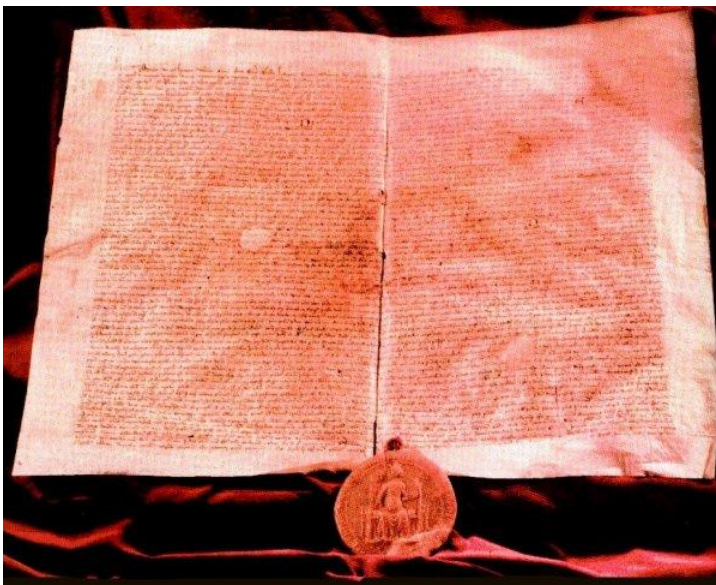
для архиепископа Майнца речь шла о крестоносцах, которые пожелают отправиться против пруссов «без публичной проповеди». Хотя подобная клаузула позволяла провозгласить постоянный крестовый поход в Пруссию, римская курия была вынуждена периодически повторять призывы к нему. Всё же в целом можно говорить о перманентном крестоносном движении «в помощь Пруссии и Ливонии», существовавшем примерно до 70-х гг. XIII в.

Первоначально вооружённое паломничество в Пруссию было поставлено папством в прямую зависимость от ситуации в Палестине. В апреле 1217 г. Гонорий III освободил «от паломничества в Иерусалим» «всех крестоносцев [из] по крайней мере обоих польских княжеств, которые более [всего] соседят [с] язычниками», обязав их сражаться против последних. Это был период пятого крестового похода (1217 – 1221 гг.), и курия считала более правильным сосредоточить все силы в Святой земле. Адресатом первых булл о крестовом походе для Пруссии выступает епископ Христиан, однако особое значение «проповедь креста» для Пруссии приобрела лишь с начала 30-х гг. XIII в., после того, как к покорению прусских земель приступил Тевтонский орден. Его

численность была такова, что он просто не мог вести систематическое покорение прусских земель без постоянной помощи извне. Её могли предоставить только «множество пилигримов, которые постоянно стекались из пределов Алемании проповедью Святого креста». Плацдарм, захваченный в ходе вторжения в прусские земли объединённого ордено-крестоносного войска, удерживался постройкой здесь системы укреплений до следующего вторжения, расширявшего сферу влияния Ордена. Поэтому проблема обеспечения непрерывного притока пилигримов в Прибалтику представляла для Ордена исключительную важность. Не случайно один из кораблей, снаряжённых Генрихом Мессейнским в 1238 г. для борьбы с пруссами, получил название «Пилигрим».

Тевтонский орден сумел представить себя главным центром сосредоточения сил для борьбы за «дело креста» в Прибалтике (что в значительной степени означало немецкую экспансию), и прибывшие сюда крестоносцы оказывались под его сюзеренитетом. Им предписывалось «непосредственно следовать совету» рыцарей Ордена (булла от 9 сентября 1234 г.), и подобные приказы неоднократно (в 1243, 1254, 1258 и 1260 гг.) повторялись. Иногда крестоносцы подчинялись лицу,

заменившего легата папы в прусских землях (Опизо из Мессены и Якобу из Люттиха).

Впервые упомянула о Тевтонском ордене, который Конрад Мазовецкий «пригласил в свою землю для помощи христианам» против «язычников пруссов», булла Григория IX от 17 сентября 1230 г. Она определила условие получения отпущения грехов «как отправляющимся в помощь Святой земле» для тех крестоносцев, которые «будут служить в течение одного года» в Пруссии, либо «послужат своими средствами».

Эта же булла предоставила право проповеди креста для Пруссии и Ливонии ордену доминиканцев. Другой буллой этого же папы «те, кто неподобающим образом противопоставят себя им», препятствуя проповеди, должны были подвергаться экскоммуникации. Эта монополия была нарушена в

августе 1256 г., когда Александр IV поручил францисканцам проповедовать крестовый поход не как обычно против пруссов, а против литовцев и ятвягов (в январе 1257 г. – против «литовцев, ятвягов и иных язычников и схизматиков»). Это было связано с политикой польских князей, оппозиционных Тевтонскому ордену. Добившись передачи проповеди францисканцам, они попытались поставить принявших обет для борьбы с пруссами пилигримов под свой контроль и использовать их для реализации своих политических планов. Когда эти планы потерпели крах, в августе 1257 г. было ещё раз подчёркнуто, что крест для Пруссии может проповедоваться только с согласия Тевтонского ордена и не во вред ему. Вновь право проповедовать крест для Пруссии минориты получили лишь в 1260 г. Тогда же подобное право было предоставлено и братьям-священникам Тевтонского ордена.

Для пропаганды паломничества в Пруссию характерен эпизод, когда один рыцарь из Вестфалии отправился туда, поскольку «слышал в одной проповеди епископа, что души христиан, убитых в Пруссии, должны вознестись на небо, минуя чистилище». Для католика, обременённого грехами, возможность для души избежать чистилища имела большое значение.

Отличительным признаком крестоносца был знак креста на одежде.

Известно, что в 1209 г. воевавшие с альбигойцами крестоносцы нашивали кресты на правой стороне груди, в отличие от тех, кто собирался в Палестину и нашивал кресты на плащах. О нечто подобном (если, конечно, это не идиома) сообщает Петр из Дусбурга, согласно которому в 1232 г. пилигримы отправлялись в Пруссию, «прикрепив крест к плечам своим».

Географический ареал «проповеди креста» для Пруссии и Ливонии уже с 1218 г. включал в себя «Тевтонию» (немецкие земли), Чехию, Моравию, «Дакию» (земли Дании, Швеции и Норвегии), Польшу и Померанию. К началу 40-х гг. XIII в. он охватывал практически все немецкие, чешские, польские и скандинавские земли (булла от 23 сентября 1243 г.). В отличие от выходцев из французских земель, которые обычно отправлялись в Палестину, для выходцев из немецких земель в XIII в. стало традиционным паломничество в Пруссию и Ливонию. Так, количество известных по имени пилигримов из нижней Саксонии, направлявшихся на Восток и в Ливонию, соотносится друг с другом как 1 : 335.

Как правило, обет совершить крестовый поход мог быть выкуплен. В одной из булл 1249 г. речь идёт о выкупе обетов «крестоносцев Алемании в помощь Пруссии и

Ливонии», что к этому времени должно было стать обычной практикой. Запрет выкупа обета вводился в особых случаях (например, в 1257 г.), очевидно, когда стремились максимально увеличить число крестоносцев. В 1261 и 1265 гг. было окончательно закреплено правило, согласно которому деньги от выкупа не могли собираться и удерживаться без согласия Тевтонского ордена.

Для прусских земель известны случаи и такого распространённого в средневековье явления, как паломничество по завещанию. В июне 1262 г. маршал Петер Вохо фон Розенберг назначил в своём завещании «тридцать марок серебра... тому человеку, который отправится в Пруссию за мою душу». Эта сумма была вполне достаточной для подобного мероприятия: отправлявшийся в

Ливонию пилигрим нуждался в 10 марках, в то время как паломничество в Иерусалим обходилось в 20 марок. В 1267 г. ростокский бюргер Лутберт завещал своему сыну Иоганну корабль, если он «сам добровольно как можно быстрее отправится в Ливонию либо Пруссию во искупление грехов того Лутберта... а если не пожелает, корабль продадут и назначат другого в Ливонию либо Пруссию».

Как и в Святой земле, средний срок пребывания крестоносца в прусских землях составлял один год. «В течение года» находился в Пруссии бургграф Бурхард Магдебургский. Известно о крестоносце, который умер по дороге домой, «пробыв год в земле Прусской», а Оттон Брауншвейгский отправился из Пруссии домой «по истечении года и выполнив обет паломничества своего». Правда, буллой Гонория III от 16 апреля 1217 г. отпущение грехов «как направляющимся в Иерусалим» предоставлялось крестоносцам, боровшимся против пруссов «в течение трёх лет», но данный экстраординарный срок связан с решениями Латеранского собора 1215 г., установившего такой срок для всех крестоносцев.

Буллой от 17 сентября 1230 г. для крестоносцев в Пруссии был установлен обычный для Палестины срок – «в течение одного года».

Данные, характеризующие численность крестоносцев, фрагментарны.

Маркграф Мейсена Генрих «прибыл в Пруссию и привёл с собой пятьсот знатных со многими оруженосцами». В 1239 г. Оттон Брауншвейгский прибыл в Пруссию «с огромным множеством пилигримов». В 1244 г. герцог Австрии Фридрих II «выслал 30 конных лучников».

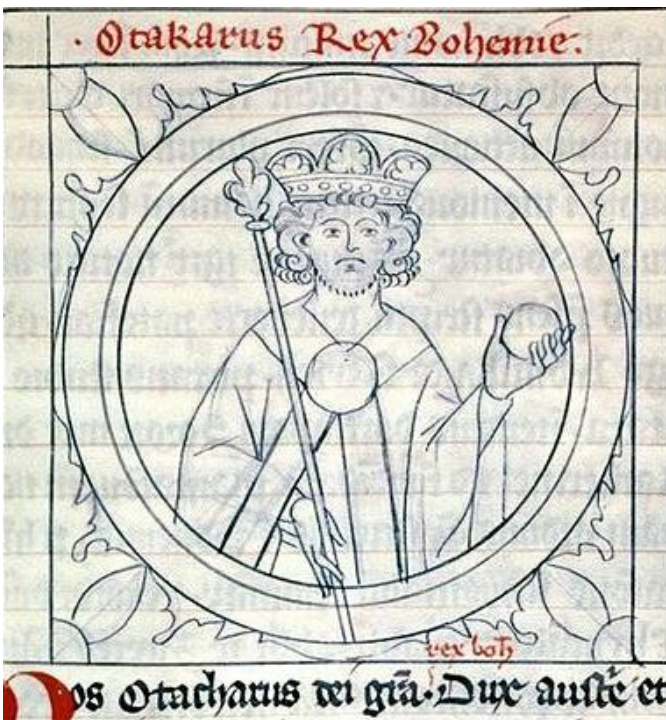
В булле от 7 мая 1245 г. Иннокентия IV говорится о «старых рыцарях Германии», которые, приняв «знаки креста, намереваются отправиться в помощь вере в Пруссии». Неоднократно для обозначения количества пилигримов используется общая фраза «множество рыцарей».

Примером разногласия источников может служить поход 1255 г., когда Петр из Дусбурга говорит о «более 60 тысяч рыцарей», «Хроника Оливского монастыря» о «более пятидесяти тысяч» человек, а современные исследователи считают возможным снизить это число не менее чем в 10 раз. В итоге приходится согласиться с хронистом, что многие замки в Пруссии «построили знать и феодалы, которые из пределов Алемании со всем своим домом и челядью и домочадцами пришли на помощь упомянутой земле; имена их один бог ведает».

В среднем ежегодно в Пруссию прибывало несколько сотен пилигримов.

Известные нам крестоносцы происходили в основном из нижних слоев немецкого рыцарства (министерялов), преимущественно саксонских. Поименно нам известны

лишь представители знати – 24 человека и отдельные крестоносцы.

Наиболее выдающимся среди них был, несомненно, чешский король Отакар II Пршемысл. В 60-е гг. XIII в. курия призывала совершить поход в Прибалтику также французского короля Людовика IX, но он предпочёл отправиться в Святую землю, где и погиб. В крестовых походах на Восток погиб каждый четвёртый известный поименно пилигрим из Саксонии, реальные же потери были выше.

Надо полагать, паломничество в Пруссию поглотило не меньше жизней.

Немецкая знать не всегда отправлялась в поход именно в Пруссию, но в XIII в. примеры этому единичны. В феврале 1232 г. баварский граф Альберт фон Боген откликнулся на призыв папы и «взял крест», намереваясь отправиться на помощь верующим в пограничье Пруссии, но вместо этого в 1234 г. отправился в Палестину. Пример длительных связей с прусскими землями даёт род тюрингинских маркграфов. Одним из первых немецких князей,

совершивших поход в Пруссию для помощи Ордену, стал в 1238 г. маркграф Генрих Мейссенский. Осенью – зимой 1265 – 1266 гг. в прусские земли отправился маркграф Тюрингии Альбрехт Бастард Мессейнский и Альбрехт I Брауншвейг – Люнебургский, к которым чуть позднее присоединился дядя последнего Оттон III Бранденбургский. В 1272 г. в Пруссию прибыл маркграф Тюрингии Дитрих фон Ландсберг, сын Генриха и брат Альбрехта Мессейнского.

В Пруссии пилигримы могли привлекаться для сооружения «построек, рвов, а также иных укреплений», а в перерывах между военными действиями против пруссов выполнять хозяйственные работы в замках Ордена. В 1235 г. легат Вильгельм из Модены предоставил «те же отпущения грехов, что имеют находящиеся в Пруссии» тем, кто «отмечен нами знаком креста» и «служат» «при братьях дома св. Марии Тевтон[ской] в Кульмской земле и Куявии». Ими могли быть в первую очередь те пилигримы, которые из-за болезни не могли участвовать в военных экспедициях Ордена.

Уже в 1218 г. папа призвал крестоносцев в Пруссии не искать личных выгод, а содействовать укреплению здесь христианской веры. Однако из-за специфики контингента крестоносцев эти призывы вряд ли были услышаны. Буллой от 3 февраля 1232 г. для Пруссии разрешалось освобождать от «оков отлучения» тех, кто «поджогами и наложением рук осуществлял насилие». Также Иннокентий IV буллой от 1 февраля 1245 г. разрешил снимать отлучение с крестоносцев, как духовных, так и светских лиц, которые были подвергнуты ему из-за насилий против духовенства, поджога и разграбления церквей, если они

возместили ущерб и их проступок не является очень большим.

Отношения между пилигримами были весьма далеки от товарищеских.

В 1255 г. в Эльбинге «между одним человеком из Саксонии и другим из Австрии на одной мельнице разгорелся такой спор о том, кому из них первому молоть, что не только рыцари и пехотинцы, но и король [Отакар II Пршемьсл] и другие правители взялись за оружие». Подобные инциденты должны были быть обычным явлением.

К началу 60-х гг. XIII в. наступил кризис в крестоносном движении для Пруссии и Ливонии, что стало частным проявлением кризиса крестоносной идеологии в целом. Большое количество булл с призывом к крестовому походу для Пруссии и Ливонии, изданных в 1260 – 1265 гг., красноречиво свидетельствует о том, что среди широких масс населения эта идея уже не пользовалась популярностью. Кроме того, на проповедь креста для Пруссии серьезно влияла необходимость проповеди креста для Палестины, а

также против монгол и куманов. Последняя булла о проповеди креста для Пруссии была издана 15 мая 1265 г.

После похода Дитриха фон Ландсберга «пилигримы из Алемании по внушению Господнему снова начали посещать Прусскую землю» лишь в 1304 г., но это уже был один из «пруссских походов» европейской знати, являвшихся светским мероприятием. Прежнее паломничество, в основе которого лежали религиозные мотивы, ушло в прошлое вместе с эпохой крестовых походов.

В результате на территории Алемании в начале X века возникло герцогство Швабия.

19. Яков

Имя Яков (Иаков) – это библейское имя, в буквальном переводе с иврита означает «следующий по пятам». Согласно Библии Яков был близнецом Исавы и родился вслед за ним, держась за пятку своего старшего брата. Иаков почитается в иудаизме, христианстве и исламе.

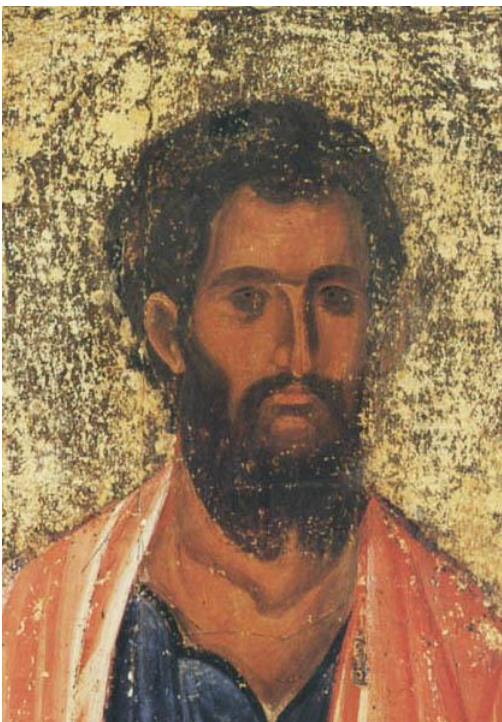
Святой Иаков (епископ) был сыном Иосифа Обручника от его первой жены и потому в Евангелии называется братом Господним. Согласно преданию, Господь Иисус Христос явился ему после Своего воскресения и поставил его епископом Иерусалимской церкви.

Значение Святого Иакова еще более укрепляла его подвижническая жизнь. Он был строгий девственник, не пил ни вина, ни других спиртных напитков, воздерживался от мяса, носил одежду только льняную.

Имел он обыкновение уединяться для молитвы в храме и там коленопреклонно молился о своем народе. Он так часто простирался на землю в молитве, что кожа на коленях его огрубела.

Служение Святого Иакова было трудное: среди множества самых ярых врагов христианства. Но он поступал с таким благоразумием и справедливостью, что его уважали не только христиане, но и иудеи, и называли опорой народа и праведником. Пребывая в должности Иерусалимского епископа около 30 лет, он распространил и утвердил святую веру в Иерусалиме и во всей Палестине. Видя такое влияние епископа, иудейские начальники стали опасаться, как бы весь народ не обратился ко Христу, и решили воспользоваться моментом отсутствия прокурора для того, чтобы или склонить Иакова к отречению от Христа, или умертвить его.

Именно Иакову принадлежат слова: «Господи, прости их! Они не ведают, что творят», - которые он произносит перед смертельным ударом по голове.

Апостол Иаков (Зеведеев, Иаков Старший) — один из двенадцати апостолов, ближайших учеников Иисуса Христа; единственный апостол, чья смерть описана в Новом Завете. Был родом из бедной семьи рыбака, сыном Заведеев, который жил и работал в Галилеи, и у которого был еще один сын, младший брат Апостола Иакова Иоанн Богослов. Апостол Иаков был одним из ближайших учеников Христа и свидетелем нескольких особых событий при Его жизни, таких как, Преображение Христа на горе Табор, Его Воскресения, а также Явления Христа ученикам по Его воскресении на реке Тверия.

Апостол Иаков по воскресении Христа, отправился проповедовать в земли Галлеции, нынешней Галисии на территории Испании. Земли Галисии – единственное место, где Апостол побывал при жизни и куда «вернулся» после своей смерти. После своего проповедования в землях на реке Улиа, он вернулся в Иерусалим, где в 44 году был казнен по приказу императора Ирода Агриппы. Святой Иаков стал первым апостолом, который принял смерть за христианскую веру.

После смерти Святого Иакова, другие апостолы, получив отказ императора похоронить его, решили бежать с телом Апостола обратно в Галисию, где в земле Ириа Флавия (Iria Flavia) в лесу Либерум Донум (Liberum Donum), они решают построить гробницу и спрятать тело Апостола Иакова. Так родилась легенда и было положено начало паломничества. В испанской традиции именуется Сантьяго и «мавроборец».

Святой апостол Иаков Алфеев (Иаков младший) был сыном Алфея и братом апостола и евангелиста Матфея, прежде бывшего мытарем. Следует отличать его от Иакова Зеведеева (Иакова старшего) и Иакова Праведного, одного из 70-ти апостолов, первого епископа Иерусалима. «Иаков стал одним из числа двенадцати апостолов, самовидцем и слугою Христовым, проповедником Его тайн и Его последователем.

Приняв с другими апостолами Духа Святого, сошедшего на них в огненных языках, он отправился к язычникам проповедовать Христа и наставлять заблудших на путь спасения. Разжегшись огнем ревности Божественной, он попалял терния безбожия, сокрушал идолов, храмы их разорял, врачевал различные недуги, отгонял от людей духов лукавых и многое множество людей привел к Христу, чрез что приобрел себе и новое имя: «семя Божественное».

Ибо он насеял в сердцах человеческих Божие слово, насадил веру и возрастил благочестие: ради сего он и был наименован Божественным семенем.

Обходя многие страны, он сеял семя небесное, собирал жатву спасения человеческого и окончил земное течение свое Христовыми стопами: будучи подражателем Христовых страданий, он предал дух Богу пригвожденным на кресте.

И было собрано сие Божественное семя, святой Иаков, с плодами, принесенными сторицею, в небесную житницу; там, насыщаясь сам видением лица Божия, он и для нас ходатайствует своими молитвами о том же насыщении». Из «Жития святых по изложению свт. Димитрия Ростовского».

Святого Иакова, который совершил дальнее странствие, считали покровителем паломников. В искусстве он предстает то в образе путника в украшенной ракушками шляпе, с посохом и сумой, то как апостол в тоге и со свитком среди поклоняющихся богомольцев. Из уст в уста передавали рассказы о чудесах, творимых святым.

Иаков – духовный вдохновитель Реконкисты (Reconquista — отвоёвывание) – покровительствовал и рыцарям в крестовых походах за Пиренеи. Рассказывали, что апостол на белом коне появлялся во главе крестоносных ополчений, поражая неверных. Иакова чтили и как врачевателя. Подобно евангельским

волхам, ведомым звездой, кочевавшие паломники ориентировались по Млечному пути – «дороге святого Иакова». Согласно народному поверью, святой начертал его в небе, чтобы указать направление Карлу Великому в походе против сарацин.

В XII веке был составлен путеводитель для паломников, в котором находили полезные сведения о том, сколько требуется денег для путешествия, какие реки они пересекут и где вода пригодна для питья, информацию о климате, обычаях и нравах местных жителей, о художественных богатствах лежащих на их пути церквей, многие из которых ныне утрачены.

Церковь Святого Якоба в Велау посещали паломники в Прусские земли. Считалось обязательным поклониться своему защитнику от бед, помогавшему преодолевать большие расстояния. Католический Орден строил церкви и освящал именами своих покровителей, особенно чтит имя Святого Иакова – попечителя странников. Внешне это были скромные строения, но обязательно с отличительной деталью, как, например, у церкви в Велау – легкоузнаваемой башней.

С завоеванием Орденом Пруссии началось насильственное обращение в христианскую веру местного населения, в результате которого, по словам Э. Лависса, «весь этот народ пал жертвою католической цивилизации, оставив о себе только имя, присвоенное его победителем».

20. РЫЦАРИ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА И ИХ ОБРАЗ В ХРОНИКЕ ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА

Работа Алисы Мазурик, сотрудника Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории, кафедры истории средних веков, где в основном источнике по истории Тевтонского ордена – Хронике Земли Прусской, автором рассматривается образ рыцарства. А. Мазурик анализирует, какими видит рыцарей хронист, как он их оценивает и при помощи чего создаёт их образ.

На основе сопоставления цитат Хроники и Библии выявлена идеологическая составляющая данного памятника средневековой литературы, типичная для классического средневековья.

«Хроника Земли Прусской», или Хроника Петра из Дусбурга, – основной источник по ранней истории Тевтонского ордена, повествующий о завоевании Орденом Восточной Пруссии в XIII веке. Долгое время исследователи выбирали из нее лишь те факты, которые имели точную локализацию и датировку, использовали этнографические материалы. Сравнительно недавно в хронике начали видеть духовный памятник эпохи, отражение мировоззрения – типичного и нетипичного для классического средневековья. Средневековые хроники – это шифр сознания, или код, информация для реконструкции образа мысли средневекового человека, а не только собрание фактического материала. В первую очередь, летопись является

памятником исторической мысли.

В эпоху Просвещения к Ордену, как к пережитку Средних веков, относились крайне негативно, Тевтонский орден представляли воплощением всего дурного, что было в том времени. Например, в 1797 году историк из Кенигсберга Л. фон Бачко выразил свое мнение так:

«Удовольствие от созерцания замков исчезнет у знатока прусской истории при мысли о том, что эти груды камней сложили несчастные рабы... и что эти несчастные повинны только в том, что веровали в те незримые существа, от которых зависела их жизнь и которым они желали служить в своих рощах, а не по велению Немецкого ордена в храмах» Бачко негативно относился к тому, что Орден поработил местное прусское население и не принял их религию. В эпоху Просвещения происходило обмирщение сознания, а потому для историка не существовало разницы между язычеством и христианством. Он оценивал деятельность Ордена крайне негативно.

Но стоило смениться эпохе, как отношение к рыцарям стало иным. С наступлением эры Наполеона, эры чужеземного владычества и борьбы с ним, с началом освободительной борьбы отношение к Ордену, безусловно поменялось. Рыцари теперь не только не считались жестокими, они стали восприниматься как образец, причем не только в военном отношении. Государство ордена оценивалось положительно, поскольку, благодаря наличию принципиальных устоев, в нём видели воплощение государственной идеи. Существовало мнение, что между Пруссией прошлой и настоящей есть определенные параллели - именно из-за этого убеждения и появляется такая награда, как «Железный крест», являющаяся почти полной копией символа средневекового Тевтонского ордена.

В это же время исследователи наконец обращают внимание на изучение хроник, анналов, рукописей, правовых документов. Основываясь на материалах Кенигсбергского архива, Й. Фойгт издал значительное количество источников, а также обстоятельное описание истории Пруссии с древнейших времен до 1525 года. Его исследование в девяти томах «История Пруссии» («Geschichte Preussens - von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens»), несмотря на почти двухвековой возраст, практически не устарело. После него история Пруссии никогда не излагалась настолько полно. Сегодня эта книга – классика; она предоставляет ответы на многие вопросы, являясь не только полноценным исследованием,

но источником, демонстрирующим взгляды историков на деятельность Ордена в начале XIX века. Фойгт восхищенно относился к Ордену и активно критиковал исследователей-предшественников.

Уже во второй половине XIX века отношение к Ордену опять меняется, что мы можем увидеть на примере рецензии Г. фон Трейчке на первый том собрания «Писателей прусской истории» («Scriptores rerum Prussicarum»). В этой работе не очень много места отведено истории Ордена, в своем эссе под названием «Пруссия, земля Немецкого ордена» («Das deutsche Ordensland Preussen») г. фон Трейчке полностью ушел от идей Просвещения, а особое внимание уделил «агрессивному национализму». Он писал, что в Немецком ордене «нашло воплощение развитие немецкого характера, который редко понимают правильно – агрессивная сила и властная, беспощадная жесткость», и его оценка ордена исключительно положительная.

Именно с этого времени и до конца Второй мировой войны Немецкий орден в Германии воспринимался с позиции Трейчке. А в 1933 году, в связи с приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера и началом активной деятельности Национал-социалистической демократической партии, отношение к Ордену стало еще более позитивным. НСДАП даже организовала учебные организации, так называемые «Академии фюрера», которые также называли «орденскими замками», где обучались высокопоставленные функционеры. Орден виделся НСДАП как объединение основателей государства, завоевателей жизненного пространства, борцов за чистоту немецкого характера и врагов славян.

После падения Третьего рейха ситуация опять кардинально изменилась. Это можно видеть на примере труда Х. Бокмана «Немецкий орден: Двенадцать глав его истории».

Автор старается быть максимально непредвзятым, из его произведения исчезает всяческий национализм. Его монография объективна и дает независимую оценку Ордену и его деятельности. Вместе с тем Х. Бокман крайне негативно относится к работам эпохи Третьего рейха.

Теперь обратимся к Хронике Петра из Дусбурга и посмотрим, каким было отношение хрониста к своим героям. Хроника написана в 1326 году, спустя приблизительно сто лет с момента вторжения Ордена на земли Пруссии. В данном памятнике освещена картина исторических событий XIII — первой четверти XIV веков и предложено их осмысление с позиций крестоносца-завоевателя. Хроника написана на

латыни, впоследствии была переведена на средневерхненемецкий язык.

О самом хронисте почти ничего неизвестно. Из послания магистру Вернеру фон Орлзену мы узнаем, что он был орденским священником, остальные сведения о нем — лишь гипотезы. Неизвестно и место создания хроники: среди предполагаемых городов называют Кенигсберг, Мариенбург, город Раганита.

Единственное, что можно утверждать точно, — «Хроника Земли Прусской» представляет для исследователей ценный материал о самовосприятии Ордена в XIV веке.

Рассмотрим рыцарство Ордена сквозь призму библейских сюжетов, цитат и вставок, которые неоднократно используются автором Хроники на протяжении всего текста. Сам текст разделен на 4 части, и количество задействованных библейских сюжетов напрямую зависит от того, чему посвящена та или иная часть повествования. Первая часть,

посвященная образованию Ордена и его пребыванию в Палестине, содержит всего 23 таких упоминания, вторая — о начале похода в Пруссию — уже 119, хотя она не сильно отличается размерами от первой. Третья — «О войнах братьев Тевтонского ордена с язычниками пруссами» включает в себя уже 136 «отсылок» к Библии, четвертая,

описывающая уже не завоевания духовно-рыцарского братства, а события мировой истории, – всего 11.

Можно проследить следующие тенденции. В третьей главе, где содержится больше всего информации непосредственно о борьбе рыцарей с язычниками, встречается большее количество упоминаний библейских сюжетов. В четвертой, где содержится сухая фактология, отсылки к Библии встречаются лишь в тех главах, которые посвящены военным событиям на Святой Земле.

Таким образом, напрашивается очевидный вывод – библейский материал автором привлекается по большей части для повествования

непосредственно о событиях милитаристского характера и для описания воинства Ордена. Военные события автором рассматриваются как борьба не столько материальная, которая ведется за ресурсы и землю, сколько идеологическая, духовная, война за веру и церковь. Восприятие и оценка рыцарей основываются на этом факте: для хрониста они, в первую очередь, святые мученики, но никак не воины и завоеватели, что идет вразрез с восприятием Ордена в последующих эпохах.

Наш анализ начнется с пролога, который и задает тон всей хронике. Пролог содержит в себе важные данные по поводу истории создания Хроники: время ее написания, информация о личности хрониста и, что самое важное, обращение к конкретному историческому лицу – магистру Вернеру фон Орлзену, чья противоречивая внешняя политика не прибавляла авторитета Ордену в Европе.

Хронист начинает повествование в подражание житиям: автор самоуничижается перед лицом Бога, признает свой талант писателя Его даром, и, что самое главное, описывает лишения, страдания и благородство рыцарей Ордена: рассказывает об их скудной пище, скромной одежде, жертвенности во имя веры и церкви и прочих лишениях, которые претерпевали члены братства. Можно отметить, что пролог содержит в себе 19 отсылок к библейским сюжетам, и все они используются автором для подчеркивания тех мук, которые приходилось испытать братьям.

Стоит обратиться к одной из таких отсылок. Текст хроники гласит: «Знамения и чудеса свершил надо мною Всевышний. Поэтому подобает мне возвестить о знамениях Его, ибо они велики, и о чудесах Его, ибо они могущественны». Подобную

же цитату мы встречаем в книге Даниила в Ветхом Завете: «Знамения и чудеса, какие совершил надо мною Всевышний Бог, угодно мне возвестить вам. Как велики знамения Его и как могущественны чудеса Его!» (Дан.3, 99-100. Здесь и далее Библия цитируется по Синодальному переводу).

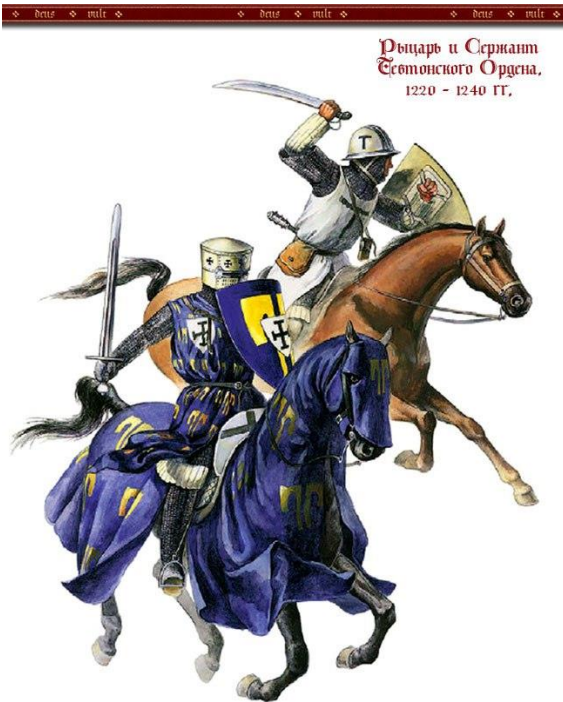
Петром приводятся слова вавилонского царя Навуходоносора, который во всеуслышание признал иудейского Бога после того, как пророк Даниил и его приверженцы смогли выжить в огне. Петр самого себя сравнивает с царем, орденских братьев с пророком Даниилом. Навуходоносор был потрясен силой веры и бесстрашием брошенных в огонь иудеев, как сам хронист поражен подвигами братьев. Члены ордена для него схожи с ветхозаветными

пророками, отличившимися стойкостью духа и преданностью Богу. Автором проводится параллель: подобно противостоянию Даниила языческому золотому кумиру Навуходоносора, братья Ордена сражались с бесчисленными язычниками-пруссками, не жалея себя в этих битвах и затяжных войнах. Сам хронист поражен этим в той же степени, что и Навуходоносор, и именно поэтому использует данный сюжет. Он наблюдатель со стороны, который потрясен событиями, произошедшими на прусской земле. Эти события приравниваются по масштабу к ветхозаветным, победа Ордена буквально сравнивается с настоящим чудом. Данный сюжет был вставлен автором, вероятно, и в политических целях. С помощью него хронист стремился показать, что победа, достигнутая Орденом в свое время, далась ему нелегко, потому Орден достоин признания и почитания, причем почитания на одном уровне со святыми. Подтверждение этой интерпретации мы можем обнаружить уже в следующих строках пролога, где автор пишет: «Подходят, однако, эти слова автору сей книги, который после того, как увидел в облике святой общины братьев <...> столь великие знамения и такие необыкновенные и от века неслыханные чудеса <...> не подлежит сомнению, что и братья дома Тевтонского исполнены были веры и силы, когда они, малочисленные, покорили столь сильный, дикий и бесчисленный народ прусский».

Новозаветные сюжеты также искусно используются автором в рамках той же концепции – превращения крестоносцев из завоевателей и захватчиков чужой им земли в святых. Встречается подобный пример в первой главе – «О начале ордена дома тевтонского». Название главы точно описывает ее содержание: Петр рассматривает то, как именно образовался Орден на территории Палестины во время

осады Акры в 1190 году. Братство характеризуется Петром исключительно как миссионерское, призванное помогать слабым и больным, но никак не военное. Тем не менее, библейские сюжеты, которые он использует в этой главе, демонстрируют, что военная миссия для хрониста непосредственно связана с деятельностью мирной и проповеднической, помощью раненым и нуждающимся. Однако не это составляет сюжетный и идеологический мотив данной главы. Основное желание хрониста - показать читателю, что деятельность Ордена, какой бы она ни была, свята, буквально благословлена Небом, более того, приравнена к небесной. Хроника гласит:

«Кажется, что это рыцарство, по образу неба и земли созданное, является единственным и главнейшим, которое вместо Христа будет страдать при поругании креста Его и посвятит себя делу отвоевания Святой земли обетованной от гнета языческого. Ибо видел Иоанн воинствующую церковь в образе нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога, в которой они сражаются с прочими отрядами небесных сил, отражая любую противоборствующую силу».

Приведенные слова - практически точное цитирование книги Откровения Иоанна Богослова, или книги Апокалипсиса. Оно гласит: «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем

имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое» (Отк. 3,12). Здесь автор вполне определенно ставит рыцарское войско на одну позицию с воинством небесным, таким образом демонстрируя его святость читателям хроники. Рыцари не просто избегнут, по его мнению, страшного суда, но и, по-видимому, будут активно участвовать в нем в качестве орудия правосудия. Упомянутая хронистом «противоборствующая сила» не что иное, как описание пруссов, вероотступников, которых можно сравнить с антихристом. Демонстрируется очередное противопоставление рыцарей и пруссов - святых и грешников. При этом деятельность рыцарей освящена Небом и потому оправдана людьми.

Стоит обратить внимание и на личные портреты рыцарей, так как они важны для понимания восприятия рыцарства хронистом. Чаще всего даются описания магистров Ордена. Упоминания о каких-либо конкретных рядовых рыцарях встречаются редко - истории о них мифологизированы, наполнены описаниями чудес и практически

никогда не могут быть подтверждены документально. Повествования о магистрах, безусловно, более точны и достоверны.

Рыцари Тевтонского Ордена.
Вторая половина XIII в.

Для описания конкретных исторических личностей (чаще магистров) Петром также используются библейские сюжеты. Например, в 279 главе дается краткая историческая справка о жизни магистра Конрада Зака. Хроника гласит:

«Брат Конрад Зак, XVI магистр Пруссии, возглавлял орден шесть лет. Он был мягким человеком и приобрел расположение к себе в глазах всех».

Если мы обратимся к тексту Библии, то увидим:

«И приобрела Есфирь расположение к себе в глазах всех, видевших ее» (Есф. 2, 15).

Возможно, библейский текст всплывает в сознании хрониста как палимпсест – старое проявляется в новом. Магистр, описываемый автором, буквально

сравнивается с ветхозаветной героиней Есфирью, защитившей евреев перед царем Артаксерксом. Великий магистр сопоставляется с защитником веры, возводится в ранг святых ее покровителей. Магистр -лицо Ордена, лучший его представитель, который собственными благодеяниями представляет братство с более выгодной стороны. Раз свят глава, значит, святость присуща всем братьям, ведь он сам когда-то был выбран из рядовых рыцарей.

Рыцари в Хронике – ревнители веры, защитники христиан и церкви. Они ставятся в один ряд с ветхозаветными святыми, пророками. Хронист не просто оправдывает рыцарей, он считает каждый их поступок праведным, по сути, видя в рыцарях святых мучеников.

Благодаря библейским вставкам

угадывается идеологическая функция данного памятника. Библейские сюжеты рассматриваются через призму господствовавшей тогда идеологии и искусно встраиваются в концепцию легитимации деятельности ордена.

Хроника – письменное документальное доказательство величия, силы и важности Ордена. Хронист пишет своеобразное «житие» - его сочинение создает мученический святой образ рыцарей. Описание страданий, лишений, мук, войн, добродетелей и примерного поведения показывает рыцарей как истинных христианских благодетелей.

21. Вилов, Вилове, Вилява, Витау, Витало...

Захват Тевтонским орденом земель западных балтов в 1233–1283 годах. (Из кн. В.Пашуто.)

Оборонное место положение древнего Велау сразу определило судьбу и имя этому месту. «Водный замок» – такое значение имела крепость Вилов или Ветало, по-разному её именовали местные жители, но именно здесь основные территории пруссов – Самбия, Натангия, Надровия и Бартия – граничили. Границей являлась река Лына/Альке/Алле/Лава, вдоль которой можно найти и сегодня прусские пирамиды. Об этом мы рассказывали, раскрывая древнюю историю Правдинского района

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/403004813745080> https://vk.com/wall-168806484_370

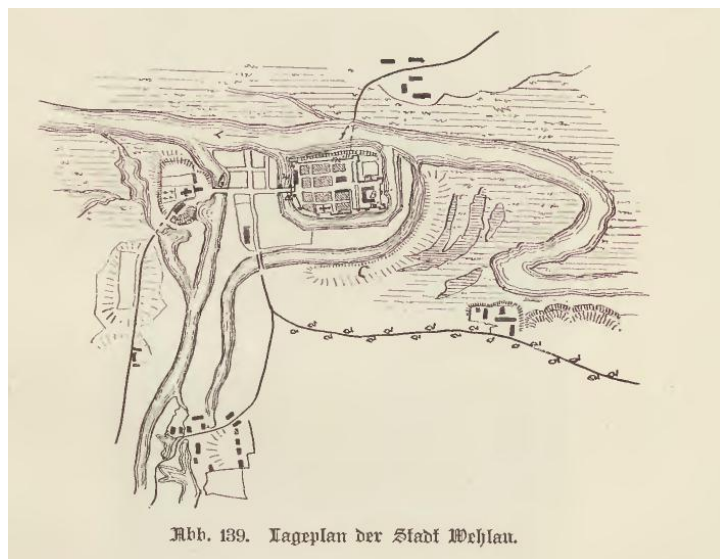

Abb. 139. Lageplan der Stadt Wielau.

Местность, окруженная двумя реками – Алле и Прегель – прекрасно отражала военные задачи древней крепости: оборона и нападение. Восточная сторона напоминала остров, с юга – устье реки Алле, а север был с насыпью. Собственное природное укрепление могло выдерживать длительную оборону, оно состояло из земляного вала и лесного массива. В быстро построенном насыпном замке был оставлен сильный гарнизон под командой вождя из Надровии Эдлена Тирско и его сына Мандело. Эти имена первых известных в истории велауцев нам знакомы... Именно Тирско стал проводником для крестоносцев, принявший крещение и перешедший на сторону Ордена, одну за другой он сдавал крепости Бартии.

К концу 1255 года у крепости Вилов появились отряды Тевтонского ордена, после короткой осады, была взята, скорее, передана от Тирско комтуру Кёнигсберга Бурхарду фон Хорнхаузену. Отныне Вилов стал опорным пунктом немецкого

рыцарского Ордена. Крепость крестоносцы укрепили, на проданных Тирско землях вокруг поселения в 1258 году была построена деревянная церковь. По канонам орденского замка рядом с крепостью была построена мельница.

Во время второго прусского восстания в 1264 году жители Судавии и Надровии под началом вождя Геркуса Мантаса орденский замок подвергся тяжёлому испытанию. Местные жители уже осознали, что именно замки являются оплотом немецкой экспансии, более того они получили некоторый опыт по их взятию и разрушению. Поэтому для осады Ветало пруссами были применены все имеющиеся в их распоряжении средства: тяжелые осадные машины, контрбашни, камнеметы. Обороной замка руководил рыцарь Генрих фон Таупадель: умело распорядился своими лучниками и арбалетчиками, перебил воинов-пруссов при осадных машинах, а сам в схватке смертельно ранил прусского предводителя (по крайней мере так повествует Петр из Дуйсбурга).

В результате восьмидневной осады и значительных потерь с обеих сторон замок все же выстоял. Но уже при третьем восстании жителей Судавии в 1280 году замок был взят и разрушен. Остров тихо ушёл под воду, унося остатки крепости...

Новый замок (уже в камне) решено было построить в самом начале XIV века. В дельте реки Алле (Лава) был выбран остров. На нем и возвели замок с форбургом. Пространство у замка стали заселять немецкие колонисты.

В 1336 году 25 января сельский староста Готтфрид Хундертмарк получил от верховного маршала ордена Генриха Дусемера задание основать город, тот который и стал позже Велау.

В 1339 году Велау получил от великого магистра Дитриха фон Альтенбурга кульмское городское право. Собственно говоря, с этого момента и началась история Велау как полноценного города.

Город получил свой герб. На зеленом фоне герба Велау – серебряная голова оленя с золотыми рогами. Между рогами – золотая шестиконечная звезда, символизирующая счастье, удачу и благополучие. В геральдике голова оленя олицетворяет воина, перед которым отступает противник. Тем самым подчеркивается пограничное положение крепости на территории Тевтонского Ордена, и ее роль в общей системе укреплений.

В 1339 году для роста торговли и увеличения строительства Велау был освобожден от налогов (с предоставлением ему кульмских прав). Город застраивался планомерно по прямоугольному расположению. Уличная сеть в форме решетки была сильно укреплена.

Звездное время Ордена приходится на XIV век, на период с 1300 до 1382 года. Территории, завоеванные крестоносцами надо было обжить, обустроить. Именно в это время шло усиленное заселение города Велау. Сюда ехали и шли переселенцы со всех уголков Священной Римской империи германской нации – мужчины и женщины, старые и малые, горожане и крестьяне, обстоятельные хозяева, жаждущие обзавестись богатством и просто любители перемены мест, искатели приключений.

Но наступила пора литовских набегов. Во время одного из них в 1323 году был разрушен замок и сожжены все поселения у его стен. В 1347 году Велау подвергся нападению войска во главе с литовским князем Ольгердом, опять были сожжены дома, разрушены деревянная церковь и строящийся замок.

Однако город был снова отстроен, на месте бывшего замка заложили монастырь, строительство которого было завершено в 1351 году.

В 1379-1381 годы по указанию великого магистра Винриха фон Книпрوده вокруг города Велау была построена высокая крепостная каменная стена с четырьмя круглыми каменными башнями (последняя из которых была разрушена в 1861 году) и многочисленными подземными ходами.

Вид на Велау с Каменных ворот,
1920-е годы

Большая гипсовая модель крепости Велау, установленная в довоенном музее Велау, наглядно показывала картину того времени. Двое главных ворот на Севере и Западе с многочисленными выходами в стене к рекам надежно служили обороне города. На юге был вырыт ров, превращающий Велау в небольшой остров, соединяющийся с сушей мостами. Фрагменты старинной стены, выложенной булыжниками и кирпичом можно и сегодня увидеть вблизи каменной церкви Святого Якова.

Схема подземных ходов до сих пор неизвестна, но согласно древним преданиям кирпичные подземные сферические ходы имели свои выходы за реками Прегель и Алле. Их тайна не раскрыта до сих пор.

С 1360 года по указанию того же великого магистра Винриха фон Кинпроде на южной стороне города началось строительство новой каменной церкви Св. Якова в оборонительном рыцарском стиле (год окончания строительства 1380) и городской ратуши (1382 года).

В течение времени тремя морскими путями в Велау привозился отличный обожженный кирпич, из которого строилась церковь. Позади находился церковный двор, хозяйственные здания, конюшня

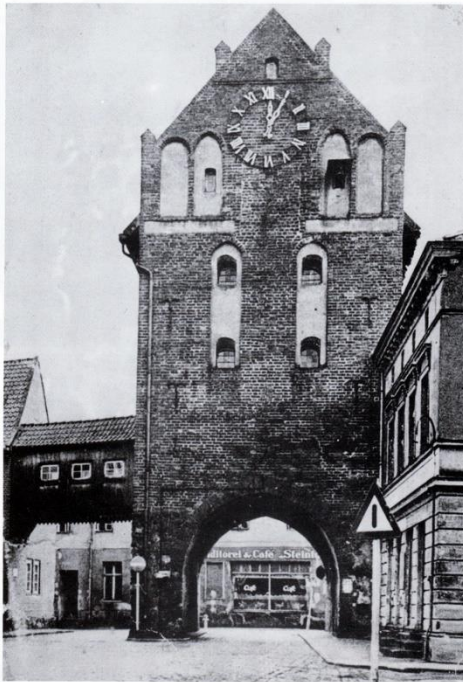
для скота и огороды. Удачно было выбрано само место: на возвышенности, рядом с площадью городской ратуши, в стороне от шумных улиц, защищенное от грунтовых вод и стихийных бедствий. Церковь Якоби возвышалась в городе, как корабль в море.

Во время осады города, каменная церковь служила убежищем для населения. Могучая башня, высокие комнаты зала, красивейшие цветные мозаичные окна, удобные скамейки вызывали у посетителей чувство безопасности и доверия к Богу.

В 1400 году был составлен первый подробный план города.

В 1405 году городской совет Велау был наделен правами местного самоуправления.

Wehlau; das um 1380 erbaute Steintor als Teil der westlichen Stadtbefestigung

Кульмская грамота, дарованная городу в 1339 году, гарантировала самоуправление и независимый суд, признавала за гражданами право самим избирать своих правителей, приобретать земельные участки, строить мельницы, использовать полезные ископаемые, определять границы городской территории. На этой территории Орден не имел права покупать дома (а если получал их по завещанию, то обязан был как всякий другой владелец, платить городские налоги и подчиняться порядкам города), владеть своим имуществом на правах полной собственности и передавать его потомкам в вечное пользование или передавать его при одном условии, чтобы покупатель был способен отбывать воинскую повинность и платить небольшую поземельную подать в знак верности Ордену, горожане не были обязаны

принимать к себе гарнизон и даже могли не пропускать через территорию города войска, воинская повинность для граждан была обязательной только на время похода, а остальное время они обязывались защищать только свою область, рынки освобождались от дорожных и таможенных пошлин, вводилась единая монета.

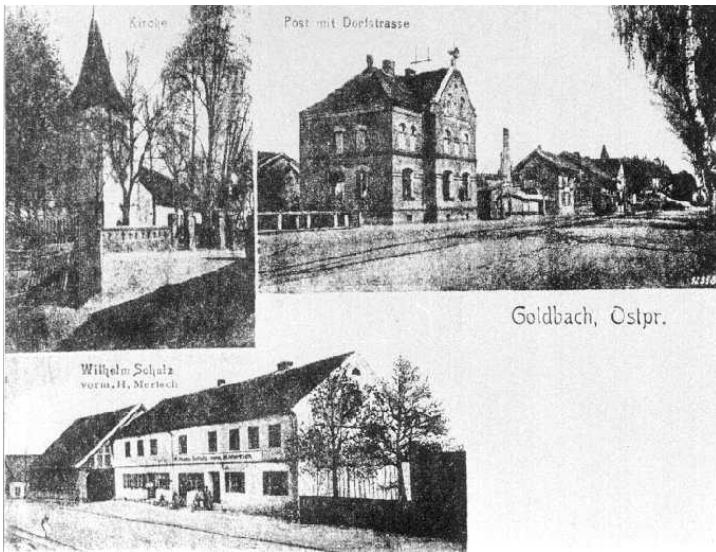

В XVII веке крепостную систему Велау модернизировали. Крепостная ограда приобрела бастионное начертание с характерными фасадами и фланками.

На довоенных снимках города нередко встречается кусок средневековой постройки – это знаменитые Штайнтор (Каменные ворота). А в сегодняшнем городе несложно найти то место, где стояли эти городские ворота.

22. Посёлок Славинск Гвардейского района.

Посёлок Славинск Гвардейского района до 1945 года являлся одним из 9 крупных населённых пунктов со своим церковным приходом крайса Велау Гольдбах (Goldbach). Найти его не сложно – от Гвардейска нужно выехать в сторону посёлка Забарье и по левому берегу реки Дейма, минуя Ясенское, Поддубное оказаться в Славинске.

Поселение Гольдбах впервые упоминается в исторических документах в 1302 году. Основателем деревни

Гольдбах был, вероятно, Хелвиг фон Гольдбах из одноименной деревни недалеко от Готы в Тюрингии, но это, однако, не было доказано. Он был братом монастыря Святого Августина в Кристбурге (ныне город в Польше Дзежгонь, район Помезании) и, как говорят, присутствовал при захвате Геркуса Мантаса. Со временем он становится ландмейстером, строит деревню и церковь в 1300 – 1302 годами, о чём письменно задокументировано в 1375 году.

Первым сельским старостой был Пауэл Бенекен, назначенный верховным маршалом Готфридом фон Линденом, которому были переданы в дополнение к земле ещё 6 хуфов и право суда, за исключением казни.

Под строительство церкви было выделено 4 хуфа, под хозяйство – 10 хуфов. Двадцать фермеров, которые должны были платить налог, имели в общей сложности хозяйственных наделов 40 хуфов.

Церковь стояла на крутой возвышенности с широким обзором всей окрестности. Построена частично из валунов, частично из кирпича. Церковь имела очень мощные стены, что указывало на её оборонительный характер. Башня с колокольной с западной стороны выполнена в готическом стиле и имела декоративные ниши. Вход в башню был с юга. Ризница – с востока. В 1404 году впервые

упоминается приходской священник.

В 1706 году церковь была перестроена на фундаменте древней орденской церкви и представляла собой постройку зального типа, внутри имела дощатый потолок и очень простую обстановку. Большие арочные окна появились много позже. На металлическом флюгере с орлом изображён год 1706-ой. Возможно, в этом году было завершено восстановление церкви и колокольни, есть сведения, что тогда у церковного прихода закончились деньги.

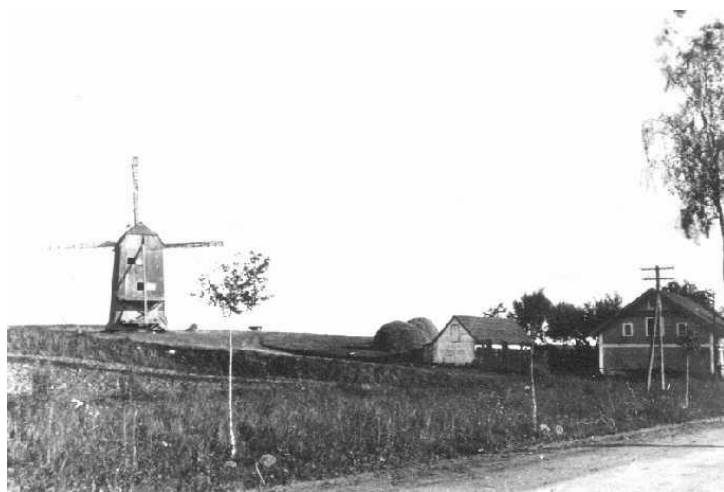

Предполагается, что сделанное из дерева в половину натуральной величины распятие изначально являлось выносным крестом. Очень интересно было решение этого деревянного распятия Христа 16 века.

Последний, как и крестильный ангел, выполнены около 1690 года. Алтарь 1672 года в том же 1690 году переместят за кафедру, которую выполнил Кристиан Клодсей. Исповедальня появится в церкви в 1729 году.

Ещё в 1636 году курфюрст Георг Вильгельм официально передал деревню Гольдбах Симону Янсену. В 1652 году Гольдбах, работники и скот были заложены семье Тренк на 9 лет под выплату 16 500 марок, но в 1692 году семья фон Тренк все еще оставалась залогодержателем. Фермеры Гольдбаха должны были заплатить за проценты от ссуды и остро

задолжали по обязательствам перед семьёй фон Тренк. Не известно, когда наконец окончательно смог приход рассчитаться.

Мельница в Гольдбахе также должна была служить сбором средств: в 1667 году она была присуждена капитану Панцеру на 15 лет и 200 марок в год.

Были правовые споры с ремесленниками и только решение Высшего апелляционного суда в Кёнигсберге в 1736 году и пожертвование из королевской казны положили конец финансовым трудностям. Лишь после 1740 года

строительные работы были выполнены за счет средств Фридриха II и коллекции всех восточно-прусских церквей, что, наконец, завершило обустройство церкви.

После Второй мировой войны кирха была цела. В ней располагался большой склад. В середине 70-х годов склад перевели в другое помещение, и кирха была заброшена. В конце 70-х годов рухнула крыша. Были планы использовать помещение кирхи под клуб, торговый центр и т.д. Но планы не были осуществлены, кирха была окончательно заброшена и постепенно разрушена. К 2000 году осталась коробка башни (без крыши) и фрагменты стен кирхи и хоров.

Самая старая крестьянская семья в Гольдбахе была представлена семьей Мерц. Христофу Мерцу было предписано два хуфа земли 2 июня 1613 года в Гольдбахе. Позже члены семьи выполняли функции наблюдателей за лесом, учебных заведений, церковных лидеров, общественных деятелей, регистраторов и районных советников. Последний, Фридрих Вильгельм Мерц,

также считался инициатором небольшого железнодорожного сообщения из Тапиау в Лабиау. Предками семьи, вероятно, были изгнанные протестанты из Франции в 13 веке, вальденсы («лионские бедняки»), приверженцы еретического течения в католической Церкви, стремившиеся к праведности без разрыва с мирскими занятиями и образом жизни, ратовали за ликвидацию частной собственности, апостольскую бедность и взаимопомощь, а также мирскую проповедь и свободу чтения Библии), переселившиеся в Тироль. Около 1500 членов этого движения поселились в Тюрингии и оттуда переселились в 1600-х годах в Силезию и Восточную Пруссию.

К церковному приходу Гольдбах относилось поместье Кёве (нем. Köwe), которое впервые упоминается в документах XVII века. Находилось оно в 2 км западнее поселка Славинск.

Изначально поместье Кёве принадлежало свободными пруссам, не оставившим потомков по прямой мужской линии. Около 1612 года курфюрст Иоганн Сигизмунд дарует

владение площадью 10 гуф придворному цирюльнику Петеру Аппельну.

В 1630 году Кёве, обладавшее кульмскими правами, приобретает тогдашний гауптман Тапиау Ахасверус Брандт. При этом Брандт имел разрешение охотиться в пределах своих владений, отстреливать медведей и осуществлять судопроизводство, за исключением уголовного. Курфюрст сохранил за собой право охоты на туров, лосей, оленей, косуль, кабанов и глухарей. Гауптману также вменялся в обязанность надзора

за лесами, а в качестве платы за этот труд он мог убивать одного лося.

В 1692 году Кёве переходит в руки Якоба Пантцера и с этого момента вплоть до 1945 года неизменно остается во владении этого рода. Последним хозяином являлся Эдгар Пантцер, который умер в 1964 году, у него был младший брат Александр. Оба мальчика учились в Хуфенской гимназии в

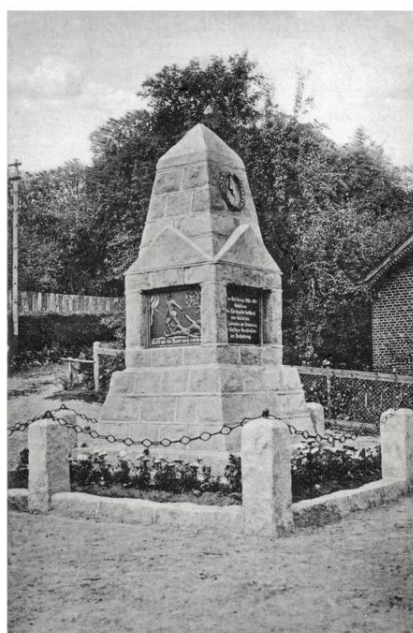
Кёнигсберге. Родственником Патцеров был известный стихотворец и иллюстратор Вильгельм Буш, а мать являлась родной сестрой знаменитого актера Пауля Вегенера.

Семья была очень музыкальной и школьные каникулы мальчики всегда проходили в музыкальной атмосфере. Эдгар превосходно играл на скрипке, а Александр на виолончели. Музыкальное сопровождение на рояле осуществлял учитель пения господин Вильде.

Александр Патцер проявлял большой интерес к естественным наукам, особенно к зоологии. Ему удалось собрать большую коллекцию жуков, а в доме жила игрунка, привезенная дядей из тропиков. В середине 1920-х годов Александр погиб в результате несчастного случая.

В Гольдбахе юго-западнее кирхи был установлен памятник жертвам Первой мировой войны.

Памятник представлял собой четырехгранный обелиск с острым завершением, сложенный из полевых камней, с памятными досками на четырех гранях. До настоящего времени сохранились остатки фундамента и фрагмент завершения.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 016681
Goldbach, Kreis Wehlau, MT12092-0.
Kriegerdenkmal. (1910-1929), © I. C. Krause, Tapiau

На восточной окраине посёлка Славинск расположена братская могила советских воинов, погибших и умерших от ран в январе-мае 1945 года.

Здесь захоронено более 800 воинов. Памятник был установлен в 1945 году, а в 1981-1983 годах создан мемориальный комплекс.

Прямоугольная в плане площадка из шести террас соединена лестницей, с надгробиями – 306 одиночных и нескольких братских могил – и мемориальными плитами с фамилиями павших воинов.

У подножия лестницы по центру установлена скульптурная композиция, представляющая собой величественные фигуры трех стоящих друг за другом воинов. В правой опущенной руке они держат мечи, левой придерживают стоящие у ног щиты с гербом в виде звезды в обрамлении лаврового венка. Вечнозеленые ели подчеркивают строгость и торжественность мемориала.

В посёлке Славинск на улице Героев установлен указатель к братскому захоронению.

23. Звеньевое – Попенен до 1946 года.

60 тонн спелой клубники ежегодно в магазины области поступает из Гвардейского района. Тепличный комплекс «Орбита Агро» в посёлке Звеньевом – одно из предприятий агропромышленного комплекса Калининградской области – создано на базе бывшего колхоза имени М. И. Калинина.

Своё название посёлок получил в 1946 году, тогда было переименовано довоенное поселение Попенен (Porehnen). В 1910 году население Попенена составляло 85 жителей.

До 1945 года в Попенене располагалась дворянская усадьба Айхен, в послевоенные годы в здании господского дома размещалось правление колхоза.

Имение Айхен (нем. Eichen) впервые упоминается в 1428 году.

Когда-то на северной окраине Айхена стоял орденский замок Адлиг Кремитен (Adlig Kremitten), в котором располагался каммерамт. В 1391 году здесь принимали Великую Княгиню Литовскую, супругу князя Витольда,

рассказ о котором у нас ещё впереди.

В 1552 году герцог Альбрехт пожаловал замок тогдашнему окружному начальнику Бастиану фон Пербандту (Bastian von Perbandt). Старая прусская, дворянская семья фон Пербандт первоначально до прихода рыцарей Тевтонского ордена занимала земли в районе Кведенау (Quedenaу). Нобели этой семьи стали вассалами Ордена и богатый на многочисленные усадьбы (Rittergut), в основном в Восточной Пруссии, род пользовался привилегиями и высокой защитой в суде. Этой семье принадлежал нами упомянутый Капкайм (ныне – посёлок Вишнёвое Гвардейского района).

В 1709 году в замке ещё жили люди, со временем он превратился в руины, фрагменты которых сохранялись до 1945 года.

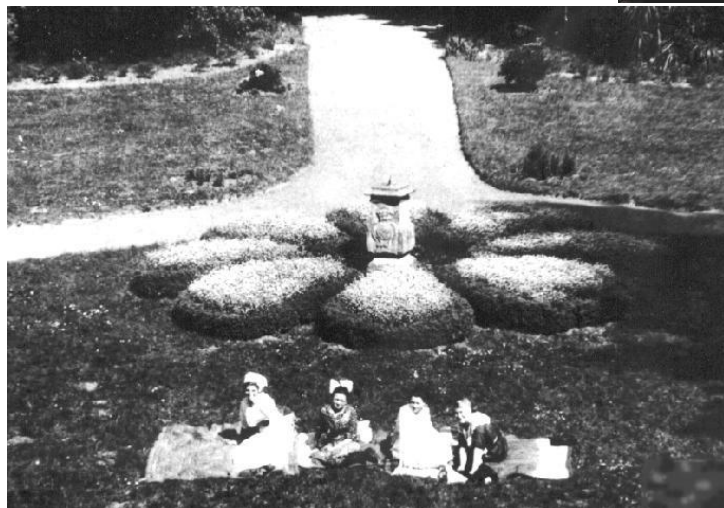
Как свидетельствуют документы Тевтонского ордена, в 1428–1473 годах имение Айхен принадлежало Хансу Тиме (Hans Thieme). В 1513 году владельцем был маршал фон Биберштайн (von Biberstein). Род фон Биберштайн ведёт свою родословную с

1440 года, когда в летописях было впервые упомянуто имя рыцаря Тевтонского ордена Якоба Рогаллы. Мы успели немного рассказать об отпрыске древнего рода восточно-прусских рыцарей Людвиге Мейлендере Рогалла фон Биберштайне, последнем владельце замка Лаукишкен, помещике и землевладельце большого хозяйства и родового имения <https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/386852655360296>
https://vk.com/historyk39?w=wall-168806484_319

С 1754 года владельцем Айхена становится господин фон Катте (von Katte), отец казнённого друга Фридриха Второго. Ханс Херман фон Катте (Hans Hermann von Katte) — лейтенант прусской армии, друг юности Фридриха Великого, представитель бранденбургского дворянского рода, состоял на военной службе короля Фридриха Вильгельма I. Несмотря на неоднократные запреты отца-короля, стал доверенным лицом наследного принца и был посвящён в план бегства последнего. Вся переписка, касавшаяся бегства в Англию, шла через его руки. После обнаружения плана, 26-летний Катте по приговору военного суда в 1730 году был казнён отсечением головы перед окнами темницы наследного принца в Кюстрине.

В парке имения находились солнечные часы из песчаника с изображением родового герба фон Катте.

Господский дом с двумя флигелями павильонного типа был возведён в XVIII веке, а в одном из залов усадьбы украшением стали две великолепные круглые печи с майоликой.

Позднее, в 1771–1797 годах хозяином имения был господин фон Куровский (von Kurowski), затем, в 1797 – 1823 годах оно вернулось к семье Пербандт, которое вскоре продало его барону Тройшу фон Буттлару (Treusch von Buttlar). После 1853 года известно, что владельцем имения становится господин фон Остерот (von Osteroth). А последними хозяевами Айхена является семейство Крагельмахер (Kragelmacher).

24. Лозовое, довоенный Кремиттен.

Небольшое укрепление здесь было построено, вероятнее всего, в 1261 году. В 1391 году Кремиттен упоминается в документах как каммерамт. Можно предположить, что в это же время укрепления были перестроены. Их одели в камень, и они стали выглядеть как замок в миниатюре (шлоссфесте). Известны его точные размеры: 69 на 78 метров. Замок живописно смотрелся на высоком обрыве над Прегелем. Время неумолимо... Замок старел, разрушался и превратился в обычное сельское имение. Что там сохранилось от 13 – 14 веков, сказать трудно. Может быть, только какие-то остатки от крепостной стены. Со временем остатки замка, его стены, превратились в руины. Что касается собственно названия «Кремиттен», то есть две версии: «кромка поля» или «кремень».

Кремиттен обладал статусом, предоставленный Великим курфюрстом, официального районного центра с предоставлением полицейских сил и своей юрисдикции по пяти деревням. Таким образом, этот населённый пункт был ещё одним из девяти крупных поселений крайса Велау со своим церковным приходом.

Церковь в Кремиттене представляла собой кирпичное здание на полевом каменном фундаменте, строительство которого началось около 1340 года и которое сохранило отличительный характер ранних самландских церквей, практически не изменившись за несколько столетий, теперь она больше не существует.

После войны церковь вскоре была разграблена, пол разобран, фигуры апостолов выброшены в поле. Внешние стены все еще стояли в 1970-х годах, но в 1980 году руины были окончательно разобраны «на кирпичи». Вековое многослойное гнездо аиста с башни было перенесено на соседнее дерево.

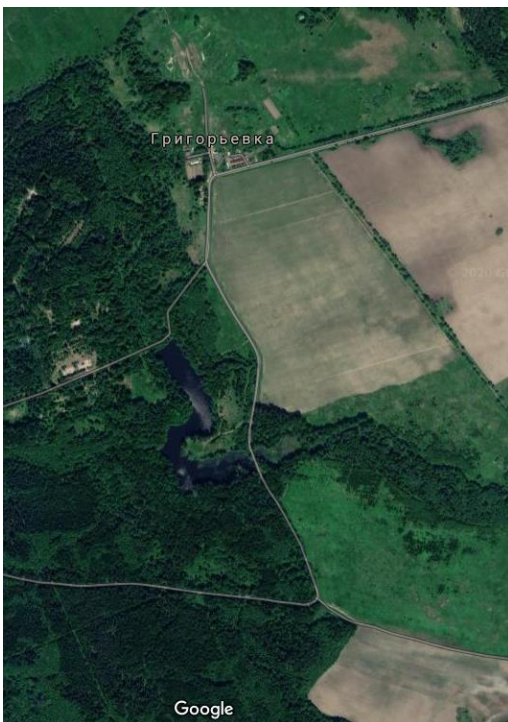

В церкви Кремиттена был замечательный алтарь, датируется 15 веком – в приделе было изображение Христа с 12 апостолами, в центре изображение Мария в короне с двумя ангелами, между Богом-Отцом и Богом-Сыном. На крыле справа Иоанн Креститель и Иоанн Богослов, св. Варвара и св. Маргарета изображены с завитками, на левом крыле – св. Святой Николай Адальберт, св. Екатерина и св. Доротея с вазой и цветами.

Была школа. Был дом священника и его хозяйственные постройки. Был посёлок... практически всё это разрушено. Только несколько старых домов всё ещё стоят...

25. Посёлок Солдатово. Бывшая деревня Грюнхайн.

Продолжаем путешествие по Гвардейскому району. Отправимся на этот раз в посёлок Солдатово.

Живописная дорога в сторону Григорьевки уже Полесского района нас унесёт в чудесный край леса и озера в форме подковы необыкновенной красоты. Озеро выполняло функцию гидротехнического сооружения, для урегулирования уровня воды здесь были построены шлюзы, с помощью которых увлажнялись поля в засушливое лето, а в дождливый сезон, напротив – сдерживало лишнюю влагу. А когда-то это озеро возникло в результате изменения русла реки, и участок прежнего русла со временем превратился в отдельный бессточный водоём, в старицу.

Но вернёмся в Гвардейский район.

Посёлок Солдатово объединил несколько поселений – бывшие Фридрихшталь (Friedrichsthal), Кётен (Köthen) и деревню Грюнхайн (Grünhaun). Несуществующая деревня Грюнхайн являлась одним из девяти крупных населённых пунктов со своим церковным приходом.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 016695
Grünhayn, Kreis Wehlau, MT13093-8.

Gasthaus R. Henseleit, Post, Kirche, Heldendenkmal. (1935-1938), © Emil Weidner, Wehlau

Территория современного поселка Солдатова была обжита пруссами задолго до прихода на эти земли крестоносцев Тевтонского ордена. Немецкими археологами в начале 1880-х годов в районе Фридрихшталя был найден и изучен древний могильник.

Населенный пункт Кётен, примыкавший к северо-восточной окраине современного Солдатова, был основан в 1387 году.

Деревня Грюнхайн (Grünhayn) впервые упоминается в исторических документах в середине XIV века.

«Недавно в Грюнхайне проводили в последний путь землевладельца Вилгельма Дойчманна (Wilhelm Deutschmann), со смертью которого пресекалась мужская линия старинного рода, проживавшего здесь почти два столетия.

В 1361 году Великий маршал Тевтонского Ордена и доблестный победитель литовского войска Хеннринг Шиндекопф (Henning Schindekopf) выдал деревне Грюнхайн

учредительную грамоту, назначив некоего Петера (Peter) на наследственную должность старосты и пожаловав ему 5 гуф свободной от податей земли.

Вероятно, уже в XV веке поместье было поделено между наследниками, поскольку в документах главного управления Тапиау, датированных 1526 годом, сообщается о двух старостах Грюнхайна, каждый из которых владел наделом площадью 2,5 гуфы. Оба земельных участка существуют по сей день и зарегистрированы в земельно-кадастровой книге под номерами 6 и 7.

В течение столетий участок номер 7 часто менял владельцев, соседний же с ним 6-й находился, по большей части, в руках одних и тех же хозяев и с 1759 года принадлежал роду Дойчманнов (Deutschmann).

Впервые фамилия Дойчманн встречается в период Реформации в деревне Ноендорф (Neuendorf, сейчас посёлок Кругловка Гвардейского района, впервые Нойендорф упоминается в 1405 году).

Сразу после 1600 года среди жителей Кётена упоминаются некий Алекс (Alex), а затем и Абрахам (Abraham)

Дойчманны. Около 1692 года сын последнего, Валентин (Valentin), арендовал у церковного прихода Грюнхайн 4 гуфы церковной земли в Никельсдорфе (Nickelsdorf, хозяйственное поселение рядом с деревней Грюнхайн), ежегодно выплачивая за аренду 78 марок.

Около 1720 года мы встречаем Ханса Дойчманна (Hans Deutschmann), владевшего свободными от податей угодьями в Альт-Пустлаукене (Alt-Pustlauken, посёлок Луговое Полесского района) под Лабиау (Labiau, Полесск) и являвшегося, вероятно, сыном Валентина Дойчманна.

Оба сына Ханса принимают решение вернуться в родную деревню. Один из них занимает должность лесного объездчика в Швольгенене (Schwolgehnen, поселение уже не существует, а в довоенный период представляло собой несколько мелких хозяйств), второй же, путем удачной женитьбы, становится землевладельцем в Грюнхайне.

В церковной книге сохранилась следующая запись от 26 октября 1759 года: «Михаэл Фридрих Дойчманн (Michael Friedrich Deutschmann) из Гросс Пустлаукена (Gr. Pustlauken), амт Лабиау (Labiau), венчается с девицей Анной Доротеей (Ann Dorothe), урожденной Биркхольцин (Birkholtzin), дочерью господина Йоханна Биркхольцина (Johann Birkholz), старосты в Грюнхайне (Grünhayn), скончавшегося в 1752 году».

Через несколько лет Йоханн Готтфрид Дойчманн (Johann Gottfried Deutschmann), уплатив 600 талеров, приобретает у Йоханна Тилля (Johann Till) земельный надел площадью в 1 гуфу; отныне в Грюнхайне существовали две линии одного и того же рода.

Дойчманны были честными, уважаемыми, почтенными людьми, снискавшими репутацию трудолюбивых и усердных хозяев. Один из них, плотник Христиан Фридрих Дойчманн (Christian Friedrich Deutschmann), построил ветряную мельницу, а также первую во всей округе маслобойню. Будучи старостами и присяжными, председателями церковной общины и школьного совета, Дойчманны, не покладая рук, трудились для общего блага.

Скончавшийся Вильгельм Дойчманн (Wilhelm Deutschmann) являлся достойным потомком своих предков: будучи человеком слова, серьезным и рассудительным, но в то же время простым и открытым, он не переносил чопорности и напыщенности.

Многолюдная похоронная процессия стала свидетельством уважения и всеобщей любви, которую заслужил покойный. Ему также были оказаны последние воинские почести, а председатель союза бывших фронтовиков произнес трогательную прощальную речь.

Всю Первую мировую войну конный егерь Вильгельм Дойчманн провел на фронте, двое его братьев пали в сражениях и лежат в земле Франции. Дойчманны навсегда заняли почетное место в истории церковного прихода Грюнхайн». Из статьи 1926 года.

Имение Грюнхайн, также называвшееся Грюнхайде (Grünheide), обладало кульмскими правами.

Как свидетельствуют документы, сохранившиеся в церковном архиве, в 1361 году Тевтонский орден пожаловал Петеру фон Грюнхайн (Peter von Grünhaun) 5 гуф земли; четыре гуфы были переданы церкви. Кроме того, в дошедших до нас с 1601 года отчётах о церковном хозяйстве есть сведения о передаче храму по четыре гуфы в Никельсдорф и Грюнелинде (Grünlinde, посёлок Ершово Гвардейского района) соответственно.

По некоторым сведениям, древний храм сгорел приблизительно 400 лет назад. Современная церковь из валунов и кирпича представляет собой строение, состоящее из продольного нефа, опирающегося на четыре контрфорса, и пристроенного в более поздний период алтаря прямоугольной формы. К более позднему времени относятся и окна прямоугольного сечения. Расположенная с западной стороны квадратная в плане двухъярусная колокольня с декоративными нишами относится к средневековому периоду. В нижнем ярусе находится сводчатый вход в церковь. Над вальмовой крышей возвышается изящная башенка с цинковым покрытием, относящемся к 1832 году.

Два колокола отлиты в 1773 и 1833 годах. Восточный фронтон церкви представляет собой фахверковую конструкцию. Внутреннее убранство относится к 1696-1700 годам. Резные алтарь и церковная кафедра расписаны в 1841 году. Старинные серебряные сосуды были вывезены французами в 1807 году. Крестильный ангел представляет собой скульптуру из дерева. Перед алтарём находятся могильные плиты пасторов Буеловиса (Buelovius), который умер в 1761 году и Пройса (Preuß), похороненный в 1821 году.

Около кирхи жителями прихода в 1920-х годах был установлен в Грюнхайне Памятник погибшим в годы Первой мировой войны. Памятник представлял собой обелиск в форме параллелепипеда на постаменте из тесаных полевых камней, увенчанный изображением ордена Железного креста. На гранях обелиска были укреплены мемориальные доски с фамилиями погибших на фронтах Первой мировой

войны жителей прихода Грюнхайн.

В районе несуществующего ныне населенного пункта Грюнхайн были похоронены 16 воинов Русской императорской армии, погибшие в ходе боевых действий Первой мировой войны.

22 января 1945 года Фридрихшталь был взят войсками 1-го Краснознаменного танкового корпуса генерал-лейтенанта Буткова Василия Васильевича, приданного 11-й гвардейской армии генерал-полковника Галицкого Кузьмы

Никитовича.

В 1946 году Фридрихшталь был переименован в поселок Солдатово.

На сентябрь 2015 года сохранились лишь руины постамента памятника погибшим жителям Грюнхайна в годы Первой мировой войны. 12 ноября 2016 года группой энтузиастов была расчищена территория вокруг этого памятника, а в районе воинского захоронения воинов Русской императорской армии установлена информационная табличка с надписью: «У поселка Грюнхайн были захоронены 16 чинов Русской Императорской армии, погибших в боях на реке Дейма в августе-сентябре 1914 года».

С большим трудом можно сегодня отыскать осколки фундамента кирхи Грюнхайн.

В посёлке Солдатово, вернее, в бывшем Фридриштале родился архитектор, работавший в Кёнигсберге, в зданиях которого мы часто бываем.

26. Архитектор Ганс Герлах.

Во Фридрихштале 24 февраля 1885 года родился Ганс Герлах, немецкий архитектор и инженер, автор проектов многих зданий Кёнигсберга.

Герлах прожил долгую и непростую жизнь. В 1903 году Ганс закончил школу в Мемеле (ныне город Клайпеда в Литве), изучал архитектуру в Мюнхене, в декабре 1907 года получил диплом инженера в Королевской высшей технической школе в Берлине.

После Первой мировой войны Герлах переехал в Кёнигсберг, где проработал на разных должностях до 1945 года. Одно время архитектор занимался устройством музеев в Южном флигеле Королевского замка. Важно отметить, что в 1924 году весь Королевский замок был объявлен музеем, а через шесть лет оттуда съехали все городские учреждения. В 1928

году в замке проводились реставрационные работы, в организации которых Герлах тоже принимал непосредственное участие.

Судя по всему, он достиг в своей деятельности успеха. Газета «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» его, во всяком случае, хвалила. «Город Кёнигсберг получил новую жизнь благодаря тому, что теперь можно легко увидеть его драгоценные жемчужины», – писала газета 7 июня 1932 года, отмечая работу Герлаха в качестве администратора.

Ну а дальше – мрачный период нацизма, война, штурм Кёнигсберга. Интересно, что некоего Ганса Герлаха, старшего советника по строительству, упоминает в книге «Так пал Кёнигсберг» бывший комендант города Отто Ляш. Он пишет, что этот Герлах (судя по всему, тот самый) находился в Королевском замке до первых часов 10 апреля. Ссылаясь на него, Ляш сообщает, что «гауляйтер Эрих Кох с группой партийных функционеров посетил замок еще 5 апреля, отдав сумасбродное распоряжение вроде того, что надо втащить орудия на башню замка».

Немецкая «Википедия» пишет, что Герлах попал в плен, где находился до 1948 года. Потом он был выслан в Западную Германию. До 1965 года он жил во Фрайбурге-им-Брайсгау, где работал в страховой компании, потом переехал в Эммендинген, а затем – в Рилазинген, где и умер в 1980 году.

По проектам Ганса Герлаха в Кёнигсберге были построены:

- Здание стоматологического института на Альте Пиллауер Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского, 7) в 1928 году.

В этом здании по адресу ул. Дм Донского, 7а в Калининграде, частенько бывают представители туризма и решаются вопросы по делам культуры, поскольку располагается здесь Правительственное учреждение Министерство по культуре и туризму Калининградской области.

Постановлением Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132 здание стоматологического института получило статус объекта культурного наследия регионального значения.

- Здание института растениеводства в 1922-1924 годах на Трагхаймер Кирхенштрассе (ул. Подполковника Иванникова, 1).

Сейчас это административное здание, где располагаются несколько различных организаций от жилищно-эксплуатационного участка до контор, где оформляются удостоверения «Ветерана труда» и определяются с первыми переселенцами в Калининградскую область. В подъезде царит постоянное оживление. Именно в этом здании 2 марта 1951 года открылось Ленинградское отделение Госбанка, а в 1970-х – отделение Строительного банка.

- Здание клиники кожных заболеваний Кёнигсбергского университета на Альте Пиллауер Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского, 5) в 1925 году.

Ныне в здании размещается государственное бюджетное научное учреждение «Атлантический научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии» (ФГБНУ «АтлантНИРО»).

И в этом же здании зародился, можно сказать, Музей Мирового океана. В 1957 году здесь появилась коллекция экзотических рыб, её доставил на БМРТ «Казань» Юрий

Николаевич Иванов из своей первой экспедиции в экваториальную Атлантику. В 1959 году он же создал научный музей «АтлантНИРО» и возглавил его.

Великолепный знаток своего дела, автор и соавтор многочисленных исследований института, научно-популярных статей, кандидат биологических наук Ефим Израилевич Кукуев проводит экскурсии по научному музею. Приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской области от 24 ноября 2016 года № 364 здание клиники кожных заболеваний Кёнигсбергского университета получило статус выявленного объекта культурного наследия.

- Здание медицинской поликлиники на Альте Пиллауер Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского, 3) в 1928 году, используется по прямому назначению, в нем размещается поликлиника Управления внутренних дел Калининградской области.

Постановлением Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132 здание медицинской поликлиники получило статус объекта культурного наследия регионального

значения.

- Здание Анатомического института Кёнигсбергского университета по адресу Штайндаммер Валь штрассе, 47 (ул. Генерала Галицкого, 20), в здании которого конструктивно объединены Учебный институт, сданный в эксплуатацию 15 декабря 1934 года, Научно-исследовательский институт, сданный в эксплуатацию в конце декабря 1935 года, и жилой корпус.

Архитектурное решение

предусматривало различную высоту составных частей здания, обуславливающую примечательную вертикальную композицию.

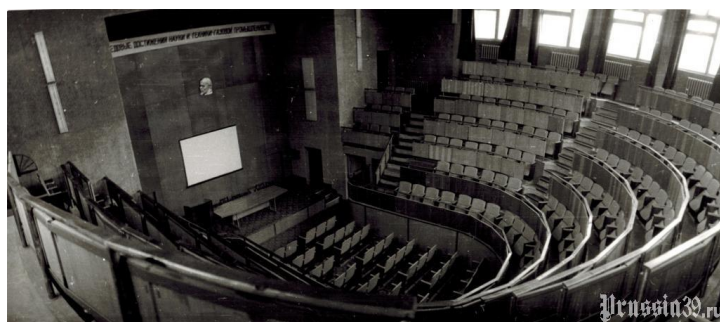

Решение о строительстве здания Анатомического института для проведения современных научных исследований и подготовки студентов было принято Правительством Пруссии в конце 1920-х годов. Местом для строительства была выбрана территория кладбища Росгартенской церковной общины в Кёнигсберге.

Проектирование и выполнение строительных работ осуществлялось под надзором Отдела по строительству Министерства финансов и Правительства Пруссии.

Неблагоприятное строение почвы земельного участка, выделенного под застройку, потребовало сооружения более глубокого основания. 1 августа 1930 года были начаты работы по углублению фундамента; завершившиеся в ноябре 1931 года. В 1932 году строительные работы были приостановлены, 1 апреля 1933 года строительство было возобновлено. 5 ноября 1934 года Учебный институт был сдан в эксплуатацию. 15 декабря 1934 года начался переезд Научно-исследовательского института. В целом здание Анатомического института Кёнигсбергского университета было введено в эксплуатацию в конце декабря 1935 года.

Инженерное оснащение здания включало в себя четыре паровых котла 29 кв. м поверхности нагрева каждый, малый паровой котел с поверхностью нагрева 6 кв.м, два бойлера на 1000 и 700 л, оборудование для дистанционного измерения температуры в помещениях, вентиляционное оборудование из трех независимых контуров с вентиляторами, трансформатор 6000/220 В, 12 аккумуляторных батарей 24 В, звуковую и световую сигнализацию, электрический часовой механизм.

В здании размещались помещения для селекции ткани, фотографирования и рентгенодиагностики, библиотека, аудитории, залы для препарирования, залы для микроскопии, помещения для хранения учебной и научной коллекций, отдел консервации, гардероб с помещением для велосипедов, душевые,

котельная и вспомогательные помещения.

Над входом в Учебный институт была установлена скульптура из ракушечника работы профессора Эриха Шмидта-Кестнера.

Постановлением Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132 здание Анатомического института университета получило статус объекта культурного наследия регионального значения.

Со второй половины XX века и по настоящее время в здании Анатомического института Кёнигсбергского университета размещаются ЧУ ДПО «Газпром ОНУТЦ» и фирма «Калининградгазприборавтоматика».

Теперь мы точно знаем, что несуществующий Фридрихсталь оставил нам огромный привет в Калининграде, благодаря своему уроженцу Гансу Герлаху.

27. Сандиттен – усадьба фон Шлибенов в посёлке Лунино.

Немного о представителе влиятельного рода из Саксонии фон Шлибен, вернее, о представительнице, прекрасной и заслуживающей отдельного рассказа.

Её портрет кисти Антуана Песне украшает дворец Шарлоттенбурга. Наша героиня изображена с лютней в роскошном платье глубоко-синего цвета на фоне пасторального мотива, словно само совершенство соизволило своим почтением

нашего внимания. Знаменитая красавица – Элеонора фон Шлибен, в замужестве – баронесса фон Кайзерлинг.

Прожила короткую яркую жизнь. Была замужем за Дитрихом фон Кайзерлинг (1698 – 1745), полковником прусской службы, близким другом Фридриха Великого, который посвятил памяти его под именем Цезариона несколько стихотворений, происходит от Германа Эрнста фон Кайзерлинга (1625 – 1680). Из потомства его дяди Иоганна фон Кайзерлинга (ум. 1680) наиболее примечателен Георг-Иоганн Кайзерлинг (умер в 1711 году), внук Иоганна, будучи прусским посланником при Петре Великом, женился на его любовнице Анне Монс, редкостной красоты – портретов не

сохранилось, но современники отмечали её особую внешность – заботливой хозяйке, которая была названа «первой идейной дачницей на Руси», но не питавшей нежных чувств к самому государю... Ещё вошли в историю Иоганн-Генрих Кейзерлинг (умер в 1734), брат предыдущего, на посту курляндского канцлера покровительствовал возвышению Бирона (фаворит русской императрицы Анны Иоанновны, регент Российской империи в октябре — ноябре 1740 года); Герман-Кристоф Кейзерлинг (умер в 1755), двоюродный брат предыдущих, перебрался в Пруссию и имел владения; Герман Кейзерлинг (1773—1858), внук предыдущего, преподавал философию в Берлинском университете.

Элеонора Луиза Альбертина Графиня фон Шлибен – Сандиттен была почетной дамой прусской королевы Елизаветы Кристины, жены Фридриха Великого. Она была дочерью королевского прусского главного охотника Георга Кристофа, графа фон Шлибена (1676-1748), сквайра (почётный титул, связанный с доверием) землевладельца Сандиттен в Восточной Пруссии (сейчас посёлок Лунино Гвардейского района) и Элеоноры Люсии фон Илтен (1686-1757), дочери ганноверского офицера, государственного министра и дипломата Йобста Германа фон Ильтена.

С 1581 года Сандиттен принадлежал Георгу Кристофу фон Шлибену. Последующим владельцем имения был Эрнст фон Шлибен (1580-1630). Его внук, Георг Адам (1649 – 1720) – наследник в Гердауне и Норденбурге, прусский верховный главный лесничий (1687) и егермейстер (1714) – получил титул графа в 1718 от короля Фридриха Вильгельма I.

В начале 18-го века Георг Кристоф ведёт в имении строительство дворца в барочном стиле с большим садовым павильоном. Карл фон Лорка перестроил в Сандиттене дворец, у которого в 1830-м году появляется классическое крыльцо с колоннами. Сандиттен становится самым статным представителем зрелого барокко в Восточной Пруссии.

Примечательное событие случилось в этих местах – в ночь с 12 на 13 сентября 1856 года король Фридрих Вильгельм IV останавливался здесь на пути к церкви в Ширвиндте (ныне Кутузово) на её освящение. Несколько лет спустя здесь останавливался наследный принц, а затем и король, которого не стали принимать во дворце, а решили устроить пикник на поляне в лесу...

Размещение монарха было большой честью и прогрессом для Сандиттен. Еще несколько десятилетий ранее нельзя было принимать наследного принца и короля при его проезде в Россию на завтрак, так как не считали замок достаточно достойным. Поэтому наследный принц устраивал пикник в лесу Сандиттена на поляне, которая носила с тех пор имя «Место принца». Георг Кристоф фон Шлибен был назначен в 1718 году придворным

егермейстером, а в 1724 году бранденбургским военным председателем парламента и председателем парламента государственных земель. Когда Фридрих Вильгельм I отправлял его в 1730 году к верховному егермейстеру, то ему оказано было почтение – он жил в охотничьем замке Грюнвальд (Grünwald) в Берлине, где все еще висит портрет кисти Песне, того самого художника, изобразившего его дочь Элеонору.

Последним владельцем Сандиттен был Георг Гюнтер Граф фон Шлибен (1891 – 1974). Георг Гюнтер фон Шлибен по-новому обставил дом после 1-ой мировой войны. Он приобрел мебель из владения Гортензии Бонапарт (Hortense Bonaparte, 1783 – 1837), падчерицы Наполеона, из дворца Арененберг (Schloss Arenenberg) в Швейцарии, которую он приобрел на аукционе.

Замок перенес войну. Потом использовался как тюремный лагерь. В 1951 году был взорван. В 1985 стояли только лишь руины, которые сейчас уже исчезли.

В браке с Дитрихом фон Кайзерлингом у Элеоноры в 1744 году родилась дочка Аделаида Фридерика фон Кейзерлинг, которая выйдет замуж за Иоганна Фридриха фон Альвенслебена, войдет в знатную старейшую немецкую семью и получит титул – дама Альвенслебен. Фридрих II был не только её крестным отцом, он, как говорят, даже носил её ребенком во время крещения на руках.

Вскоре после рождения дочери супруг красавицы Элеоноры умер. Фридрих II позаботился о судьбе вдовы и выступил посредником королевы Елизаветы Кристины Прусской. В её летней резиденции в замке Шёнхаузен округа Панков близ Берлина (официальная резиденция Вильгельма Пика – первого и единственного президента в ГДР) Элеонора блистала до самой своей

ранней смерти – она занималась в замке всем: поддерживала дворцовый уклад, организовывала распорядок дня, играла музыку с королевой и вела жизнь светской дамы.

С 19 декабря 2009 года во дворце Шёнхаузен открыт музей. Дворец принадлежит фонду прусских дворцов и садов Берлин-Бранденбург.

28. Альт-Велау.

Около 400 захоронений пруссов, 13-17 вв. Совсем рядом с посёлком Знаменск. Часть экспонатов из знаменитого памятника археологии, находятся в экспозиции Калининградского историко-художественного музея.

Предлагаем вашему вниманию статью (сообщение на историческом семинаре 31 октября 2003 года «Викинги на востоке» в Калининграде), Анатолия Алексеича Валуева, руководившего археологическими экспедициями при раскопках в Альт-Велау.

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ «ВИКИНГИ» ИЗ АЛЬТ-ВЕЛАУ

Альт-Велау — название небольшого посёлка, разрушенного в годы Второй мировой войны. Здесь на территории пахотных угодий фермерского хозяйства, в 1992 году, автором был обнаружен грунтовой могильник 13 – начала 17 века, получивший одноимённое название. Для изучения данного памятника был сформирован Калининградский отряд Балтийской археологической экспедиции ИА РАН, образованный на базе Калининградского областного историко-художественного музея. Исследования, проведённые в Альт-Велау в 1993, 1996-2001, 2003 годах позволили уточнить, а по

ряду позиций изменить ранее существовавшие трактовки событий, связанных с завоеванием и колонизацией прусских земель Тевтонским орденом.

Появление могильника вблизи места слияния рек Алле (Лава) и Прегель (Преголя) обусловлено постройкой в 1255 году пруссами, надравами, скальвами и ятвягами крепости Видов. Данная крепость должна была препятствовать продвижению войск Тевтонского ордена на восток.

Однако гарнизон крепости вместе со своими военачальниками вскоре сдался на милость победителей, приняв христианство и принеся присягу на верность. В последующие годы крепость неоднократно отражала набеги ятвяжских, а позже литовских племён. Эти факторы, вероятно, во многом обуславливают лояльное отношение администрации Ордена к тому, что местное коренное население ещё несколько столетий продолжало сохранять элементы языческих традиций. С 1316 года Альт-Велау известен как поселение с киркой и водяной мельницей.

Кирка была построена на возвышенной части старого прусского могильника и просуществовала до 17 века. В 30-х годах 20 века вблизи Альт-Велау началась добыча песка и гравия. Карьерные работники разрушили могильник римского времени и

частично затронули поселения раннего железного века. Об этом сообщают сохранившиеся документы «Prussia-Museum» Кенигсберга, хранящиеся в архиве музея до- и протоистории (замок Шарлантенбург, г. Берлин). Кроме того, в ходе осмотра территории вблизи Альт-Велау в это время, местными историками и сотрудниками «Prussia-Museum» были выявлены находки эпохи камня, курганы – поздней бронзы, грунтовой могильник раннего железного века. На пашне, под камнем, обнаружен

клад – включавший: однолезвийный меч, наконечники копий и нож со следами пребывания в огне, которые предварительно датировались эпохой викингов.

Прусы — пурсы Балтийского моря. Вооружение и украшения. Прусы, наряду с летописной Русью, и есть ядро русов внутри большого этнокультурно-языкового ядра суретности. С меньшим умением и тщанием они хранили дружинно-княжеский уклад русов-ариев Северного Причерноморья. Прусы были отменными воинами и организаторами. На них пришелся самый тяжкий удар романо-«германской» экспансии с юга. Прусы были жестоко разбиты и подавлены превосходящими силами наемных «императоров», которых Ватикан с легкостью ставил и смеялся по всей Западной Европе. Рим действовал мечом, огнем и иезуитской хитростью. Его «крестовые походы» были смертельно опасны для русов и славян.

Раскопки, произведённые Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции, позволили выявить и изучить позднесредневековый грунтовой могильник. Установлено, что захоронения, производившиеся на данной территории в 13 – начале 17 веков разрушили поселенческие культурные слои раннего железного века, римского времени, курган эпохи поздней бронзы.

Зафиксировано местонахождение поселения 14 – начала 15 веков и небольшой вально-земляной крепости, защищавшей Альт-Велау с востока.

В ходе раскопок могильника до настоящего времени изучено 398 захоронений 13 – начала 17 веков, произведённых по обряду ингумации. Наибольший интерес представляют погребения 13-15 веков,

содержащие значительное количество инвентаря. Мужские погребения данного периода в большинстве случаев содержат предметы вооружения - наконечники копий и дротиков, боевые топоры, предметы быта, детали одежды.

В ходе проведения реставрации, установлено, что до 30% наконечников копий и дротиков из погребений 13-14 веков изготовлены по технике дамаскирования, традиционной в 10 - начале 11 веков.

Из всего массива воинских захоронений можно выделить погребения знати – 15 нобилей или глав родов «конгос». Высокий социальный статус погребённых подчёркивает нахождение среди инвентаря – мечей и парадных «рыцарских» поясов, украшенных пряжками и накладками, плакированными серебром. Приняв христианство и принеся присягу на верность Ордену, местная прусская знать получала и права, равные рыцарским. Значительные привилегии имели и свободные пруссы, находящиеся на военной службе у Ордена. Техника плакировки элементов парадных поясов позволяет с полным основанием говорить о возрождении в конце 13 - начале 15 веков в Пруссии технологий эпохи викингов.

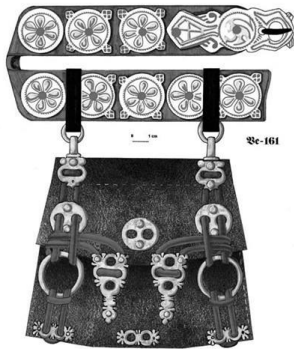

Рис. 1. Реконструкция пояса и сумки из погр. 161
группного могильника Альт-Веллау/Пруданс.

94

Рис. 2. Фото и прорисовка детали ножен меча № 1067
из культурного слоя города Löbenicht.

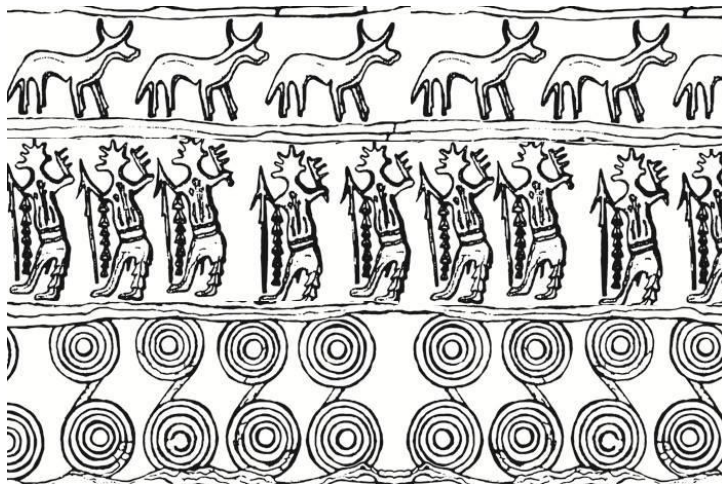
95

Орнаменты накладок и пряжек поясов, помимо различных вариантов, созданных на основе христианской символики, воспроизводят и традиционные для скандинавских и балтских народов геометрические и растительные мотивы, изображения священных мифических зверей и животных, в так называемом стиле «гландо».

На пряжках двух поясов, изготовленных и орнаментированных в подражание

европейским рыцарским поясам, в центральных медальонах, вместо изображений грифонов, имеются стилизованные изображения козла (в Балтии священных животных, посвящаемых богу Перкуно, а в Скандинавии мифических спутников бога Тора).

Из разрушенного захоронения знатного воина, обнаруженного при разборке фундаментов недостроенного фермерского дома, происходят парадные шпоры и часть поясного гарнитура, плакированные серебром и украшенные орнаментом в стиле «гландо», в виде бегущих зверей.

Среди мечей, обнаруженных в ходе раскопок в Альт-Веллау, необходимо выделить меч из Погребения № 157 и разрушенного захоронения 13-14 веков, относящиеся к типу Т.-I (по Я.Петерсену), с трёхчастным навершием рукояти. Навершия и перекрестья мечей сохраняют следы серебряной плакировки в виде линейного и точечного орнамента, характерного для первой четверти 11 века.

Меч из Погребения № 150, с шайбовидным бронзовым навершием (Тип VI по А.Н. Кирпичникову) имел следы пребывания в огне и подвергался ритуальной порче. Сломанные части лезвия были сложены в виде косоугольного креста. Более 20 воинских захоронений содержали наконечники копий или дротиков со следами пребывания в огне, сломанные или согнутые (ритуальная порча).

Среди находок, выделенных как ранговое и ритуальное оружие, необходимо отметить каменный топор-молот из Погребения № 278. Молот крепился к деревянной рукояти

при помощи железного гвоздя. Второй подобный молот с остатками рукояти и железным гвоздём происходит из разрушенного захоронения.

Следы износа на рабочих поверхностях топоров-молотов позволяют сделать выводы об их длительном использовании в качестве жертвенного оружия, связанного с культом Тора или его балтского аналога – Перкуно. В ходе раскопок полевого сезона 2003 года в Погребении № 382 найден топор из рога оленя. На одной стороне топора сохранился прорезной орнамент из

скрещенных линий и, кроме того, просматриваются следы надписи (возможно рунической). Лезвие топора значительно затуплено (при исполнении ритуальных обрядов).

В инвентаре женских погребений 13-14 веков необходимо выделить одну бронзовую и три серебряных плетёных подковообразных фибулы с коваными наконечниками в виде стилизованных голов козлов. Значительное количество подковообразных фибул из женских погребений данного периода - спиральные, иногда с гранёными или «маковидными» головками, имеющими аналоги в 10-11 веках.

На основании анализа полученных в ходе раскопок в Альт-Велау данных, можно сделать вывод о том, что в 13 – начале 15 веков на этой территории прослеживается возрождение ранних скандинавских традиций «ренессанс эпохи викингов». Вполне вероятно, что это происходило по инициативе местной знати – потомков предводителей прусских дружинных формирований, предками которых являлись выходцы из Скандинавии и которые старались выделиться из состава «прошлого» населения поселенцев из Скальвии и Ятвягии.

АНДРЕЙ САВЕЛЬЕВ «Прусы: эксперимент, поставленный историей».

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ

Имя “прусы” – не самоназвание. Так пруссы себя никогда не называли. Самоназвания относились к дружественным племенным союзам, идентифицируемым по территориям, – сембы из Самбии (прусс. “земля”), натанги из Натангии и т.д., а также по именам прусских родов. И это свидетельствует об отсутствии государственной самоорганизации, которая обязательно дала бы пруссам общее самоназвание. Прусы были только родственным племенным союзом.

Прусы называли свою землю “Островное царство” (“Ульмигания”, “Ульмигерия”, “Ульмеригия” - в готском варианте) – полуостров Самбия считался до XII века островом, ограниченным водами Балтийского моря и реками Преголя и Дейма. В

целом же прусские земли в период максимального могущества простирались от Вислы до Немана.

В начале нашей эры германцы называли жителей этой территории “эстии” – живущие на востоке, а германские историки до IX века называли эту землю “Эстланд” –

восточная страна. (Никакой этнической связи с нынешними эстонцами здесь не прослеживается.) В эпоху Юлия Цезаря кельты и германцы именовали эту землю также “Озерикта” и “Аустравия” – восточная страна. Это имя означало лишь границу известного европейцам мира – не более того.

Имя “прусы” повторяется в разных языках. Возможно, оно идет от санскритского purusah – “человек”, отзвуком повторяясь в готском - “prus” (конь, мерин) и древнеславянском (конь, кобыла) – пруссы были искусными коневодами и содержали табуны белых священных коней, приносимых в жертву богам. В то же время готы (V в.) и некоторые германские историки (вплоть до XIV в.) именовали западную часть прусских земель как

Витланд или Вейделант (“страна мудрецов”), возможно как-то связывая это название с прусским святилищем Ромове, имевшим общебалтское значение.

А немецкой историографии сложилось представление о том, что пруссы – народ, живущий по Руссу, как назывался Неман в нижнем течении (сегодня сохранилось название одного из рукавов реки – Русны/Русне). Средневековые источники дают основание для толкования термина “пруссы” как “живущие перед русами”.

Иноземное наименование “Пруссия”, вероятно пошло от “Боруссия”. По немецкой версии от “Брутения” (brote, прусск. – брат) – в соответствии с легендой о пришествии в этот край Брутена – верховного жреца, брата военного вождя Видевута. По версии Ломоносова – от “Поруссия”, пограничная с Русью территория. По версии русского лингвиста О.Н.Трубачева это название было созвучно имени близкородственного пруссам племени “фризов” - западногерманским племенем, обитавшим на территории нынешней Голландии. Пруссы и фризы имели почти идентичную общественную структуру и внешний вид.

Индоевропейцы – “шнуровики”

Стремительному приходу индоевропейцев в эти края в конце III тысячелетия до н.э. местные малочисленные рыболовы ничего не могли противопоставить – они просто исчезли, скорее всего, разбежались или были истреблены. Индоевропейцы владели

луками и боевыми топорами, приручили лошадь. И они стали хозяевами этой земли. Здесь возник новый очаг “шнуровой” культуры.

На Горе Грома – огромной песчаной дюне (близ южной окраины города Пионерский) индоевропейцы основали свое святилище – под огромным дубом. Здесь же позднее пруссы хоронили своих священных коней (их остовы были приняты немецкими переселенцами за останки великанов и гора получила другое название – Гора Великанов). Вблизи поселка

Прибрежное (Балтийский район Калининграда) найдено долговременное поселение “шнуровиков”, где стены домов представляли собой ряд вертикально вбитых столбов, плотно прижатых друг к другу.

Загадка археологии – как “прыгнули” индоевропейцы из Северного Причерноморья на балтийское побережье, не оставив по пути следов своего присутствия? Свою роль, по-видимому, сыграл географический фактор – с юга Самбийский полуостров был

надежно закрыт непроходимыми лесами и болотами. Поэтому индоевропейцы сначала освоили Русскую равнину, а в Янтарный край проникли вдоль побережья или по морю – на стоянках первых индоевропейцев III тыс. до н.э. на Куршской косе были найдены остатки судов.

Индоевропейская экспансия связана, по всей вероятности, с резким изменением жизни в широкой степной полосе от Причерноморья до Южного Урала (а возможно и до монгольских степей), которое было обусловлено приручением лошади, изобретением колеса и упряжи. Лошадь позволила степнякам высвободить огромные человеческие ресурсы скотоводов, которым теперь не было необходимости содержать огромный “штат” пастухов. Облегчение

условий труда привело также к росту численности степняков, которые начали распространяться за пределы своей ландшафтной ниши. Изобретение стремени привело к образованию вооруженного тяжелым оружием конного войска, а изобретение колесниц дало мощное преимущество ариям, вторгшимся в Индию. Индоевропейцы распространились всюду, где имели возможность пасти скот.

Самбийский полуостров был заселен индоевропейцами, но скудость здешней природы не дала им шанса сделать новый шаг в развитии – образовать государство. Военную и экономическую “конкурентоспособность” жителей янтарного края подрывало отсутствие собственных источников бронзы, из которой в ту эпоху изготовлялось оружие и орудия труда. Ландшафт диктовал возвращение к рыболовству и увядание воинского духа вместе со стабилизацией численности населения.

Очарованность первых индоевропейцев янтарным камнем, вероятно, привела к его обожествлению и выведению из возможного обменного оборота с другими племенами. “Солнечный камень” связывался с индоевропейскими солнечными божествами (позднее у пруссов – Перкуно, славянский Перун).

4. Parcunus Parchimensis
Reproduktion des Originals bei von Westphalen

Первый известный нам этнический кризис на землях Янтарного края был пережит через утрату священного отношения к янтарю и превращению его в средство обмена – в эпоху бронзы и раннего железа (II-I тысячелетия до н.э.) число находок янтаря в погребениях возрастает по мере удаления от Самбийского полуострова. Одновременно можно проследить связи со славянскими землями – множество янтарных украшений в неолитических поселениях Новгородской земли.

Со сменой старых верований сменяется и ритуал захоронения. От индивидуальных захоронений во II тысячелетии до н.э. переходят к кремированию – культура самбийских курганов складывается вокруг единого центра в районе нынешнего города Пионерского. (Аналогичные курганы обнаружены в окрестностях Калуги).

Волна переселенцев двинулась в Пруссию с середины XIII века до н.э. с запада, из-за Вислы. Возникают поселения “лужицкой” культуры, которые, вероятно, не рассматривались как враждебные, поскольку имели близкий культурно-антропологический тип и были малочисленны. К югу от поселка Янтарный обнаружено единственного обособленное “лужицкое” поселение. Вероятно, именно от него элементы лужицкой культуры распространились среди остального населения. Здесь, судя по богатому присутствию в захоронениях, янтарь рассматривался как великая культурная ценность. Возможно “лужицкие” переселенцы просто вернули “шнуровикам” сохраненное культурное наследие.

Сложение “торгового” и “священного” типов субкультур дало новое качество – западнобалтскую культуру курганов, где кремированные останки размещались в “каменных ящиках” (поселок Отрадное западнее Светлогорска). К середине I тысячелетия до н.э. культура такого рода захоронений распространяется от побережья на юг и восток – в Мазурское Поозерье и на правый берег Немана.

Вероятнее всего, “лужичане” были малым воинственным племенем, давшим миру “шнуровиков” новый импульс развития и растворившимся среди них – в

противном случае мы видели бы крах культуры “шнуровиков” и замену ее иным культурным присутствием.

Эстии

Во времена, когда о Янтарном крае становится известно Нерону (середина I в. н.э.), янтарь снова является предметом торговли. По свидетельству Плиния Старшего, янтарь в огромных количествах вывозят в Римскую империю. Позднее Корнелий Тацит также описывает эстиев как собирателей янтаря, которые не задумываются о его происхождении и сами никак не используют. Интересно описание Тацитом эстиев: “Итак, правым берегом Свевского моря омывается земля племен эстиев, у которых обычаи и внешний вид как у свевов, а язык похож на британский. Они поклоняются матери богов и носят как символ своих верований изображение кабана.

7. Percunust — laut Cleemann gleich Parchum
Reproduktion der Abbildung bei Franz
nach dem Original von Masch-Wogen

Это у них заменяющая оружие защита от всего, гарантирующая почитателю богини безопасность даже среди врагов. Они редко пользуются железным оружием, чаще же дубинами. Над хлебом и другими плодами земли они трудятся с большим терпением чем нежели это соответствует обычной лености германцев”.

Здесь Тацит смешивает описание нескольких сословных образов – безоружный жрец с амулетом кабана (исключающий железо как “нечистый” металл), сельский труженик с дубиной и воин с железным оружием. На связь с кельтами указывает особенность языка и поклонение Матери богов, а также

изображения кабана.

В связи с готским нашествием возникает второй этнический кризис населения Янтарного края. К концу I в. н.э. культура насыпных курганов перемещается восточнее Немана до верховьев Оки, бывшие “эстии” заселяют территории нынешней Московской и Калужской области - многие реки и ручьи здесь носят балтские имена. Это часть бежавших от

нашествия готов прусских родов могла мигрировать к своей прародине, к близко знакомым родовым сообществам. Считается, что именно эти переселенцы были известны здесь под именем “голядь”.

Оставшаяся часть “эстиев”, как и мигрировавшая, утратила свои культурные традиции, но не была уничтожена готами, вынужденными свои главные силы отвлекать на войну со скифами. Устойчивое поселение готов III века зафиксировано

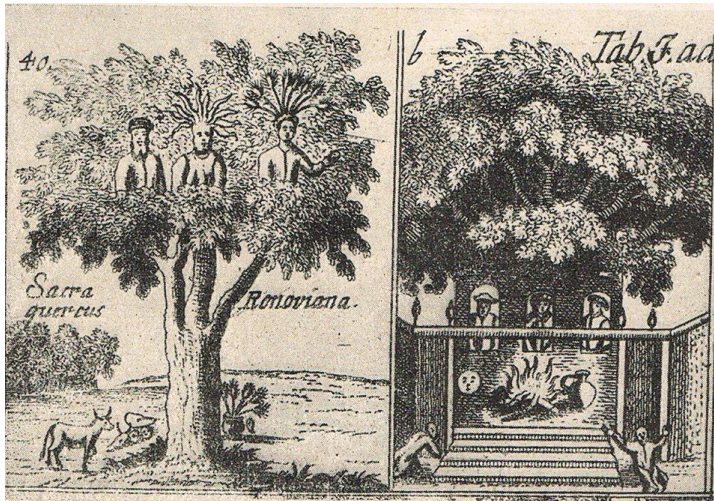

лишь на периферии Янтарного края – в районе сохранившегося орденского замка Бальга (прусская крепость Хонеда VI в. пала в результате предательства после 2-х летней обороны). От готской топонимики осталось лишь название города Хайлибергайль (нынешнее Мамоново). Готское слово halba (“половина”), обозначавшее в V в. пространства к юго-западу от города. Прусы же называли окрестности города Швентомест (“святой город”) – здесь рос священный дуб пруссов, а река называлась Банава (“светлая, святая”).

От готов перенимается характерный орнамент керамики, фиксируемый в Самбии

III-IV вв. Янтарь, прежде почитаемый как священный камень (находки жженого янтаря в святилище Шведеншанце севернее нынешнего поселка Романово), снова становится предметом торговли – в III-V вв. формируется Янтарный путь: по реке Хёлле от Горы Великанов, огибая Самбийский полуостров до устья Вислы (kvisl – древнегерм. “устье”) и к ее истокам, далее – выючная переправа к берегам Дуная и сплав на ладьях до римской крепости Карнутум (предместья современной Вены), откуда сушей янтарь доставлялся до североиталийского города Аквилея.

Можно с уверенностью сказать, что никакого смешения с германскими племенами не произошло. Небольшие группы германцев около 250 г. ушли с границ расселения эстиев ближе к границам Римской Империи. С запада и с востока от смешения с другими племенами эстиев уберегали мощные лесные массивы, за которыми, как считалось, лежат владения подземного бога Патолса. Название реки Pregora переводится с древнепрусского как “текущая из нездешнего мира”.

6a. Percun — laut Cleemann gleich Parchum —
zwischen Picollus und Potrimpus im Haine von Romowe
Reproduktion der Abbildung bei von Westphalen
nach dem Original bei Hartknoch

Смешение происходило в стороне от Самбии, за лесным массивом – на нынешней Эльблонгской возвышенности, где осели остатки готов и гепидов, а также других племен, бежавших от гуннов (из их армий или от их армий) – их историй Йордан называет видивариями (что на древнегерманском означает “вещие воины”), фиксируя тем самым новый очаг этногенеза и новую сакральную традицию.

А возможно и путая географию, примешивая к жизни беженцев святыне для пруссов места – святилище Ромове с огромным городищем 205x182 м. и

валом высотой 6,5 м (городище у поселка Липовка вблизи поселка Мамоново). Священный дуб в святилище был разделен на три части, в каждой из которых было окно с кумиром одного из триады прусских богов.

В V веке на Европу накатываются полчища гуннов, которая затрагивает Янтарный край своеобразно – воины-эстии принимают участие, как считается, в гуннских походах и войнах с Римом. Подчиненность Атилле самой территории проживания эстиев при этом носила скорее формальный характер.

Весьма вероятен и другой сценарий возникновения профессионального прусского воинства – римский. Именно Рим рекрутировал в свои войска дружины эстиев, хорошо знакомых в Империи по янтарной торговле. Эстии не могли покориться эмиссарам гуннов в силу их совершенно иного культурного и антропологического типа. Контакты же с римлянами имели вековую историю и, возможно, эстии и в прежние времена шли на службу императорам небольшими отрядами. Можно предположить, что главное святилище пруссов Ромове было пантеоном, устроенным ветеранами римских легионов, которые всегда становились зачинателями культов, обретенных ими в походах (это хорошо известно по культу Митры.)

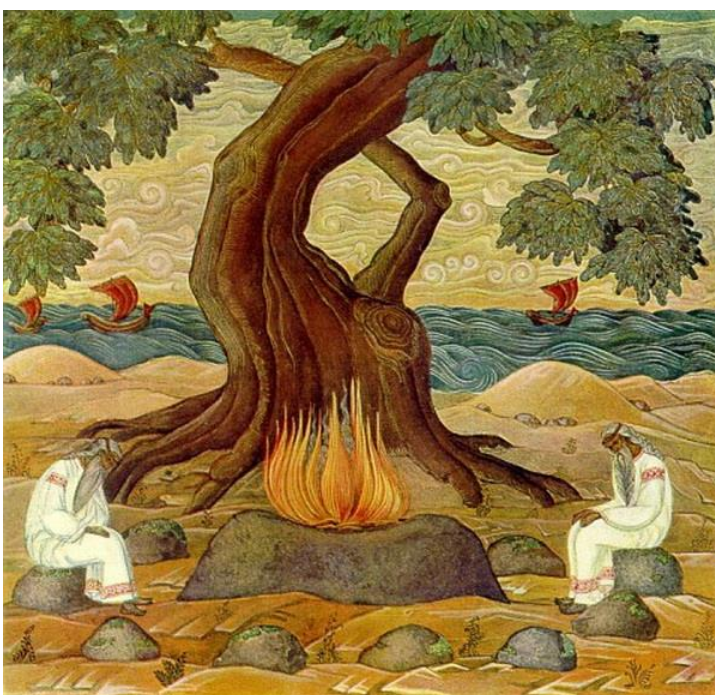
В Самбию сброд беглецов и переселенцев не пустили, но восприняли от них германский инвентарь погребений и некоторые легенды – в частности, о пришествии князей Видевута и Брутена. От бывших римских легионеров жители Янтарного края переняли военное снаряжение – форму боевого шлема и прямой римский щит. От переселенцев-кочевников и вернувшихся из далеких краев воинов в быт прусских дружин вошли разгульные степные нравы с многодневными пирами и многоженством.

ПРУССЫ

С появлением воинов-ветеранов, возвращавшихся из многолетних походов, возник новый кризис – воины знали иных богов и не могли уважать местных обычаев. К концу VI в. власть старейшин сменилась властью прусских вождей. По канонам римского военного лагеря пруссы стали строить городища с укрепленными валами и рвами.

Хаос межплеменного смешения по соседству с пруссами усилился набегом авар и союзных им германских племен на западную часть Мазурского Поозерья в 566 году. Пруссy же, согласно “Прусской хронике” Симона Грунау, предпочли откупаться от аварских союзников данью – не только копченой рыбой и янтарем, но и своими детьми. Можно предположить, что практика “дани детьми” на самом деле означала совершенно иное, чем принято считать – отправку подрастающих мальчиков на воспитание своим коллегам по прежним походам, которые еще не вернулись к оседлой жизни и лучше сохранили воинские навыки.

Согласно легенде, пруссы, платившие дань мазонам, в 550 году отказались повиноваться. Мазовецкий князь Антонес в союзе с королем Роксолании (Подунавье) выступили против прусского князя Видевута. Прусское войско было разбито. Тогда братья Брутен (верховный жрец) и Видевут (князь) созвали в святилище Ромове представителей высших сословий. Разразившаяся во время жертвоприношения гроза была истолкована как воля бога Перкуно,

обещавшего помощь пруссам. И действительно, мазоны были разбиты пруссами, и князь Антонес послал к Видевуту своего сына Чанвига с предложением мира. Чанвиг в знак мира принес богам в жертву белую кобылицу. С тех пор белые лошади были объявлены священными.

В 573 году Видевут и Брутен (первому было 116, второму – 132 года) решили разделить Брутению между наследниками. Видевут передал своему сыну Литтпо страну Литауен (Литву), Замо поручил во владение Земланд (территория Калининградского полуострова). Получили части страны и еще десять сыновей, а также три дочери Видевута. Был выбран новый верховный жрец Брудано. После этого братья-старцы взошли на костер – боги призывали их к себе.

Одна из немецких хроникальных историй гласит, что после побед Видевута пруссы испытывали трудности – природная среда не могла прокормить все население. (К тому же V век был отмечен резким похолоданием климата в Европе). Поэтому в земле Галиндии действовал закон умерщвления рожденных девочек. Кончилась эта демографическая затея плохо – пруссы были разбиты сначала христианским войском, потом соседи судавы опустошили Галиндию. Эта легендарная история показывает, что пруссы всегда жили в крайне жестких климатических условиях.

Крайне невзрачно выглядело жилище пруссов. Оно представляло собой сруб овальной формы, сооруженный на каменном венце и крытый соломой. В центре жилища находился открытый очаг, ограниченный камнями – он служил одновременно и для обогрева и для приготовления пищи. Дым выходил через отверстие в крыше или стене. Стены и потолок были покрыты слоем копоты.

Непомерные материальные затраты на умиротворение мазурских князей привели к оскудению прусских земель в VI-VII вв. Но в конце VII века прусское войско разбило соединенное войско мазур и авар (место битвы точно не установлено – где-то на юге Правдинского района) – благодаря возвращению своих отданных на воспитание детей, ставших умелыми воинами. Эта победа отмечена мировой историей появлением имени “пруссы”, а для пруссов стала поводом перенять от аварских воинов их внешний вид.

Судьба пруссов не пошла по пути, обычному для других народов. Военная победа не привела к узурпации власти военными вождями. Приписанная воле прусских богов, она дала в руки жреческого сословия бразды правления. Верховные жрецы получили священное культовое имя, передававшееся из поколения в поколение – Криве-Кривайтис. (Не это ли имя перекочевало вместе с сембами на Русь, где жили

кривичи, наследуя также имя прусского племени кривингов, обитавшего на Куршской косе?) Прусские племена при этом жили по-прежнему обособленно, не подчиняясь так и не возникшей здесь единой государственной системе.

Дружинно-племенной характер прусского социума позволил им мирно уживаться с викингами, которые зачастую входили в состав прусских дружин – об этом свидетельствуют находки в могильнике VII века Кляйнхайде (на северной окраине нынешнего Гурьевска) – захоронение знатного воина с двумя соратниками в виде каменной ладьи характерно для

Южной Скандинавии.

В то же время викинги служили своеобразному отбору, снижавшему вероятность государственной самоорганизации пруссов.

В конце IX века набег викингов (возможно, и самих пруссов) разорил торгово-ремесленный центр Трусо (близ нынешнего польского Эльблонга), где к тому же было множество торговцев и ремесленников непрусского происхождения. Викинги, таким образом, были также и своеобразными селекционерами, хранившими чистоту прусской породы. Вполне возможно, что среди викингов было множество пруссов,

которые не хотели видеть своих единоплеменников заимствующими чужие нравы.

Побережье Самбии всегда было открыто для свободных воинских дружин. К тому же у скандинавов и пруссов были общие боги –

исследователи обнаружили идентичность между прусским святилищем Ромове (прусск., “чистое место”), располагавшимся близ нынешнего поселка Липовка (Багратионовский район) примерно с V века, и шведским Уппсала.

Близость к кельтам, а затем к викингам, позволяет выдвинуть гипотезу о единой этнической истории, в которой пруссы были не периферией, а центром северных культов – своеобразной базой, тихой гаванью для странствующих по морям дружин и оседавших в далеких краях переселенцев.

Дружинная добыча была скорее предметом обмена, который происходил в конце лета вокруг цитадели Кауп

(сканд. “торжище”) у поселка Моховое близ Зеленоградска, где в X в. на “ярмарках” встречались дружинники с разных концов Балтии. Этот центр был окружен цепью святилищ, в которых “отмаливались грехи” походной жизни – в соответствии с нюансами верований каждого пришлого отряда. Попытка христианизаторской миссии

Войцеха-Адальберта в Каупе (997 год) кончилась трагически – он, как осквернитель, был принесен в жертву языческим богам.

На рубеже тысячелетий заканчивается очередной цикл истории пруссов. В 1010 году польский король Болеслав Храбрый уничтожил святилище Ромове и убил верховного жреца – как считается, в отместку за убийство причисленного к лику святых Войцеха-Адальберта. Жрецы перенесли святилище на левобережья реки Преголи (близ нынешнего Междуречья, поселок Бочаги).

Новое святилище представляет собой крупнейшее сооружение в Северной Европе той эпохи – площадка укреплена двумя валами высотой до 15 м.

“Ритуальная чистота” (отсутствие

культурного слоя) подчеркивает культовое назначение городища.

В 1016 году датский конунг Канут Великий сжег Кауп. Но дружинные поселения вокруг него просуществовали еще столетие – поселки Варгенава (прусск., “поселок варягов”) и Бледава (нынешние Малиновка и Сосновка Зеленоградского района). Последние викинги, бежавшие от Вильгельма Завоевателя и других королевских правителей, нашли свое пристанище именно здесь. К концу XI века исчезают захоронения в ладьях, из могильников

исчезают захоронения коней (характерные с III в.), захоронения становятся предельно скромными, исчезает обряд кремации.

Морские дружины, лишенные баз на побережье, превращаются в пешие и уходят на службу князьям Польши, Литвы и Руси. Можно предположить, что под именем “варяги” они переселялись на Русь целыми родами. Возникает столетняя пауза, в течение которой “воспроизводство” профессиональной дружины прерывается.

Привычный поток добычи с моря иссяк, культурный стереотип требовал изменений – прежде всего, перехода к земледелию. С выдвиганием на первый план земельных отношений начинает складываться протогосударственная структура и сравнительно быстро растет численность пруссов. Группы родственных семей живут хутором, управляются старейшиной и владеют наследуемыми угодьями лакусами (лакус - прусск. “поле”). Группа хуторов образует полку (полка – прусск., “волость”) с округлым городищем в центре, где проводилось народное собрание, и осуществлялись жертвоприношения.

Волостью управляла “господа” – выборный орган, состоящий преимущественно из жрецов. Городище обычно состояло из двух частей – для постоянного пребывания выборных властей и для укрытия окрестных жителей в случае опасности.

Лишенное дружин прусское оседлое население не смогло оказать сопротивления вторжению польского короля Болеслава III зимой 1110-1111 гг. Затем прусское ополчение вынуждено было вести непрерывные сражения с пограничным польским княжеством Мазовия в землях Любавия и Хельминская юго-западнее мазурских озер.

Дружинная мощь пруссов восстанавливается, что позволяет им давать отпор польским вторжениям и расширять свои владения к востоку и югу, осваивая прежде запретные территории лесной пустоши. Войны поляков с пруссами казалось завершились в 1166 году разгромом польского войска. Теперь уже поляки страдали от прусских набегов. Расширяются земли Натангия, Вармия, Погезания, образуются земли Помезания, Бартия и Надравия. К концу XII века под их влияние попадают восточные соседи-родственники – скальвы и ламаты.

В X-XI вв. близкие пруссам воинственные судавы-ятвяги совершают набеги на Русь, что вынуждает Ярослава Мудрого ставить в верховьях Немана крепости.

Пруссы так и не смогли освоить территории к югу и востоку от Самбии и Натангии – многие городища не достроены и не имеют культурного слоя, могильники пруссов XII-XIII вв. здесь практически не встречаются. Расширение прусской экспансии было остановлено крестовыми походами против пруссов.

ПРУССЫ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Близ Светлогорска (немецкий Раушен) имеется речка с прусским именем Русис (Русс в немецких записях). По имени речки именовалась и прусская волость – Rusemothe (mothe – прусск., группа поселений). В датских и немецких источниках XII в. присутствуют многочисленные упоминания земли Ruzzia, Ruscia, скорее всего расположенной по реке Руса (Русне/Русс). Отнести эти упоминания к Новгороду, как считают историки, затруднительно или вовсе невозможно.

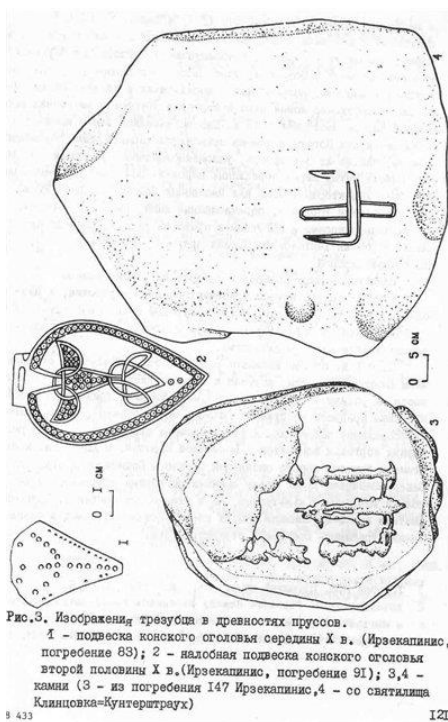

На немецкой карте Пруссии Хеннеберга 1576 г. Русь относится к названию реки при перечислении рек дельты Немана: Russe sive Holm (“Руса, или Хольм”, “хольм” - сканд., остров). Первое в истории упоминание Литвы связано с описанием мученической смерти св. Бруннона-Бонифация в 1009 г. на границе “Руси и Литвы” (первым немецкий хронограф должен был

назвать ближайшую территорию). Св. Бруннос прибыл в Скаловию (Sclavia – также

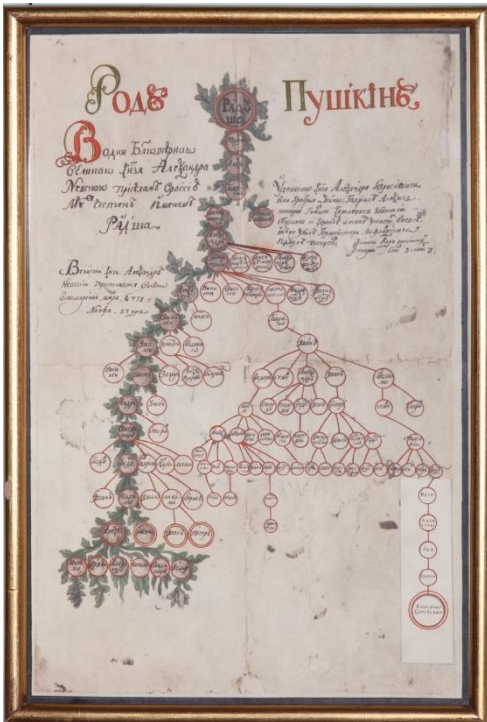
напоминает “склавины/славяне”) с миссией к языческому правителю Нетимеру, которого св. Петр Дамиан называет “королем русов” (regem russorum). Отражением того же названия служит и древнейший поселок - нем. Rossitten (прусск. “Малая Русс”, совр. Рыбачий на Куршской косе), возникший вокруг орденского замка Rositten, возведенного на месте прусского святилища Rosa. Может быть, это было одно из владений племени русов, которым принадлежал и также прусский центр Кауп, вокруг которого была создана цепь святилищ.

Древнейший герб Киева – трезубец найден выбитым на камне во многих местах Самбии. (Вероятно, он символизирует триаду древне-пруссских богов: Перкуно – бог молнии и грома в огненном венце, Потол – бог-старец, бог подземного мира и смерти с мертвыми головами человека, лошади и коровы в качестве атрибутов, Потримп – бог-юноша, бог рек, источников и плодородия.) Древнерусские приднепровские погребения идентичны самбийским. Древнерусские летописи говорят как о том, что Рюрик был призван новгородцами не из Швеции, а из Пруссии, так и о том, что древнерусские знатные рода - прусского происхождения (Полное собрание русских летописей, т. 7, 1856; Бархатная именная книга русских царей, Русская геральдика, 1855, 1990). Мало того, одним из предков Романовых признается некий Глянда - типично прусское имя.

прусское имя.

На связи Янтарного края с Русью указывает находка в могильнике Гросс-Фидрихсберг X-XI вв. (обнаруженная при строительстве форта в XIX веке, Кенигсберг) захоронения вождя в железном шлеме, покрытом бронзовыми золочеными пластинами. Такой шлем считается принадлежностью древнерусских князей. Возможно, этот шлем был получен в награду за службу в русской дружине.

В своей автобиографии Пушкин писал: “Мы ведем свой род от прусского выходца Радши, или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества святого Александра Ярославовича Невского. От него пошли Мусины, Бобрицевы, Мятлевы, Поводовы, Бутурмены...” И хотя эта версия опровергается историками, мы не можем отбросить ее, хотя бы потому что великий поэт был ближе к своим корням исторически и мог иметь в распоряжении позднее утраченные документы и свидетельства историков своего времени.

Один из предков царского рода Романовых носил имя Андрей Кобыла, которое без перевода на древнеславянском звучало как Андрей Прусс.

Летопись подтверждает его приход из Литвы, через которую лежал путь прусских родов на Русь.

Историки предполагают, что скандинавско-прусская дружина “датского” (а скорее физско-прусского) князя Рюрика в IX в. получила владения, закрепив за ним свое родовое название – Русь. В X веке пруссы окончательно покидают Кауп. Переселение состоялось в закрепленные во владение земли, где первоначально русами звались только

представители знатной военной верхушки – витязи (сканд. *wiking* было заимствовано пруссами как *witingis*, после чего у русских трансформировалось в “витязь”). Позднее это название распространилось на весь народ. Не случайно древнейшая улица Новгорода называется “Прусской”, что не связано с возникшей только после XIII в. торговлей с орденом прусским государством.

Приведенные свидетельства указывают на особую роль прусской земли в истории России. Вероятно, можно говорить о культурной трансляции римской государственной парадигмы через Пруссию на Русь, противопоставляя ее принятой многими историками концепции монголо-татарской модели государственности, будто бы принятой на Руси во время ига.

Римская модель, перенесенная воинским сословием из Пруссии, является прямым предшественником модели Российской Империи. Россия преемствует имперскую

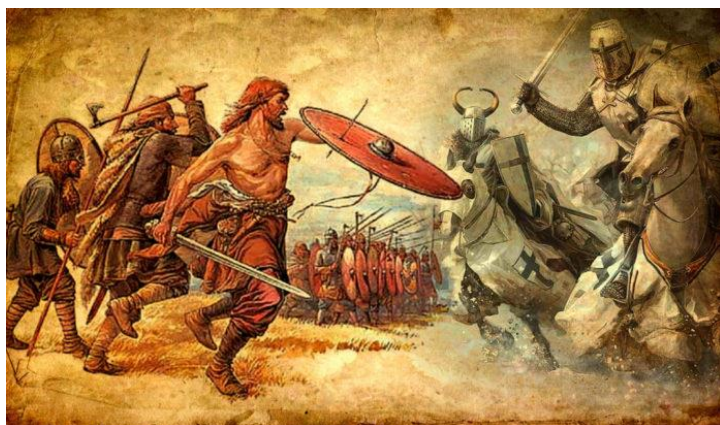
жреческо-царскую модель от Византии, а аристократическую-воинскую – от Рима и Пруссии.

Сопротивление тевтонскому завоеванию

Три фактора подорвали обороноспособность пруссов против орденского нашествия: слабость самоорганизации (отсутствие государственной системы) и слабость экономическая (и как следствие – малочисленность прусских племен). Прусы не успели не только создать своего государства, но и освоить земледелие – орудия труда были примитивны, отчего численность пруссов оставалась незначительной.

История столкнула на прусских землях две нарастающие силы – прусские дружины предгосударственного племенного союза и войска феодально-католической польско-германской экспансии. В 1191 году Казимир Справедливый осуществляет поход против ятвягов и помезан, живущих обособленно от основного племенного массива пруссов. По границам прусских земель с 1216 года против пруссов постоянно выступают польские феодалы. В 1222-1223 гг. происходит крестовый поход, в котором участвует все польское рыцарство. Результаты похода были незначительными – в зависимость от поляков попала Хельминская (Кульмская) земля – периферийная прусская территория.

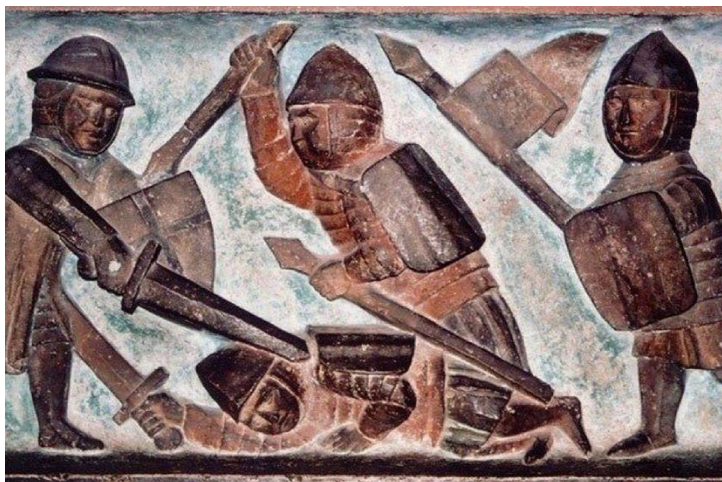

В 1228 году пруссы разгромили польский рыцарский Добжинский орден, созданный специально для завоевания Янатраного края. Нот в 1230 Конрад Мазовецкий уступает тевтонским крестоносцам Хельминскую землю, а Дробжинский орден вливается в Тевтонский. С этого момента можно вести отсчет тевтонской агрессии, в

конце концов лишившей пруссов независимости. Тевтонское завоевание превратило жизнь пруссов в сплошную череду сражений против опытного и организованного врага. Бесперывные битвы продолжались более полувека.

В 1233 году в битве при Сиргуне крестоносцы разбили слабое прусское войско. Но в 1242 году согласованное выступление пруссов позволило очистить от крестоносцев весь захваченный запад прусских земель. Но осада замка Бальга – плацдарма для последующих вторжений крестоносцев – была для пруссов неудачной. Пришедшее на помощь осажденным войско заманило пруссов в засаду. И здесь, как и во множестве других эпизодов заката прусской истории, свою роль сыграло предательство одного из прусских вождей.

Под давлением Папского престола пруссам в 1249 году пришлось признать эти земли Орденскими. Тем не менее, в этом же году началось новое “восстание” пруссов.

В 1253 году пруссы разбили крестоносцев близ деревни Гирмов (ныне поселок Русское). Возглавлявший войско орденский комтур был убит.

Битва произошла у городища – места сбора прусского ополчения. Интересно, что городище Гроссе Хаузен имеет характерную спиральную форму, сходную с той, которую обнаружили в далеком Аркаиме (юг Челябинской области). Аркаим и древнее прусское городище совпадают и по размерам. Находки Аркаима датируются XVIII-XVI вв. до н.э. или несколько ранее. Очевидно, здесь прослеживается связь с индоевропейской миграцией, охватившей несколько тысячелетий во времени и несколько тысяч километров в пространстве.

В 1254 г. чешский король Оттокар II возглавил поход на Самбию. Пройдя через замки Эльблонг и Бальга с 60-тысячным войском, он по льду внезапно переправился к прусской деревне Пилав (Пиллау, Балтийск) и нанес поражение прусскому ополчению у городищ Меденове (Кумачево) (“лесное”), Рудава (Мельниково) (“красное”), Ногимпте (Сиренево) (“твердыня, оборонительный пункт”). Правилom рыцарей было полное уничтожение городища вместе с его жителями, оказавшими сопротивление. Возможно, именно это привело к целой серии предательств прусских вождей – в 1255 крещеный прус провел крестоносцев к городищу Капостете (нынешний поселок Курортное), который был взят штурмом; в том же году вождь обороны городища Велува (к северу от нынешнего Знаменска у поселка Прудное) сдал его комтуру Кенигсберга.

Пруссы не имели объединенной регулярной дружины и практически без боя сдали восточную часть Самбии до Тапиовы (Тапиау, Гвардейск). Тевтонцы воспользовались также захватом в заложники сыновей местных нобилей. Возвращаясь на родину, Оттокар II предложил крестоносцам организовать замок у прусского городища Тувангсте (вероятно, существовало также городище Конугарбс – княжеская гора). Здесь в 1254 г. возник замок Кенигсберг. Поблизости от замка в 1278 году был казнен один из прусских вождей – Глаппо, по имени которого названа гора Глаппенберг (в районе нынешней улицы Коперника в Калининграде).

В 1260 году возникает новый всплеск прусского сопротивления, обусловленный поражением крестоносцев в Литве у озера Дурбе от прусско-литовского войска и опасным для них походом монгольских войск под началом Бурундая. Возглавил сопротивление нобиль Натангии Геркус Манто (Герко Мантас, Генрих Манте). 22 января 1261 года в битве при Покарвисе (юго-восток дер. Ушаково) он разбил крестоносцев, загнав их в болото.

Пленные рыцари были принесены в жертву – привязаны к своим коням и сожжены. Возможно, это была месть за сожжение прусских вождей и старейшин, которых крестоносцы в 1260 году под видом переговоров заманили на городище Ленценберг (Lemptenburg) – 3 км к западу от д. Ушакова - и предали огню.

В ходе борьбы с Орденом пруссами был сожжен замок Каумен (пос. Заречье), замок Триммау (прусская Трёмов, близ нынешнего поселка Дружба), осажден замок Нойхаузен (Гурьевск). Затем был уничтожен замок Христбург, осаждены замки Бальга и Кенигсберг. Осада была снята после тяжелого ранения Геркуса Манто. Пруссы были разгромлены также в битве у городища Побетен (нынешний поселок Романово) (между 1261 и 1267), где, согласно хронике, погибло более 5000 прусских дружинников.

Прусское сопротивление окончательно захлебнулось после гибели своего вождя – предположительно он был убит рыцарями в центральном святилище пруссов к югу от замка Норкиттен (поселок Междуречье) близ поселка Бочаги.

В 1274 году штурмом было взято центральное укрепление Надравии – городище Камменсвике (“пчелиный поселок”) – на территории нынешнего поселка Тимофеевка восточнее Черняховска – где, судя по находкам, поселение существовало еще в начале I тысячелетия н.э.

Пруссы не успевали возводить новые укрепления – в том же году было взято еще три городища, включая спешно построенное мощное укрепление Отолихия (на северной окраине поселка Фунмановка, что северо-восточнее города Гусева).

Тяжелое положение пруссов было связано с массовым предательством нобилей, утративших веру в возможную победу и отказывавшихся от языческих богов. Многие из них были обращены в христианство еще детьми, будучи в заложниках в Орденских землях. (Сам Герко Мантас был обращен в христианство во время пребывания в заложниках в Магдебурге). В 1295 г. происходит последнее восстание пруссов против нобилей-изменников, потерпевшее поражение из-за предательства одного из своих вождей.

КОНЕЦ ПРУССКОЙ ИСТОРИИ

Христианизация означала для пруссов разрыв между элитой и народом – народ христианизировался поверхностно (Орден в большей мере интересовался янтарем), продолжая поклоняться языческим богам. Прежние обряды сохранялись в течение всего средневековья. В 1520 году известно жертвоприношение черного быка для отвращения приближающегося к Кенигсбергу польского флота. Еще в начале XVIII века на городище Краам (южнее Светлогорска) совершались кровавые жертвоприношения.

Вторым ударом по прусскому народу была утрата моноэтничности на своих территориях – в XIV веке началось массовое переселение крестьян из Германии, которые к тому же были носителями прогрессивных приемов земледелия (воловья

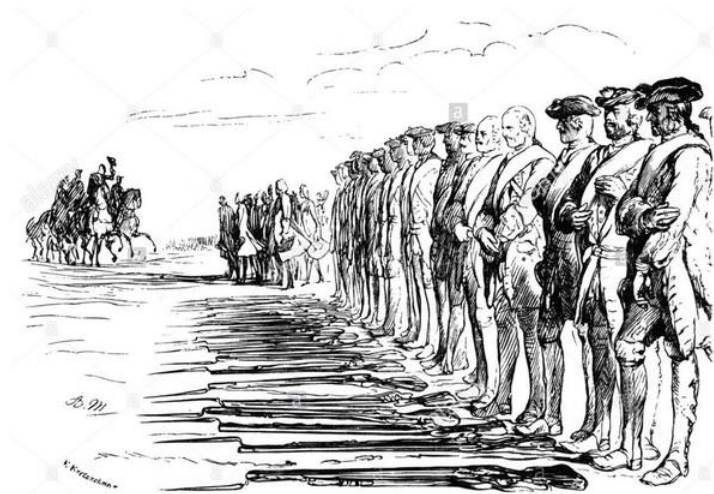

упряжка и “немецкий плуг”), а в XV – из Литвы в слабозаселенные пруссами Скаловию и Надравию (отчасти возвращая сохраненные там прусскими дружинниками обычаи предков). Мощные лесные массивы, отделявшие степную Самбию от соседей, стали активно вырубаться и распахиваться.

Новая волна переселенцев возникла после ликвидации Ордена в XVI веке – сюда из Нидерландов и Франции потянулись переселенцы-протестанты, спасавшиеся от католических преследований. Окончательному смешению способствовала страшная эпидемия чумы в начале XVIII века, после которой переселенцам были предоставлены значительные имущественные и правовые льготы.

Одновременно пруссам начинает возвращаться их культурное наследие. В 1561 году появляется первая книга на прусском языке, монах Симон Грунау и его последователи создают прусскую историографию. Можно считать, что превращение прусской истории в предмет исследования заканчивает живую историю пруссов как самостоятельного этноса.

Начинается иной – прусско-германский этногенез с кратковременным взлетом, исчерпавшим энергетику прусского духа. В отличие от многотысячелетней “прусской” истории, история пруссачества занимает всего две-три сотни лет. Еще в середине XVIII века население Пруссии готово было присягать любому пришлому завоевателю. И хотя в Семилетней войне прусская армия и талант Фридриха

Великого составили для русских серьезного соперника, население Пруссии было безучастно к войне и не проявило ничего подобного тому, что проявили русские в Отечественную войну 1812 года. Сам Фридрих Великий писал и думал на французском языке, вместе с “верхами” прусского общества преклонялся перед французской культурой и даже мечтал стать известным французским поэтом.

В войне с Наполеоном пруссаки также показали себя неплохими солдатами, но неважными гражданами – они легко переходили от войны с Бонапартом к союзничеству с ним против России, а перед лицом поражения французской армии быстро приняли сторону русских и даже сыграли позднее роковую роль в сражении под Ватерлоо, где подоспели к союзникам именно в тот момент, когда Наполеон ожидал свой задержавшийся на марше корпус, и решили исход сражения.

Русские дважды спасали Пруссию от исторического небытия. Первый раз отказавшись от оккупации фактически уже поверженной Пруссии в 1760. Второй раз – во время переговоров Александр I с Наполеоном, когда русский царь отказался от планов Бонапарта расчленить и уничтожить Пруссию. Русские прощали пруссов за предательство и в первом, и во втором случае, закрывая глаза на нарушенные клятвы и союзнические обязательства.

Во второй половине XIX века Пруссия становится политическим центром германской государственности, а пруссаки – ядром германской нации. В середине XX века после второй мировой войны Пруссия подвергается расчленению – она поделена между другими немецкими землями, Польшей и СССР. Несколько миллионов жителей Пруссии переселяются в западные немецкие земли, где их, по свидетельству историков, встретили далеко не ласково, считая виновниками всех бед Германии. С этого момента то особое состояние духа, которое Освальд Шпенглер называл “пруссский социализм”, исчезает из истории.

Заклучение.

Известные этапы прусской истории могут служить своего рода модельным экспериментом, в котором можно проследить судьбу этноса, огражденного от завоеваний и оказавшегося не обочине масштабных переселений народов. Индоевропейцы, осевшие в Янтарном крае в расовом отношении не изменялись в течении трех тысяч лет, хотя неоднократно проходили через этнические кризисы и принимали различные культурные модели. Немногочисленность пришельцев позволяла ассимилировать их, даже признав их власть над собой и переняв у них важные хозяйственные и военные новшества.

Столь длительный период существования группы индоевропейских племен-прусов указывает, что этногенез вовсе не является внутренне заложенным в биологическую природу механизмом, как считал Л.Гумилев. О том же говорит и история пруссаков, которые этнически сформировались не ранее XV века, а в XX веке исчезли из истории.

Прусская история отчасти проливает свет на прибрежную историю Балтии – разные имена морских дружин, тревожащих все северное побережье Европы, по всей вероятности, связано с единой близкородственной этнической общностью. Пространственный размах деятельности норманнов-викингов-варягов не должен нас смущать как не смущает такой же размах древнегреческой морской экспансии.

Прусская история также дает пример стойкого сопротивления всяческим завоевателям и прития привнесенных новаций. Власть среди пруссов принадлежала тому, кто приходил с миром и приносил с собой более высокие культурные ценности и прогрессивные экономические технологии. Финал прусской истории также поучителен: без государственной организации нет и не может быть независимого существования, а лишение независимости приводит к исчезновению народа.

30. Посёлок Дальнее.

Мы продолжаем наше путешествие по посёлкам Гвардейского района.

Отправимся в посёлок Дальнее. Расположен он в 20 км к северо-востоку от Знаменска (бывший округ Wehlau) на трассе 216 (бывший немецкий национальный маршрут 138, в настоящее время также Европейский маршрут E77) на пути Талпаки – Большаково. «Железнодорожного сообщения нет», – заботливо предупреждает de.wikipedia.

На фоне леса вырисовываются очертания башни старинной кирпичи —

нам сюда.

Необычно, что всего в пяти километрах к северу от Дальнего по дороге в Большаково, но уже в Полесском районе, есть еще одно место с таким названием: Дальнее (бывший Битткаллен до 1938 года, Bittkallen, а после – Биттерфельде, Bitterfelde). Примечателен этот посёлок Дальнее памятником из металла, огороженный цепью и металлическими столбами, заместителю командира группы «Джек» Мельникову Ивану Ивановичу.

О легендарной разведывательной группе создан фильм «Последний из группы «Джек» творческой командой нашего проекта.

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/384053048973590> и
https://vk.com/historyk39?w=wall-168806484_306

На кубическом постаменте из основания в виде пятиконечной звезды вверх устремлен пятигранный обелиск, завершённый звездой в лавровом венке. На нем укреплен барельефный портрет Ивана Ивановича Мельникова и лента с лавровыми листьями. После гибели командира группы капитана Павла Андреевича Крылатых и сменившего его лейтенанта Николая Александровича Шпакова командиром разведгруппы стал сержант Иван Мельников.

Третье место с таким же названием посёлка находилось всего в семи километрах к западу – возле Ольховки (бывшее Кёлмих Дамерау, Köllmisch Damerau): Дальнее (бывший Петткунен, Pettkunen), но больше не существует. В Ольховке (Кёлмих Дамерау) в 1911 году была построена небольшая часовня, в которой регулярно проводились церковные службы. Маленькая церковь пережила Вторую мировую войну, была отремонтирована в последующие годы и видоизменена, в настоящее время находится в частной собственности и функционирует как склад.

Та церковная башня, что сиротливо выглядывает из лесных зарослей, в заинтересовавшем нас посёлке Дальнее Гвардейского района, принадлежит бывшей лютеранской кирхе в бывшем Гросс Ширрау, один из девяти крупных населённых пунктов с церковными приходами. Строил её хозяин фабрики сельхозмашин и церковный староста Эдуард Брёкер из Гутшаллена (бывший посёлок Заручейный, что рядом с современным посёлком Куйбышевское). Землю под строительство церкви пожертвовал гостевой двор «Рагнит» (дорога же вела к окраине провинции, к Рагниту), строительные материалы

поступали от многих местных фермеров.

В подарок на освящение церкви преподнесла сельской общине сама германская императрица и королева Пруссии Августа Виктория. Это произошло 21 декабря 1909 года. Царственная особа даровала драгоценную алтарную Библию с личным посвящением.

«В 1946-м приехали сюда военные и взрывали её на кирпичи. Бабка моя, переселившаяся в Гросс Ширрау из Минской области, возмущалась, не давала её взрывать. Ведь церковь освящённая и место вокруг неё – тоже! И потом – от взрывов куски кирпичной кладки летели на наш дом, окна вышибало. И меня злит, когда некоторые сейчас пишут, что, мол, местные разобрали памятник истории на кирпичи.

Да эту кирху сроду не разобрать! Прочность-то какая!» Во время Второй мировой войны кирха, как верно сказал местный житель, совсем не пострадала.

В 1994 году неф церкви был снесен, разобран и продан, как строительный материал, так сказать – «на кирпичи». Сегодня только башня, стоящая в стороне от части стены, является руинами церкви Гросс Ширрау, имеет статус объекта культурного наследия местного (муниципального) значения – охраняется государством.

Первые упоминания о Гросс Ширрау (Groß Schirrau) относятся к 1400 году. Упомянутый в документах Тевтонского Ордена Скирров (Ширав, Ширрау), восходит к первоначальному наименованию деревни Скирене от названия ручья Скирус. Ручей тот Скирус впадает в речку Ауэр, которая, в свою очередь, впадает в Прегель у населённого пункта Норкиттен.

Со временем населённый пункт стал называться Ширрау, проживали здесь жители, большинство которых имели прусские корни. Интересно, что Гросс Ширрау имеет два учредительных документа – от 1400 года и 1534 года. Между 1874 и 1945 годами было образован одноимённый административный районный центр Гросс Ширау в округе Велау (Wehlau) административного района Кёнигсберга провинции Восточной Пруссии. К вновь созданному административному округу изначально относились 19 сельских общин или усадебные районы.

В 1910 году в Гросс Ширрау проживало 358 человек, 30 сентября 1928 года сельская община Ширрау была образована путем объединения окружающих поселений. В Ширрау существовала школа с тремя классами, а весь церковный приход Ширрау подразделялся на пять школьных округов. В результате многократной реструктуризации (объединений и выходов населённых пунктов) к 1 января 1945 года в районе Гросс Ширрау сохранились только семь муниципалитетов.

До 1902 года Гросс Ширрау был приходом церкви в Плибишкене (Plibischken, сейчас это посёлок Глушково Черняховского района), к этой же церкви относился приход Петерсдорф (сейчас это посёлок Куйбышевское Черняховского района). В построенном собственном храме 1909 года служил помощник пастора из Плибишкен. Лишь в 1911 году приходская церковь получила своего священника и рядом был построен пасторский дом. В 1925 году приход имел 2506 прихожан, которые жили в 40 деревнях.

Реки в районе Гросс Ширау активно использовались судоходством. Особенно это касалось торфяных карьеров в районе Агиллы (посёлок Красное Полесского района), Немониена (сейчас посёлки Полесского района Головкино и Малая Матросовка),

Гильге (посёлок Матросово Славского района) и небольшой речки Тимбер (в Полесском районе). По Дейме и Прегелю осенью в Кёнигсберг везли картофель, морковь, лук, капусту и т. д. Буксиры быстро доставляли в столицу соединенные в длинные ряды парами от 20 до 30 барж и обратно на следующий день домой. В результате шли низкие расходы доставки товаров, которые полностью компенсировали затраты, экономили труд и время. Раньше транспортировка часто занимала много дней, особенно при неблагоприятных ветрах.

Из достопримечательностей посёлка, помимо кирхи, считался памятник погибшим в годы Первой мировой, установленный в 1920-е годы. Его автор — всё тот же хозяин фабрики сельхозмашин и церковный староста Эдуард Брёкер из Гутшаллена.

Найти его не займёт много времени, хоть и зарос он бурьяном — рядом с ним пока всё ещё стоит информационная табличка, смонтированная энтузиастами.

До войны мемориал представлял собой валун, водружённый на стену из тёсаных каменных блоков. На валуне был изображён Железный Крест и даты «1914-1918». На стене до сих пор просматривается надпись: «Seinen Helden das Kirchspiel Schirrau»

(Своим героям приход Ширрау). Под годами просматривается надпись «treue um treue» (верность за верность).

К памятнику вели бетонная дорожка и две ступени. А валуна на стене вы не обнаружите. Он неподалёку, в чертополохе, незамеченный сразу.

20 января 1945 года, когда фронт подкатывался к посёлку, местные жители покинули Ширрау и двинулись в сторону Кёнигсберга. И уже через два дня он был взят войсками 5-й гвардейской дивизии 8-го гвардейского корпуса 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта.

В 1946 году Ширрау был переименован в посёлок Дальнее. Сейчас здесь проживают 130 жителей (по состоянию на 14 октября 2010 г.).

На весну 2012 года башня церкви Гросс Ширрау уже находилась в аварийном состоянии, разрушались перекрытия, кровля и кладка, территория сильно заросла кустарником и травой. В ноябре 2013 года территория вокруг сохранившейся башни кирпичи расчищена от мусора, кустарника и иных зарослей силами энтузиастов.

По материалам статей интернет-ресурсов www.prussia39.ru, www.de.wikipedia и www.grazdanin-gazeta.ru

31. Отправимся на границу.

На восточную границу Гвардейского района в небольшой посёлок Талпаки на берегу реки Преголи. «Прямо поедешь – себя в Москве найдёшь, налево – на встрече с императорами, а направо свернёшь – вкусность да тёплое место найдёшь», – примерно так можно, перефразировав знакомое напутствие, если говорить о сегодняшних Талпаках.

Сохранились здесь руины небольшого орденского замка Таплакен, о котором стоит немного рассказать.

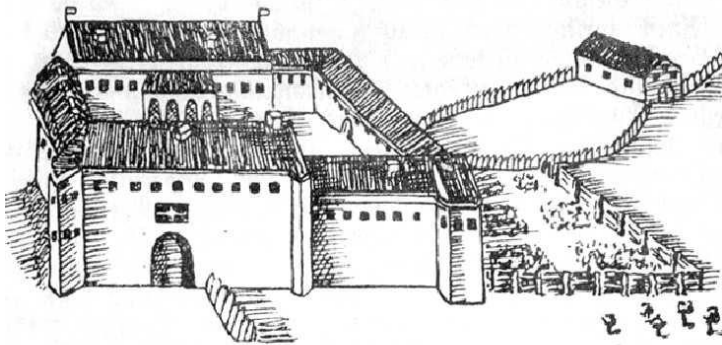

Талпаки — древнее поселение. Ещё до немецкой колонизации (XIII—XIV века) на месте нынешнего посёлка располагалась прусская деревня Талпакен (Талпаккен, Таплавкен, Таплаки, Даблак). Как-то здорово переименование случилось – из Талпакен в Талпаки, и где-то лет семьсот называли Таплакен...

«В прошлые годы вокруг Таплакена (он тогда назывался Даблак) простирались, насколько видел глаз, топкие болота.

Их постоянными обитателями были журавли, цапли, лягушки и мириады комаров. Над всем этим кружили белые чайки и властелин поднебесья — парящий ястреб.

В зимнюю пору от болот поднимался густой пар. Словно белым пуховым одеялом застилал он видимое пространство, сохраняя тепло земли. Возможно, поэтому свою крошечную деревню на краю болота пруссы назвали «Таплакен», что означает «теплота» или «теплое место».

В условиях непрекращающейся войны с литовцами Орден задумал создать промежуточную крепость на 56 километре от Кёнигсберга, между Тапиау, Норкитеном и Велау.

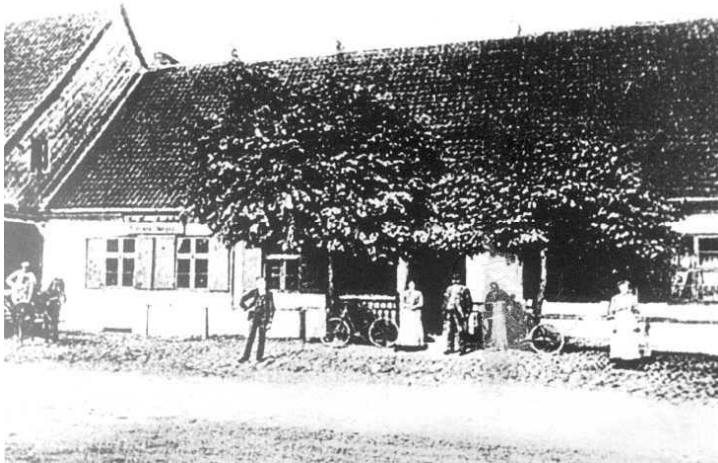
В 1336 году, вероятно, по указанию нового командующего орденским войском маршала Генриха Дуземера фон Арфберга, в устье речки Нэне

(Nehne), рядом с деревней, был построен «регулярный двор» с башней у главного входа и форбургом.

Крепость имела правильные геометрические формы, что соответствовало существующим фортификационным нормам.

В географическом положении Таплакен имел ряд преимуществ. Здесь главная дорога из Кёнигсберга раздваивалась: на Тильзит и Инстербург. Отсюда начинался кратчайший путь на Лабиау и Велау. В окрестностях Таплакена — Заалау имелись залежи каменной соли, которую следовало охранять.

В 1376 году Великий князь литовский Кейстут овладел крепостью и разорил ее. После чего, в 1379 году, ее «одели» в камень, и обрела она прочность и надежность.

В 1530 году, во время правления герцога Альбрехта, крепость была перестроена в небольшой замок. Со временем, как и другие подобные сооружения, он превратился в сельскохозяйственный двор. К 1820 году рядом уже стояли 24 крестьянских двора-хутора с населением примерно в 250 человек.

После разгрома фашистской Германии в Таплакен приехали переселенцы из

СССР. Таплакен был переименован в Талпаки, что несколько созвучно прусскому названию. Ведь пруссы пострадали от крестоносцев не меньше, чем россияне от Гитлера.

Остатки старинного замка в Талпаках хорошо видны от шоссе, сразу после поворота».

Статья о замке Таплакен взята с сайта «Проект TACIS».
<http://www.tacis.zamkiotyckie.org.pl/talpaki-ros.htm>

Название таплакен происходит от прусских слов toplu = warm и laucks = field, что означает что-то вроде «теплого поля». Это тогда стало Tarelawke и наконец Taplacken.

С названием замка мы немного определились, а вот некоторые детали этого места показались любопытными.

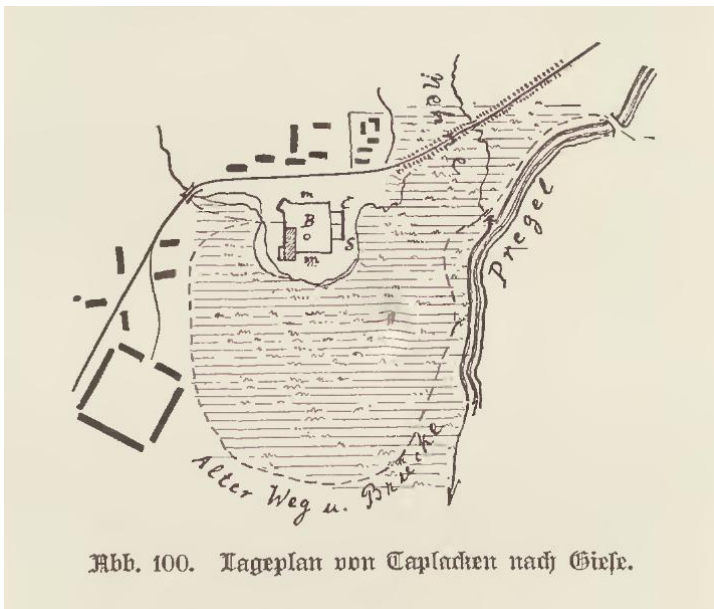

Abb. 100. Lageplan von Taplacken nach Giese.

На замковой горе – Шлоссберге, в 800 метрах к северо-востоку от Таплакена на правом берегу реки Нэне, в месте его слияния с Прегелем, в XIII веке Орден построил первое крепостное укрепление из дерева и земли ещё до Инстербурга (1336 г.) и Заалау (около 1355 г.).

Предполагаемый основатель Фридланда в 1335 году, член конвента Рагнита с 1318 года, комтур Рагнита с 1329 года, комтур Бранденбурга в 1334-1335 годах, Генрих фон Дуземер занимал должность прокурора Тапиау в 1328 году, в 1349 году подарил деревню Лихтенхаген (Яблоневка) и мельницу монастырю бенедиктинок Святой Марии в Лёбенихте, 10 января 1326 года выдал поселению Меденау (Логвино) грамоту, подтверждающую его законный статус, в 1336 году основал деревянно-земляная крепость Таплакен.

Это была самая передовая база, т. н. форпост Ордена на Прегеле. Укрепление было разрушено литовцами при князе Кейстуте в 1376 году и восстановлено около 1400 года в том самом месте, где безопасность обеспечивали близлежащие болота, – на спине песчаной косы,

выступавшей из болот.

Небольшую реку Нэне перекрыли с трех сторон, запруда обеспечила дополнительную защиту. Строительная площадка была настолько сырой, что подвалы изначально не были построены, но позже тевтоны осушил округу. Вместо подвалов отстроили низкий цокольный этаж с красивыми поперечными сводами и широкими поясами. На первом этаже небольшая комната для амт заседаний, в северной части была часовня и жилые помещения. Новый замок представлял собой четырёхугольник, был окружён высокой каменной стеной шириной в среднем 1,5 метра с оборонительным ходом под узкой крышей и бойницами по периметру. Ворота находились на востоке, там же по углам располагались узкие высокие башенки.

«Вот эта вся стена – около метра толщиной: летом прохладно, зимой тепло. Немцы умели строить. И живность не заводится», – поясняют жильцы замка... в 2019 году. «Для нас это не историческая ценность, для нас это жильё».

Высокий вал с южной стороны служил оборонительной стеной, со стороны двора с северной и с внешней западной –

основательные пристройки, узкие фермы, которые, как и флигели замка, несли водосливные конструкции и люки для защиты, трёхэтажный жилой флигель со сводчатым подвалом. Ворота замка находились на востоке. Внешнего форбурга у

замка не было, его окружал широкий ров, заполнявшийся из протекавшего рядом ручья.

Со временем замок утратил военное значение и стал скорее походить на большую сельскую усадьбу. Вокруг замка селились крестьяне.

Домен в замке был установлен в год преобразования Орденского государства в светское герцогство. Таплакен был одним из трех доменов округа Велау. Позднее замок был престроен в усадебный дом. До 1945 года в здании все еще присутствовали части главного здания и северного флигеля замка, которое в 1992 году использовалось в качестве жилого здания (главный дом к этому времени уже стал руинами).

Основными источниками дохода в Таплакене были две водяные мельницы, которые приносили приличный оборот, главным образом из-за принуждения к помолу на орденских мельницах, по крайней мере, до тех пор, пока это обязательство было наложено на фермеров.

Под Таплакеном добывали соль до 1536 года, для чего были завезены дополнительные соляные котлы из Галле. Однако эта отрасль деятельности была прекращена из-за неэффективности.

В XVIII веке Таплакен получил статус центра амта, в нем также располагалась почтовая служба. Позже замок сдавался арендаторам.

К 1820 году рядом с замком было 24 хутора с общим населением около 250 человек. Замок до января 1945 года арендовали три поколения семьи Шмидтке. Во

время боёв второй мировой войны Таплакен серьёзно пострадал, здесь был пожар. Но люди в замке стали жить почти сразу после окончания сражений, с 1946 года. Именно тогда прибывшие в Таплакен переселенцы вселились в частично уцелевший северный флигель.

Сам замок Таплакен в поселке Талпаки – ещё живая реликвия. К замку почти каждую неделю приезжают туристы, которым интересно прикоснуться к многовековой истории.

В настоящее время сохранилась северная часть замка, двухэтажное прямоугольное здание с двухскатной черепичной крышей и руины замковой оборонительной стены. Уцелевшие помещения замка Таплакен

используется для жилья. Хорошо сохранился замковый двор, вымощенный крупным и мелким булыжником. Камни образуют почти шахматный узор. В уцелевшем флигеле находится несколько квартир. От основного корпуса сохранились лишь массивные подвалы, которые используются как овощехранилище.

Замок Таплакен имеет статус охраняемого государством памятника архитектуры.

Нетронутым остался трехарочный мост в Талпаках. Новый мост был построен ему параллельно при выравнивании дороги. В январе 45-го мост уцелел не был взорван, благодаря танкистам 89-й бригады полковника А. И. Соммера. Соммер Андрей Иосифович — советский военачальник, участник Великой Отечественной войны, генерал-майор танковых войск (1945), Герой Советского Союза (1945). В январе 1945 года полковник А.И. Соммер обманул

немецкую охрану у моста в Таплакене, заговорив с ней по-немецки, представившись генералом танковых войск Соммером, что позволило захватить мост. Многие годы движение по мосту было закрыто, с марта 2018 года теперь оно свободно, только передвигаться надо очень аккуратно.

Сохранилась старая двухклассная школа и сначала использовалась колхозом, а затем открыла в ней местную среднюю школу. Квартира для учителя осталась как жилое помещение. Сегодня в Талпаках есть средняя школа, которую отстояли жители посёлка. Чуть далее 10 лет назад нависла угроза ее закрытия из-за нерентабельности: 100 учеников в 11-ти классах и недостаточное качество уровня образования... Такая

формулировка не устроила родителей и считают, что принуждение детей менять свою школу на другую – нарушение Федерального закона «Об образовании».

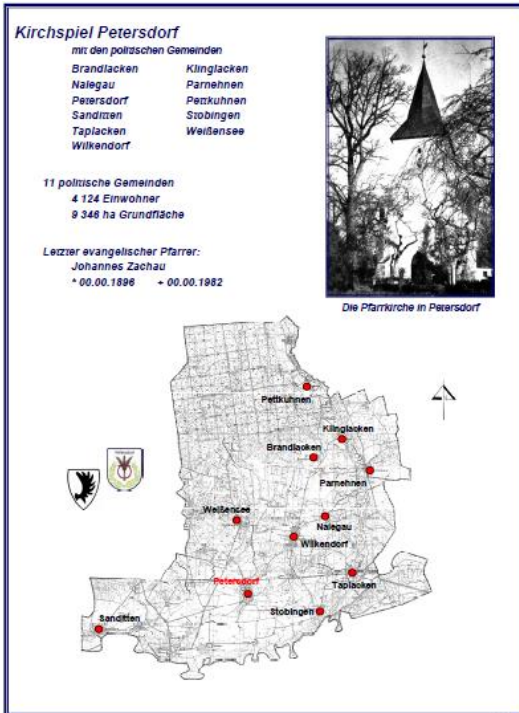
Закон этот (ст. 41, пункт 2) гласит: «Для малокомплектных сельских школ и рассматриваемых в качестве таковых... норматив финансирования должен учитывать затраты, не зависящие от количества обучающихся». А вот статья 34, пункт 4: «Ликвидация сельского дошкольного образовательного или общеобразовательного учреждения допускается только с согласия схода жителей населённых пунктов, обслуживаемых данным учреждением». Чем не пример гражданской активной позиции!

Особой популярностью в современных Талпаках пользуются «Чебуречная» и гостевой двор «Поляна» мистера Попова, бывшего полярного летчика и бойца.

32. Посёлок Куйбышевское.

В четырёх километрах от Талпаков в сторону Калининграда находится небольшая живописная деревушка Куйбышевское. Главная её достопримечательность – древняя кирха.

Церковь Петерсдорф когда-то являлась крупнейшим приходом в округе Велау, пережила вторую мировую войну невредимой, но затем не нашла полезного использования и пришла в упадок.

Уже к 1996 году остались только руины башни и восточный фронтон. Не сохранилось и кладбище. Церковный архив кирхи находится в фондах Библиотеки семейной истории в Солт-Лейк-Сити (штат Юта, США).

В Петерсдорфе с июня 1740 года размещались девять крупных восточно-прусских кавалерийских полков, что сказалось на жизни мирных крестьян. Здесь был построен простой фахверковый дом для пребывания Фридриха Великого, что в целом было редкостью. Эту деревню Верховный маршал Ордена

передал верному Машварду (местному нобелю), которая тогда называлась Герольдесдорф.

Церковь в Петерсдорфе датируется примерно 1368 годом, сложена из валунов с кирпичными углами, достраивалась в начале XX века. Внутри неф имел деревянный потолок корзинообразной арочной формы с росписью 17 века. Интересны алтарные принадлежности – алтарь и другая церковная утварь были перенесены сюда из церкви в Альт-Велау (сейчас это посёлок Прудное), к 1534 году она была

заброшена. Сам алтарь был отреставрирован в 1690 году. Церковь имела орган, две кованых люстры 1748 и 1750 годов.

До 1945 года существовали алтарные фигуры святых Петра и Павла в натуральную величину, позднеготической резьбы из нюрнбергской школы. Рядом с церковью стояла школа.

В 1914 году около кирхи Петерсдорфа были похоронены 2 русских и 3 немецких воина, погибших в ходе боевых действий Первой мировой войны.

В Петерсдорфе был установлен Памятник воинам, погибшим в годы Первой мировой войны, в 1920-е годы у дороги рядом с кирхой.

Памятник представляет собой валун 3,0 на 2,5 м неправильной формы с выбитыми на плоскости крестом и эпитафией на немецком языке: "1914-1918 Den Helden die Heimat" (1914-1918 Родина героям). Установлен на невысоком основании из булыжника. На июль 2012 года территория вокруг

памятника неблагоустроена, заросла кустарником.

Постановлением Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132 памятник воинам, погибшим в годы Первой мировой войны, получил статус объекта культурного наследия местного (муниципального) значения.

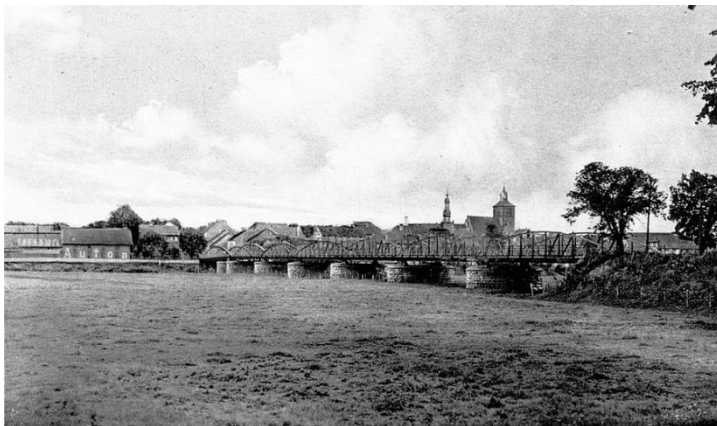
33. Семиарочный мост в Знаменске.

При въезде в Знаменск со стороны города Калининграда вам придется проехать через Длинный мост. На этом месте с самого основания города находилась переправа через Прегель.

Деревянные мосты на этом месте строились уже с XV века, но все они не отличались надежностью. В 1458 году были построены деревянные мосты на укрепленных сваях взамен ненадежных переправ.

Есть сведения, что почти каждый год их сносила вода во время ледохода и наводнений. Первое известное наводнение в городе произошло в 1537 году, впоследствии наводнения повторялись с завидной регулярностью, причем самые сильные пришлись на 1576, 1612, 1621 и 1709 годы).

Это было опасное занятие — переправляться через реку Прегель. Недаром считалось, что в переводе с прусского языка её название означало «бездонная, пожирающая». А если представить себе, что это нужно было делать в непогоду? А осенью – зимой? А во время подъёма воды в реке, или ледохода? В Велау даже существовала

поговорка: «Тот не изведаль страха смерти, кто не переправлялся через реку Прегель».

В воспоминаниях Ловиса Коринта, которые мы цитировали из книги Г. В. Заболотской «Художник из Восточной Пруссии», есть небольшое описание поездки в Велау через Прегель: «На ярмарку Коринты отправлялись всей семьёй. После двух часов езды в повозке они выезжали на ведущий в Велау длинный деревянный мост, сплошь усеянный просящими милостыню нищими. Повозка двигалась по мосту

медленно, так как «мать из-за эгоистического суеверия раздавала подавания каждому

встречному», и потому, что двигаться по шаткому деревянному мосту быстрее строго запрещалось. Об этом предупреждала и пословица «Кто смел, идёт в Велау (имелся в виду ненадёжный длинный мост), кто слишком смел, идёт в Тапиау (имелось в виду исправительное учреждение)».

В 1735 году в Велау появилась первая организованная группы пожарных, в обязанности которых входили и наблюдения за уровнем воды.

В 1870 году был уничтожен последний деревянный мост Велау, а в 1880 году на его месте был построен массивный Семиарочный железный мост – Ланд Брюке (Lange Brücke), который сохранился до наших дней.

Строительство велось под руководством инженера-гидротехника – Густава Прове (Gustaw Prowe). Длина моста составляет около 300 метров. Изначально мост имел деревянный настил. Метод сборки моста был клёпочный. Такой способ соединения стальных конструкций крайне трудозатратный, но весьма надёжный. Клёпки устанавливались горячим методом. При охлаждении они лучше заполняли отверстия и лучше стягивали детали.

25 августа 1914 года, во время Первой Мировой войны, Ланд Брюке был взорван немецкими войсками. Восстановлен в 20-е годы фирмой «Бойхельд и Ко» (Beuchelt & Co (Grünberg i.Schl)).

Некоторые сведения о компании, которая строила мосты в Германии, в частности, в Берлине и в Восточной Пруссии. Самым знаменитым в провинции по праву считался мост Королевы Луизы в Тильзите 1907 года.

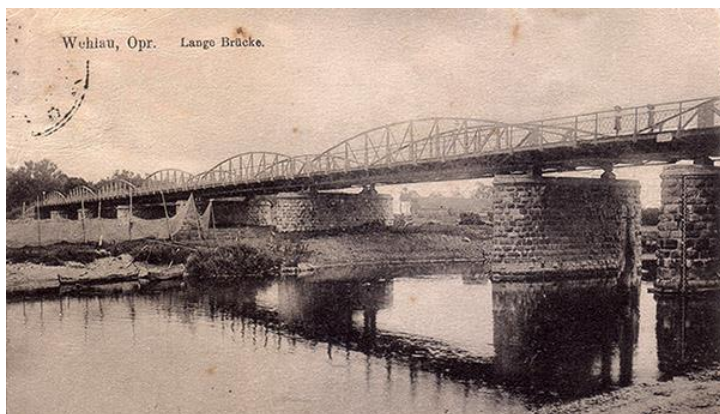

1 декабря 1876 года инженеры Георг Бойшельт и Альберт Риббек, которые ранее работали в Нижнесилезском машиностроительном компании, основанной Конрадом Шидтом в Герлице, основали свою собственную фабрику по строительству мостов и железных конструкций Beuchelt u. Co. Компания изначально имела только 20 сотрудников и занималась строительством железных мостов. Сначала компания росла медленно, пока

В 1880-1881 годах не произошло значительного роста до 83 сотрудников. Уже в 1911 году в компании работало около 2000 человек, и она заняла лидирующие позиции в рядах немецких мостостроительных компаний. После Первой мировой войны 400 рабочих были уволены в результате экономического кризиса.

В 1945 году компания представляла собой объединение специалистов. В здании фабрики в Грюнберге, которое теперь называется Зелена-Гура, была основана польская машиностроительная компания WAGMO, которая после в 1948 году была переименована в ZASTAL. Позднее в 1972 году строительная компания железных мостов объединилась с подразделением строительной компании автодорог в Магдебурге и с ещё несколькими рабочими частями, включая Франкфурт-на-Одере.

Но вернёмся к мосту в Велау/Знаменск. В период Второй Мировой войны, 22 января 1945 года, в ходе боёв за Велау, Семиарочный железный мост был взорван немецкими войсками ещё раз. После войны восстановлен.

Когда-то это был самый длинный мост во всей Пруссии. За это он и получил свое прозвище «Длинный». Его

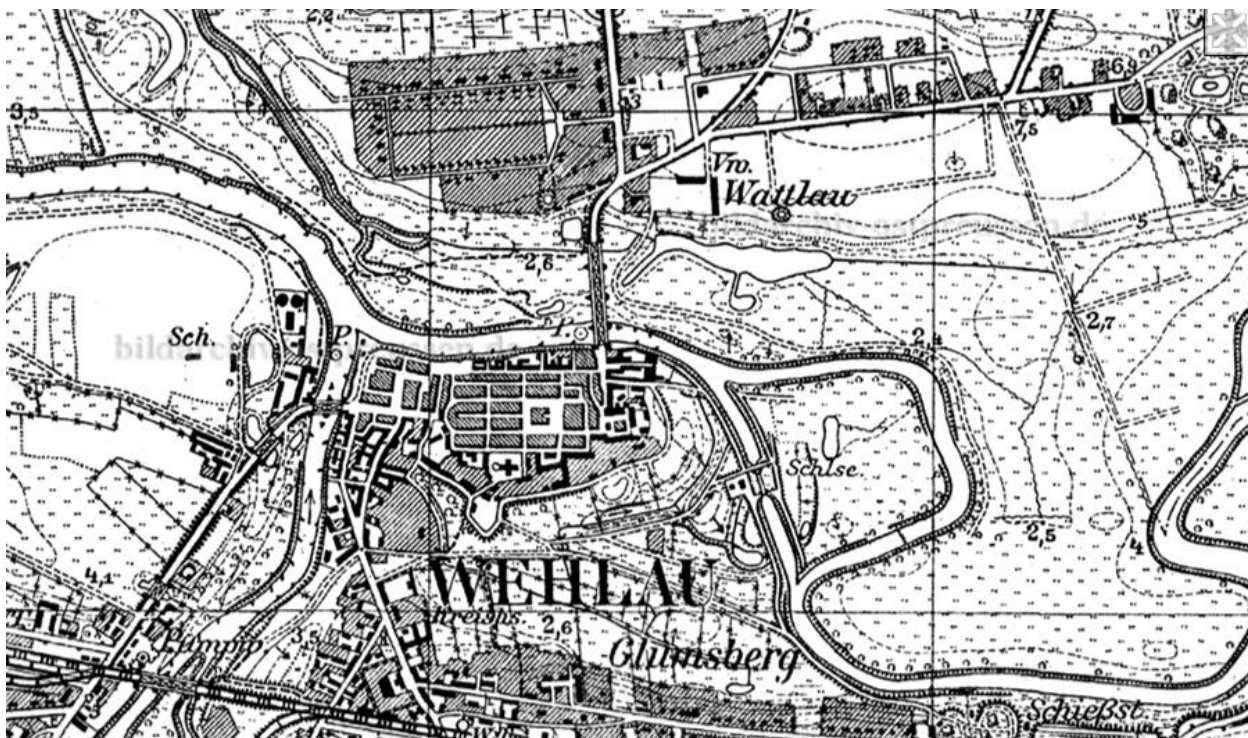
конструкция настолько удачна, что позволила ему пережить не только Первую и Вторую Мировые Войны, но и несколько киносъемок фильмов о войне в 70-90 годы XX века.

Во время разливов Преголи вода поднимается к самому настилу моста, заливая мощные опоры, но ни разу волны Преголи не накрывали его дорожного полотна. Не случайно этот мост является гидротехническим сооружением и все особенности местности были учтены специалистом-гидротехником.

После последнего ремонта в 2014 году мост почти не изменился, стоит на своем рабочем месте, только теперь его

называют не «Длинный», а «Горбатый»...

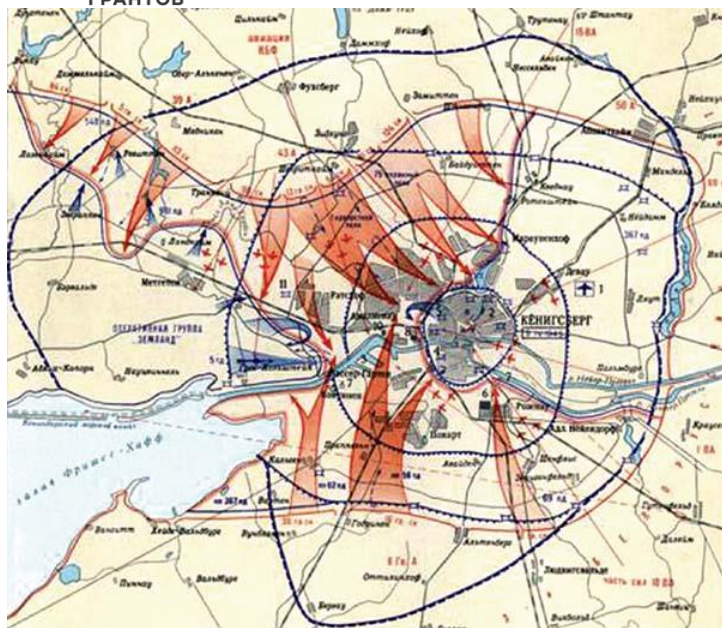
34. Макет

Если вы въезжаете в Знаменск со стороны Семиарочного моста, то справа увидите разваливающийся немецкий дом с табличкой. На ней написано, что в этом здании, в феврале 1945 года, по инициативе инженерного управления 1-го Прибалтийского фронта, изготовили макет Кёнигсберга, на котором отрабатывали взаимодействие воинских частей во время штурма. Это единственный макет такого рода, сохранившийся со времён Великой

Отечественной войны.

Речь пойдёт о макете Кёнигсберга. Приводим статью сотрудника Калининградского областного историко-художественного музея А. С. Новикова.

Карта штурма Кёнигсберга

«Одной из масштабных операций завершающего этапа Великой Отечественной войны стала Восточно-Прусская операция, в ходе которой боевые действия разворачивались на территории Калининградской области Российской Федерации и северной части Польской Республики. При подготовке к наступлению, начавшемуся 13 января 1945 г., командование 3-го Белорусского фронта использовало миниатюр-полигон театра боевых действий.

«Я видел перед собой целую страну, – вспоминал генерал-майор Г. Н. Захаров, – Города на макете были образованы скоплением домов с островерхими крышами, повсюду четко обозначены крутые и пологие берега рек, темные массивы лесов, мосты, аэродромы, железные, шоссейные и грунтовые дороги. Я видел железнодорожные составы на дорогах и станциях, самолеты на аэродромах, колонны машин на шоссе. Вся эта страна, как паутиной, была опутана бесконечными линиями траншей, узлами укреплений, опорных пунктов.

Казалось, в ней не было ни одного квадратного километра, где можно было бы рискнуть пройти в полный рост. Возле городов и в городах, под домами, под деревьями, на аэродромах, по берегам рек – всюду таились пушки, танки, самолеты. (...) Предстояла самая тяжелая на войне работа – надо было рвать эту оборону на всю ее глубину, сокрушать каждый опорный узел, каждый очаг сопротивления».

К концу января первая часть этой работы была завершена – советские войска вышли на подступы к Кёнигсбергу (г. Калининград). К штурму хорошо укреплённого города было необходимо подготовить не только войска, но и их командиров. В ходе одного из совещаний, проходивших в феврале 1945 г. Лабиау (г. Полесск Калининградской области) офицеры инженерного управления Земландской оперативной группы войск, в которую был преобразован 1-й Прибалтийский фронт, обратились к своему начальнику, генерал-лейтенанту В.В. Косареву с предложением создать макет Кёнигсберга. Одним из авторов идеи был инженер по маскировке, капитан А.В. Максимов – внучатый племянник великого русского ученого Д.И. Менделеева. «Одним из острых аргументов у нас был тот мотив, что далеко не каждый

офицер чувствует и хорошо читает карту, а макет дойдет до него сразу, и он остро запомнит его, – вспоминал он. – Далее, по макету хорошо можно учить офицеров, задавая им конкретные кварталы с характерными ориентирами. И здесь же их знакомить со своими соседями, отрабатывая взаимодействие и помощь». Это предложение было одобрено командующим оперативной группой генералом армии И.Х. Баграмяном, который, однако, установил жесткий срок выполнения – десять суток.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВЫСТАВКА

АРСЕНИЙ МАКСИМОВ

(первый архитектор Калининграда)

РУИНЫ КЁНИГСБЕРГА

(акварель)

Из фондов Калининградской художественной галереи

ОТКРЫТА С 02.09 ПО 01.11.2015
КЛУБНЫЙ ЗАЛ, 3 ЭТАЖ

Для работы над макетом, которая шла в одном из домов Велау (г. Знаменск Калининградской области), были мобилизованы столяры, художники и военные инженеры. «И закипела работа без перерывов, круглые сутки напролет. Над макетом работало ровно 100 человек в течении 10 суток. Тысячу человеко-суток упорного напряженного труда. Солдатам-столярам удавалось изредка поспать посменно часа по два на сеновале, а нам грешным и этого не представлялось возможными», – вспоминал А.В. Максимов. Вскоре все поле макета площадью 36 квадратных метров, выполненного в масштабе 1:5000, было покрыто условными знаками артиллерийских позиций, минных полей, фортов, опорных пунктов. Он был разбит на 16 отдельных планшетов размером 1,5x1,5 м каждый.

Для подготовки макета использовались данные всех видов разведки. Ещё 20 февраля 1945 г. экипаж капитана М.М. Глебова из 11-го отдельного разведывательного авиационного полка 3-й воздушной армии выполнил аэрофотосъемку Кёнигсберга. Его «Пе-2» получил тяжёлые повреждения от зенитного огня, но всё же смог выполнить несколько заходов на цель и вернуться на аэродром. После обработки привезённых им плёнок была смонтирована большая фотосхема укреплений города-крепости. Ценные сведения поступали от общевойсковых разведчиков. Советские разведгруппы действовали не только на ближних подступах к Кёнигсбергу, но даже проникали в сам город. Членом одной из таких групп, действовавшей под видом немецкого подразделения, был М.В. Суриков. «Потом уже я узнал, что не одна наша группа ходила в город, несколько, и на основе их данных за неделю был сделан подробнейший макет города», – вспоминал он. Но особое значение имели данные инженерной разведки – только разведчики-сапёры могли дать точную оценку фортификационным сооружениям и инженерным заграждениям противника. Использовались и результаты наблюдения за передним краем немецкой обороны – их примером может служить артиллерийская панорама, выполненная капитаном П. Д. Стоцким, служившим в 35-м гвардейском артиллерийском полку 1-й гвардейской стрелковой Московско-Минской дивизии.

«Первые три-пять дней ежедневно приезжал сам Баграмян со свитой. Присущий острый юмор командующего, да еще с кавказским акцентом, взбадривали нас и помогали нам.

Первые дни, до изготовления планшетов, работа шла по вырезанию рельефа из мягкого строительного трофейного картона, одновременно в стороне заготавливались: дома, деревья, сады-парки, водоемы и мосты. А королевский замок, по немецким репродукциям, я вырезал сам», – вспоминал А.В. Максимов.

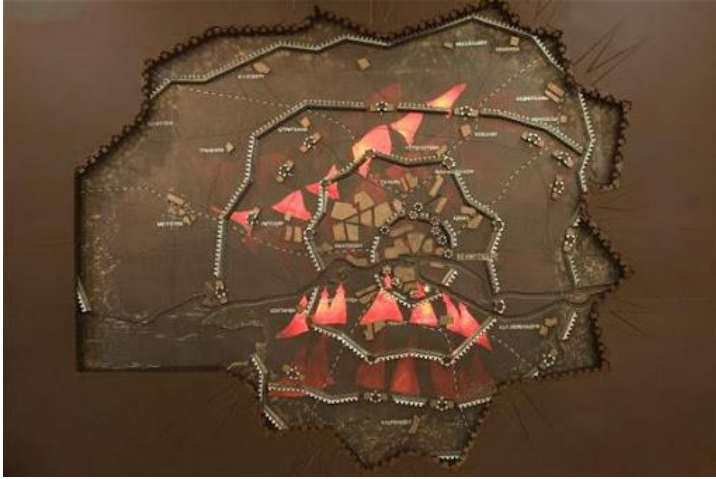
А королевский замок, по немецким репродукциям, я вырезал сам», – вспоминал А.В. Максимов.

Работа по подготовке макета была закончена в срок, в начале марта. После того, как с её итогами ознакомились И. Х. Баграмян и командующий 3-м Белорусским фронтом А. М. Василевский, планшеты макета ночью были перевезены в Лабиау. Ежедневно на макет наносились изменения с

учетом новых разведанных. Он был разбит на зоны действий трёх армий, которые должны были штурмовать город-крепость. На нём отрабатывалось взаимодействия всех родов войск и подразделений до полков включительно, а в отдельных случаях – даже штурмовых отрядов, которые должны были сыграть главную роль во взятии города.

В начале апреля макет был перевезён в Норгенен (пос. Шатрово Гурьевского района Калининградской области), где размещался оперативный отдел штаба 3-го Белорусского фронта. «При одном взгляде на макет, на этот буквально как бы лежащий на ладони город-крепость, становилось видно, что штурм потребует от нас много усилий, умения и знаний, – вспоминал начальник инженерных войск 11-й гвардейской армии полковник М.Г.

Григоренко, – Во время занятий были рассмотрены различные варианты организационной структуры частей и подразделений для штурма Кёнигсберга. (...) Занятия проходили спокойно, ровно, рассудительно. Командиры «командовали» своими соединениями, словно штурм шёл на самом деле, и в ходе этого «сражения» возникли вопросы, которым раньше не придавалось значения, а здесь они потребовали своих решений, которые тут же и были приняты».

Штурм Кёнигсберга начался 6 апреля 1945 г., а уже вечером 9 апреля дня комендант крепости генерал О. Ляш был вынужден отдать приказ о прекращении сопротивления. Имевший несколько линий обороны город был взят после четырёх дней штурма. Штурма, различные варианты которого были неоднократно отработаны на его макете. Это, без сомнения, позволило сохранить тысячи жизней советских солдат и

офицеров.

После завершения боёв в Восточной Пруссии в мае 1945 г. макет вновь вернулся в Лабиау, став одним из экспонатов военно-отчетной выставки фронта. Тогда же группа офицеров инженерного управления получила правительственные награды. В их числе был А.В. Максимов, удостоенный ордена Отечественной войны II степени. В его в наградном листе было указано: «вложил много труда в изготовление макета г.

Кёнигсберг». Этот орден был вручён ему лично И. Х. Баграмяном. В 1946 г. Кёнигсберг был переименован в Калининград и А. В. Максимов стал одним из первых его архитекторов. Что же касается макета, то осенью 1945 г. он экспонировался на военно-отчетной выставке 11-й гвардейской и 3-й воздушной армий в Кёнигсберге, затем стал экспонатом Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде, а в 1968 г. был передан в Калининградский областной краеведческий музей.

Он длительное время находился в экспозиции филиала музея – командного пункта 43-й армии, размещавшегося в имении Фуксберг (пос. Холмогоровка Гурьевского района Калининградской области). Сейчас этот макет – экспонат постоянной выставки Калининградского областного историко-художественного музея, посвященной Восточно-Прусской операции и штурму Кёнигсберга. Его

площадь несколько меньше первоначальной – часть планшетов со временем была утрачена. Но это – единственный макет такого рода, сохранившийся со времён Великой Отечественной войны».

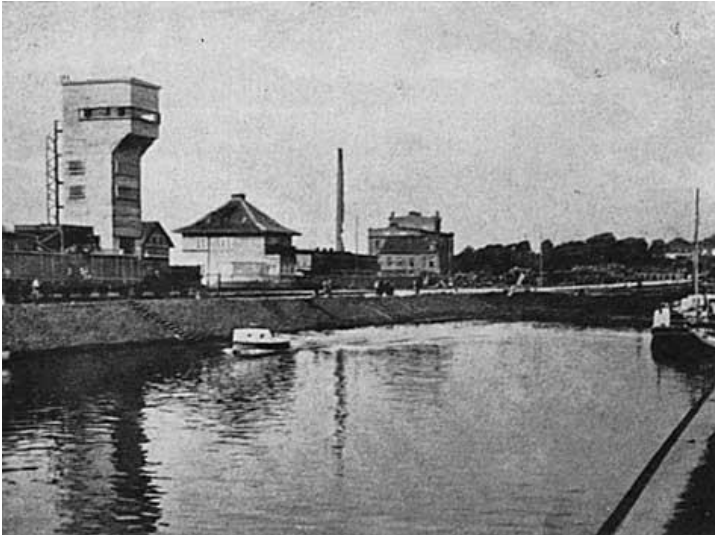
Новиков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, специалист сектора истории Калининградского областного историко-художественного музея. 02/11/2016
<https://www.westrussia.org/o-muzee/stati/item/365-maket-kjonigsberga>

35. Шлюз в Знаменске.

Река Преголя/Прегель/Прегола в районе трёхарочного моста возле Талпак, узенькая, но в целом вполне себе была серьёзной и судоходной. Здесь расположен один из пяти шлюзов на Преголе, длина которого составляет 45 м, а ширина – 7,5 м, шлюз под номером «Два». Знаменит шлюз и своей надписью: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед к победе коммунизма!»

О развитии судоходства по рекам Преголе и Лаве, которому в Пруссии всегда уделяли большое внимание.

В течение столетий это был основной вид транспорта, а Инстербург (Черняховск) являлся центром складирования зерна из России. Однако во второй половине XIX века пальму первенства в перевозках захватили бурно развивающиеся железные дороги. Вскоре после окончания Первой мировой войны правительством Восточной Пруссии был принят дорогостоящий проект, направленный на коренное улучшение судоходства.

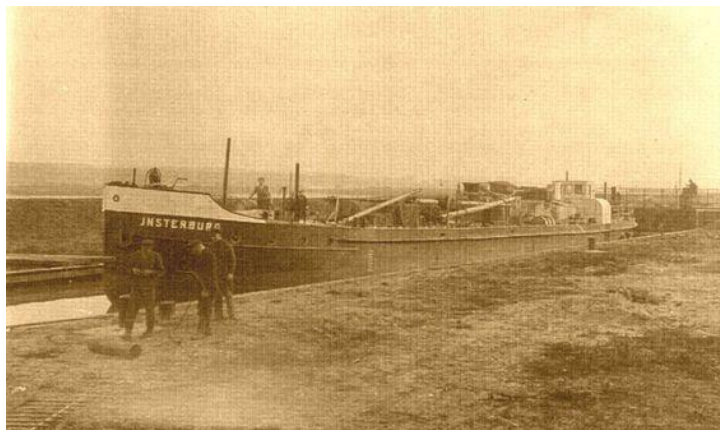
Проект предусматривал строительство судоходного канала в Инстербурге и пяти шлюзов на наиболее сложном в навигационном отношении участке реки Прегель Велау (Знаменск Гвардейского района) – Швегерау (Заовражное Черняховского района). Кстати на шлюзе в Заовражном в середине 70-х годов снималась известная кинокомедия «Трое в лодке, не считая собаки» участием Миронова, Ширвиндта и Державина.

Эти сооружения были построены с 1921 по 1926 годы.

Канал в Инстербурге имел протяженность 4 км, ширину 7 м, начинался на западе

города со шлюза в районе Гайтцунен (Новая Деревня Черняховского района) – в этом месте соединялись бассейн порта и река Прегель – и заканчивался непосредственно в центре города Инстербург, у моста через реку Анграппу. Для поддержания необходимого уровня воды в канале на Анграппе, в районе мясокомбината, возведена подпорная плотина.

Сам порт состоял из бетонной причальной стенки и длинного складского здания. К грузовой площадке подходили железнодорожные ветки. Для сообщения с другим берегом над каналом построены два моста. Известно, что в довоенное время между Кёнигсбергом и Инстербургом ежедневно курсировал грузопассажирский пароход

«Инстербург».

Шлюзы на Преголе были оборудованы в следующих местах: №1 – Велау (Знаменск), №2 – Таплакен (Талпаки), №3 – Войнотен (Шлюзное), №4 – Норкиттен (Междуречье) и №5 – Швегеру (Заовражное). Размеры шахт шлюзов стандартные: ширина – 7,5, длина 45 метров. На обводных каналах шлюзы имели подъёмные плотины. Для управления и надзора за механизмами рядом с каждым шлюзом располагался дом смотрителя.

Очевидно, в те же годы построены плотина и шлюз в устье Лавы, в южной части Знаменска (старый район Алленберг).

Из статьи калининградского краеведа Валентина Анатольевича Миловского. В публикации также использованы фотографии В. А. Миловского 1996 – 2000 годов.

Большой друг нашего проекта Юрий Дмитриевич Бардун – знаток, исследователь Мазурского канала, совместно с Томас Лоов подготовил несколько изданий по данному техническому объекту уникальной инженерной мысли. В 2017 году альманах «Калининградские архивы» опубликовал статью Ю. Д. Бардуна «Мазурский канал. Техническое устройство: русло и шлюзы». В том же 2017 году вышла в свет работа Ю. Бардуна и Т. Лоов «Мазурский канал. Путеводитель по Российской части». В 2014 году совместно с уже нам известным краеведом по Правдинскому району Владимиром Валерьевичем Гусевым в 2014 году разработан Байдарочный маршрут, охватывающий и прилегающие территории Польши и Литвы.

Работу Юрия Бардуна и Константина Карчевского можно найти на сайте «Открытка из Восточной Пруссии» <http://www.eastprussia.ru/tag/gidrotexnicheskie-sooruzheniya/>

Следом материал Юрия Дмитриевича Бардуна – инженера и исследователя Мазурского канала, любезно предоставленный нашему проекту.

«Идея создать воднотранспортный путь от Мазурских озёр до Балтийского моря через Прегель (сейчас Преголя) и залив Фришес Хаф возникла ещё в 17 веке, когда были картографированы территории, прилегающие к озёрам. Затем в течение двух столетий было предложено и по разным причинам отвергнуто три различных проекта, и только четвёртый был принят и утверждён прусским парламентом.

Составной, но системообразующей его частью, стал Мазурский канал. Он соединял собой озеро Мауэрзее (сейчас Мамры в Польше) с рекой Алле (Лавя), левым притоком Прегеля в районе города Алленбург. Длина канала составляет 50,4 км. Перепад высот между рекой Алле (Лавя), где начинается канал, и озером Мауэрзее

(Мамры в Польше) составляет около 111 м. Он должен был преодолеваться судами с помощью 10 шлюзов - вертикальных судоподъёмных лифтов.

Но Мазурский канал являлся только частью огромной воднотранспортной системы в бассейне Алле и Прегеля. Он строился не один, а в комплекте с шестью гидроузлами на Прегеле, каналом и речным портом в Инстербурге, двумя гидроузлами на Алле и двумя гидроэлектростанциями в Гросс Вонсдорфе и Фридланде.

Кроме того, вдоль трассы канала создавалась обширная мелиоративная система на площади до 19 тысяч гектаров, в районе озера Мауэрзее накопительные водохранилища для подпитки водой и канала и озера в засушливое время года.

Это была единая система, и все гидросооружения строились в соответствии со стандартными внутренними водными путями Германии для судов класс Финомасс. Гидроузлы строились для того, чтобы обеспечить необходимый судоходный уровень рек в сухое время года – межЕнь. Дело в том,

что крупнотоннажное судоходство до 250 тонн в верховьях Прегеля от Велау до Инстербурга было ограничено в летнее время из-за мелководья реки.

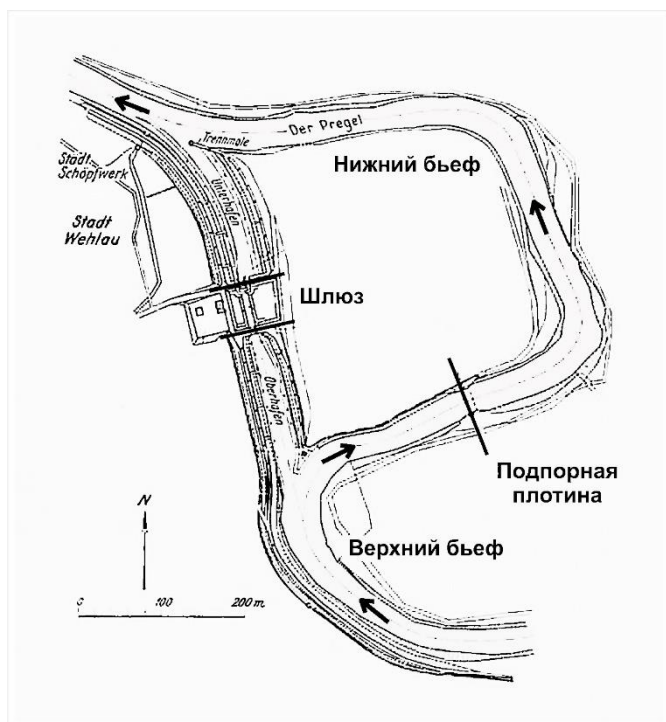
Гидроузлы на Алле были построены к 1924 году, инстербургский канал и порт – в 1926 году, а последний из шести шлюзов на Прегеле – в Велау (Знаменск) в 1936 году. И со следующего года Прегель стал, наконец, судоходным на всём его протяжении от Кёнигсберга до Инстербурга в течение всего периода навигации с марта по ноябрь. Строительство канала планировалось закончить в 1941 году.

В 1942 году строительство было окончательно остановлено в связи с начавшимся наступлением советских войск на восточном фронте. Канал так и не успели достроить до конца, его готовность составляла около 75%.

Таким образом, автобан Берлин – Кёнигсберг и Мазурский канал стали последними самыми масштабными проектами Восточной Пруссии, которые так и не были завершены.

В 1944 году советские войска вошли на территорию Восточной Пруссии. Отступая, вермахт взорвал все мосты через канал, но шлюзы и дамбы на участках канала уже наполненных водой, остались нетронутыми. Они практически не пострадали и во время боевых действий. После войны территория Восточной Пруссии была поделена между Советским Союзом и Польшей, а Мазурский канал перерезала межгосударственная граница. И теперь 30 км канала находится на территории Правдинского городского округа и 20,4 км – в Польше. А 10 шлюзов были поделены по-братски – поровну.

Несколько слов о шлюзе в Велау – первый из пяти шлюзов на Прегеле.

Гидроузел Велау состоит из подпорной плотины и обходного канала с судоходным шлюзом.

Подпорная плотина гидроузла Велау находилась в полукилometре к юго-востоку от шлюза. Она сборно-разборная и устанавливалась на реке только в межЕнь, самое сухое время года. В это время судоходство осуществлялось через обводной канал со шлюзом.

Шлюзы всех гидроузлов, как и шлюзы Мазурского канала (МК), имеют стандартные по длине и ширине полезные размеры камер (45,0 x 7,5) м. Но в отличие

от бетонных камер шлюзов МК стенки камер речных шлюзов выполнены из шпунтовых свай Ларсена.

Во время войны гидроузлы на Прегеле не пострадали и продолжали работать до 1995 года. В 1980-х годах шлюзы были модернизированы, на них было установлено электрооборудование советского производства. На шлюзе мы видим электромоторы и силовые шкафы.

Таким образом, воднотранспортная система, которая была создана в верховьях Прегеля в 1921 –1936 годах и обеспечивала прохождение судов

водоизмещением до 250 тонн и осадкой 1,4 м, спустя 50 лет перестала существовать.

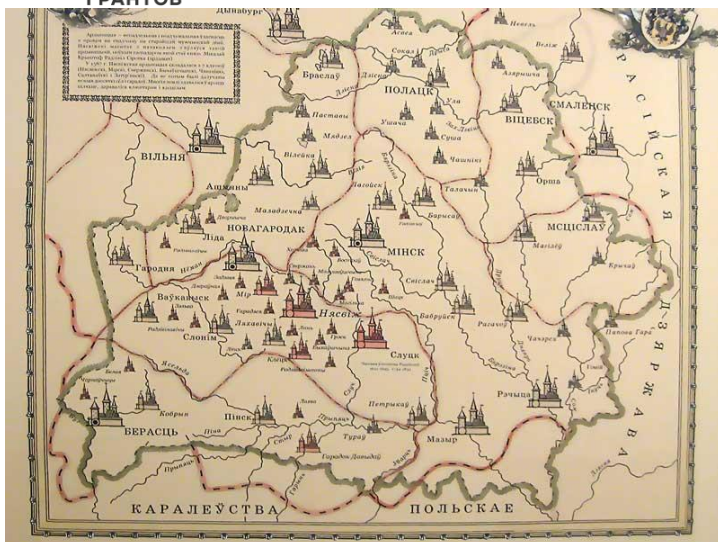
Возрождение же её в ближайшей перспективе представляется весьма сомнительным из-за практически полного отсутствия транспортного и пассажирского речного флота в верховьях Преголи, а также необходимых средств для поддержания здесь необходимых судоходных условий и воднотранспортной инфраструктуры. Кроме того, остаётся неопределённой востребованность и экономическая эффективность грузопассажирских перевозок в бассейне Преголи – Лавы. Так по данным на 2006 года роль водного транспорта Калининградской области во внутренних региональных грузовых перевозках была незначительна, а грузопоток существенно сократился – с 1 млн. тонн в 1995 году до 0,2 млн. тонн в 2006 году».

К сожалению, с начала 90-х годов прошлого века все упомянутые гидротехнические сооружения бездействуют и разрушаются.

36. Вернёмся в Гвардейск, в Тапиау. Витовт.

В 1383 (в другом источнике 1385) году в рыцарском замке Тапиау произошло событие, о котором мы хотели рассказать отдельно, – Великий князь литовский Витовт принял обряд католического крещения в капелле Тапиова. Выдающаяся личность Витовта представляет неподдельный интерес именно в привязке к этому месту на территории нашей области, у слияния рек Деймы и Преголи.

«История Литвы вообще заслуживает особенного внимания русских историков и читателей. Эта страна – часть Русского государства. И в отдалённом прошлом она была по своей культуре – русская. Между тем до настоящего времени продолжают совершенно несправедливые, но тем не менее упорные стремления некоторых польских учёных и публицистов скрывать преобладающее значение русского элемента в истории Литвы и

выставлять исключительно польский. Прямая обязанность русских историков раскрыть тенденциозность такого направления и поставить русский элемент в истории Литвы на подобающее ему место».

Предисловие Сочинения Барбашева А. «Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410)», Санкт-Петербург, 1885 год.

<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/35639-barbashev-a-i-vitovt-i-ego-politika-do-gryunvaldenskoy-bitvy-1410-g-spb-1885>

Вітовт (Витольд; польск. Witold, в крещении — Александр; около 1350 — 27 октября 1430) — великий князь литовский с 1392 года. Сын Кейстута, племянник Ольгерда и двоюродный брат Ягайло. Князь гродненский в 1370—1382 годах, луцкий в 1387—1389 годах, трокский в 1382—1413 годах. Провозглашённый король гуситов — чешского реформаторского религиозного движения, названное по имени Яна из Гуса.

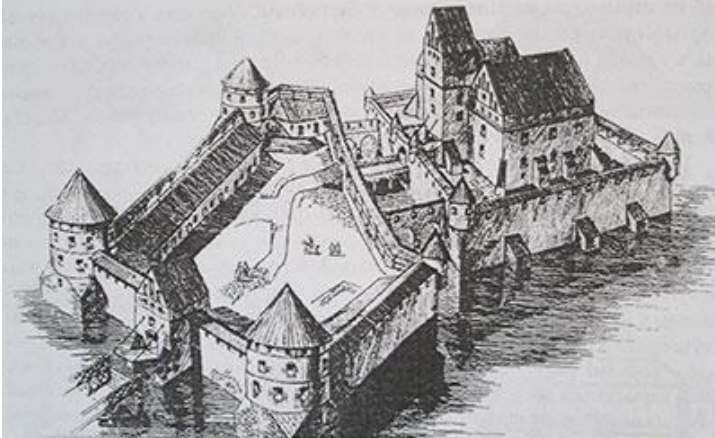
Один из наиболее известных правителей Великого княжества Литовского, ещё при жизни прозванный Великим.

Был трижды крещён: первый раз в 1383 году по католическому обряду под именем Виганд, второй раз в 1384 году по православному обряду под именем Александр и третий раз в 1386 году по католическому обряду также под именем Александр.

Точная дата его рождения неизвестна. Хронист Конрад Битшин (Conrad Bitschin) при описании битвы при Рудау (1370) упомянул, что участвовавшему в битве Витовту было двадцать лет. По Кроммеру, в 1430 году Витовту было восемьдесят. Отец Витовта Кейстут и его дядя Ольгерд правили совместно и не боролись за власть между собой. Ольгерд был великим князем и занимался восточными и южными делами, Кейстут вёл упорную борьбу с тевтонскими рыцарями на северо-западе.

Замок в Троках – Тракайский замок (реконструкция).

Витовт родился в 1350 году в Троках, в семье князя Кейстута и бывшей языческой жрицы Бируты. С самого раннего детства отец Витовта, начал воспитывать его как война, а одним из учителей у него был, бывший рыцарь Тевтонского ордена Гано фон Виндейгейм, который научил юного князя немецкому языку, владеть оружием и показал военные приёмы крестоносцев. Витовт с 13-ти лет начал

участвовать в военных походах отца, а вскоре, Кейстут позволил ему действовать самостоятельно, в своём первом боевом походе, Витовт захватил и разорил Прусский замок Евстерборг.

Матерью Витовта была вторая жена Кейстута Бирута, о которой известно крайне мало (предположительно, она была языческой жрицей). После смерти в Литве и особенно в Жемайтии сложился сильный культ Бируты. Вероятно, родилась она около Паланги в знатной жемайтской или куронской семье. Хроники отмечают, что Бирута была вайделоткой (жрицей) и охраняла священный огонь, служа литовским языческим богам. По легенде, юный князь Кейстут встретил Бируту на берегу Балтийского моря и, очарованный её красотой, попросил её руки, однако получил отказ, так как девушка дала обет безбрачия. Неудовлетворённый этим, Кейстут похитил Бируту и отвёз в свою столицу Троки, где

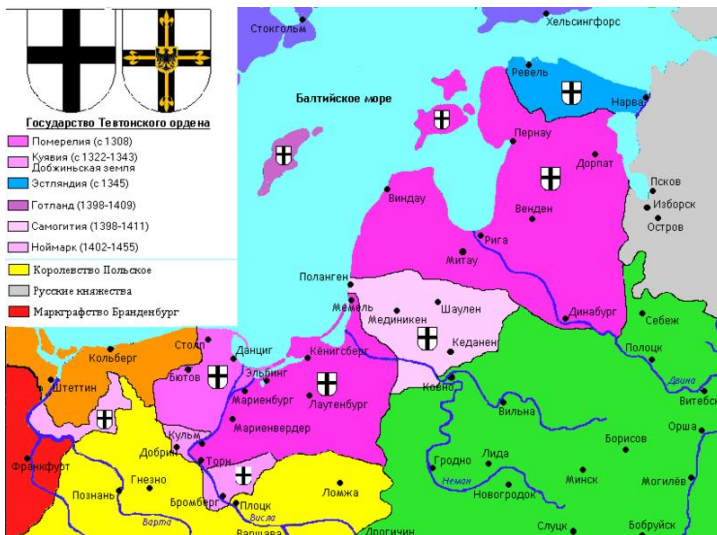
устроил пышную свадьбу. Витовт, четвёртый сын этой пары, родился около 1350 года, что даёт некоторые основания полагать, что свадьба состоялась в 1338 году или несколько ранее.

Обстоятельства смерти Бируты не вполне ясны. В 1381—1382 годах Кейстут вёл войну против своего племянника Ягайлы, который стал великим князем литовским и подписал направленный против Кейстута договор с Тевтонским орденом. Заманив Кейстута в свой лагерь, Ягайло схватил его и заключил в Кревском замке. Вскоре Кейстут был найден мёртвым, однако существуют свидетельства в пользу того, что он был убит.

Из одного единственного источника тевтонского происхождения известно, что после бегства Витовта Бирута, находившаяся в это время в Бересте, была обвинена в организации побега и утоплена в реке. Тем не менее, спустя 35 лет жемайтская делегация на Констанцском соборе отрицала убийство Бируты. По легенде, Бирута вернулась в своё святилище и продолжала служить богам до самой смерти около 1389 года.

Похоронена она была якобы на вершине названного в её честь холма в Паланге. Чтобы отвлечь население от поклонения языческим богам и Бируте на этом месте в 1506 году была построена часовня святого Георгия. В 1898 году часовня была перестроена и сохранилась по сей день. В 1989 году на вершине холма Бируты археологами были найдены свидетельства существования на этом месте в конце XIV — начале XV веков святилища и обсерватории.

Первые сведения о Витовте относятся к концу 1360-х годов. В это время Орден проводил активные наступательные действия в отношении Великого княжества Литовского.

В ноябре 1369 года тевтонцы захватили и разрушили 3 замка в Каунасе. Зимой 1370 года Ольгерд и Ягайло перешли Куршский залив по льду и возле замка Рудава соединились с пришедшими по суше Кейстутом и Витовтом. В

дальнейшем они планировали атаковать Кёнигсберг. Однако посланный в разведку отряд под командованием главного маршала Хеннинга Шиндекопфа 2 февраля 1370 года встретил и разбил авангард войска ВКЛ. Военнопленные рассказали про планы главных сил литовцев, которые к тому времени успели овладеть замком в Рудавае.

Против литовцев выступила большая армия во главе с великим магистром Винрихом фон Книпроде.

17 либо 18 февраля 1370 года между войсками Тевтонского ордена и Великого княжества Литовского произошла Битва возле замка Рудава (Rudau) севернее Кёнигсберга, на Самбийском полуострове

В ходе битвы войско Великого княжества Литовского потерпело поражение. Потери войска литовцев на поле боя составило от 1000 до 5500 человек, преимущественно русинов. Согласно Теодора Нарбута (военного инженера, историка, публициста, исследователя литовской мифологии; писал на польском языке), литовцы хоть и не победили в битве, но извлекли значительную пользу. Орден также понёс серьёзные потери: в частности, были убиты маршал Хеннинг Шиндекопф, бранденбургский и замковый комтуры, реденский комтур, 20 братьев, 3 иноземных рыцаря, всего погибло около 300 человек. Кроме того, был захвачен орденский обоз.

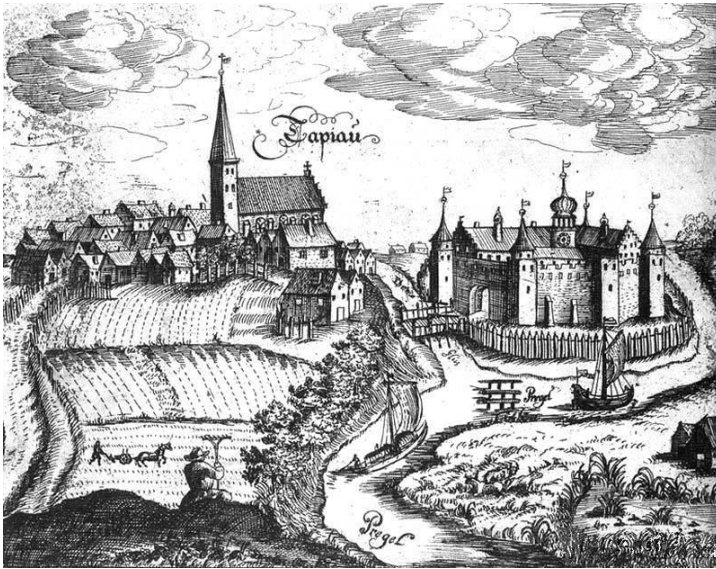
Эти сведения находятся в открытом доступе и не оспариваются историками. Нас заинтересовали подробности жизнеописания весьма интересной личности Витовта именно русскими исследователями. В привязке к событиям XIV века в Тапиау – до и после крещения Витовта – любопытно раскрыть и личность магистра Прусского Ордена, загадочного Конрада Валленрода, кстати, в его присутствии крестили Витовта.

Неудачная политика Валленрода оказалась губительной для Ордена. Его трагическая смерть в припадке сумасшествия давали повод одним видеть в нём помешанного, а другим – литовского выходца, мстившего за свою родину.

Все эти лица давно уже обращали на себя внимание историков. Но, не смотря на тщательные изыскания, в истории Литвы XIV и XV веков встречается ещё масса тёмных и запутанных в весьма важных вопросах.

37. История Гвардейска началась задолго до Тевтонского ордена.

В районе современного города у слияния Деймы и Преголи находилось прусское селение Зугубри. Недалеко находилась и прусская крепость с таким же названием. По преданию крепость основал витинг (так крестоносцы называли представителей прусской знати) Сапелле. Вся местность вокруг называлась Тапиов. Поэтому, спустя некоторое время, селение получило другое название Тапиом.

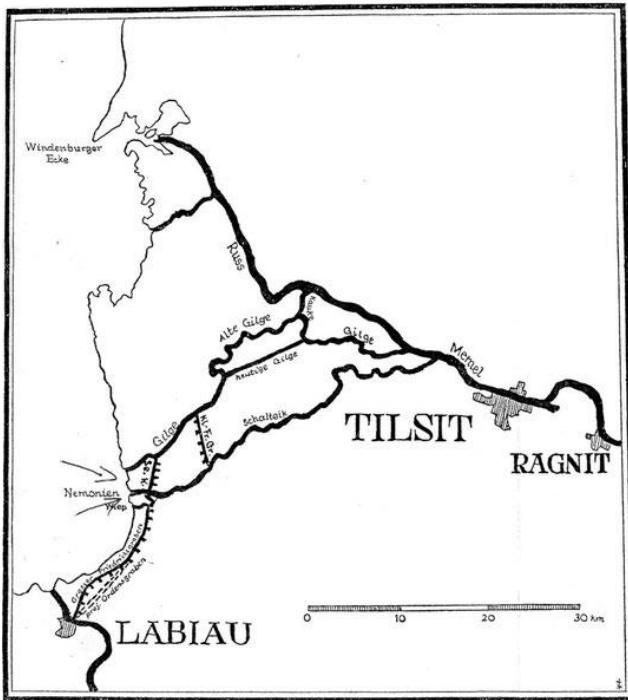
Впервые рыцари Немецкого ордена появились здесь в конце 1255 года, во время похода на Земланд. Во время подавления прусского восстания в 1265 году, братья ордена основали на месте селения Тапиом деревянную крепость. Оригинальничать с названием они не стали и назвали ее как местность вокруг – Тапиов. По замыслам крестоносцев крепость должна была стать своеобразным форпостом на пути в Кёнигсберг из Надровии.

После же окончательного подавления прусского восстания в 1272 году колонисты основали здесь поселение, как обычно – у стен крепости. В 1275 году крепость подверглась осаде и штурму литвинов. Несмотря на некоторые успехи, взять крепость они не смогли. Однако осада показала неудачное месторасположение крепости. Поэтому в 1280 году рыцари ордена

перенесли замок на окруженный с трех сторон водой полуостров. После оборудования крепостного рва крепость оказалась соединенной с землей только подъемным мостом. Тогда же в 1280-м Тапиов стал центром комтурства и оставался им до 1301 года. Известно имя первого комтура Тапиова – Ульриха Бавуваруса. Спустя год в 1281 году он погиб в сражении с племенем судавов.

После переноса столицы ордена в Мариенбург в 1309 году на прусских землях окончательно оформилось государство Тевтонского ордена. Это способствовало постройке новых замков из камня. Тапиов был перестроен в камень в 1340 году. Окончательное завершение работ по строительству замка Тапиау произошло в 1350 году под руководством маршала ордена Зигфрида фон Даненфельде.

Тогда же был построен канал со шлюзами Тапиов – Лабиов (Полесск), предназначенный для осуществления водных коммуникаций внутри страны. Понимая важность использования рек в транспортных и стратегических целях, орден с 1372 года начал проводить гидростроительные работы на реке Дейме. Была предпринята неудачная попытка соединить Дейму с рекой Мемель, минуя опасный для мореплавания Куршский залив. В результате работ на реке, Дейму спрямили и расширили, построили канал в 1395–1410 годах, а в 1430 году — шлюз у Лабиау.

В дальнейшем Дейма стала глубоким судоходным каналом от Тапиау до Лабиау.

Это был первый практический шаг на пути к созданию обустроенной речной судоходной сети в Восточной Пруссии. Затем на протяжении четырёх столетий шаг за шагом были спрямлены и углублены другие реки, построены малые и большие судоходные каналы.

В 1383 (в другом источнике 1385) году будущий Великий князь литовский Витовт принял обряд католического крещения в капелле Тапиова. Он надеялся на помощь Тевтонского ордена в борьбе за власть в Литве. В присутствии братьев Ордена Конрада фон Валленрода и Виганда фон Бильдесхайма сын князя Кейстута, язычник, принял веру Христову. Однако, это католическое крещение не помешало князю Витовту во время венчания с русской княжной Марией Лукомской перекреститься по православному обряду, поскольку вёл предательскую политику по отношению к Ордену.

В 1390-1391 годах во время похода против Великого княжества Литовского в замке Тапиау останавливался граф Генрих Дерби, будущий король Англии (1399-1413) и основатель Ланкастерской династии Генрих IV Болингброк.

С 1450 года Тапиом называют Тапиау. Во время Тринадцатилетней войны замок был взят войском Прусского союза, но на следующий год вновь отбит сторонниками Тевтонского ордена.

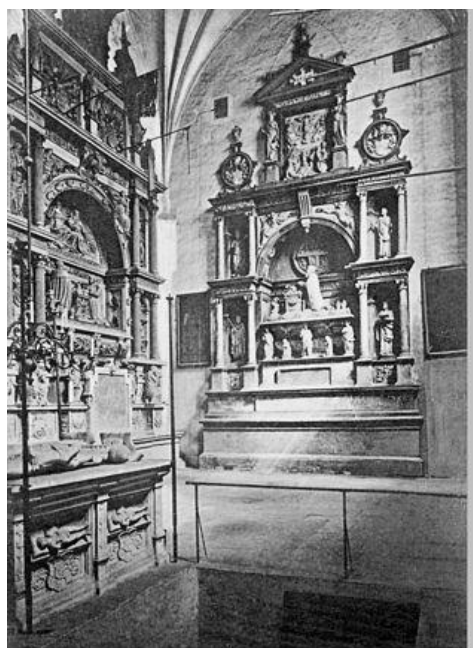
В 1469 (в другом источнике в 1457) году в замок Тапиау привозят архив и библиотеку Тевтонского ордена из Мариенбурга (Мальборк, Польша). Архив находился в замке до 1722 года. По некоторым сведениям, вместе с архивом ордена в замок Тапиау были перевезены реликвии, святыни Мариенбурга (иконы, часть Святого

креста, переданного в своё время Ордену).

В 1474 году в подземелье замка был заточен на голодную смерть епископ Замланда Дитрих фон Куба, который нелюбезно отзывался о магистре Генрихе фон Рихтенберге. После этого за замком прочно закрепилась дурная слава.

Статус замка Тапиау существенно поднялся при герцоге Альбрехте Бранденбургском. Альбрехт сделал замок главным амтом, его глава с 1542 года принадлежал к государственному совету. Герцог частенько использовал замок как временную резиденцию. Для этого он провел в замке значительную реконструкцию, как того требовал статус светского правителя.

Умер Альбрехт в 1568 здесь же в Тапиау в возрасте 78 лет (долгожитель по меркам того времени).

Первоначально герцог был погребен в замке Тапиау, и пока готовилось надгробие известным голландским мастером Корнелиусом Флорисом из чёрного мрамора, примерно два года в подвалах замка под базальтовой плитой покоилось тело последнего Великого магистра Тевтонского ордена и первого герцога светской Пруссии. Лишь затем его прах был перенесен в склеп Кафедрального собора Кёнигсберга, эпитафия занимала почти всю восточную стену, богато украшенный саркофаг орнаментом и скульптурами, каждая из которых являлась христианским символом и содержала в себе определённый смысл, передавал сакральность эпитафии и, таким образом, значимость Альбрехта Бранденбургского в истории Пруссии.

KÖNIGSBERG i. Pr. Fürstengruft im Dom.
Verlag: Siegfried Bicker, Cassel. No. 393

А поселение Тапиау всегда оставалось в тени охранявшего его замка.

«Верным признаком удачного местоположения города может служить факт бойкой жизни придорожных харчевен. В окрестностях Тапиау в 1436 году функционировало их уже сразу шесть. По сохранившимся документам известно, что просуществовали они до 1731 года.

В те времена торговые пути пролегали, преимущественно, по рекам, и через Тапиау ежегодно проходило более сотни судов, битком набитых разным товаром. Поселение Тапиау было небольшим. Основным занятием его жителей являлось земледелие. В XVI веке в Тапиау ежегодно проводилась ярмарка, а в сведениях за 1662 год упоминается уже о двух ярмарках. Тапиау становится важным торговым

ремесленным населенным пунктом.

На протяжении трех столетий подряд город процветал, и к XVII веку назрела необходимость жестко упорядочить бившую ключом жизнь местных обывателей.

Власти в результате 30 апреля 1684 года создали Регламент «селения, имеющего право устраивать рынки», подписанный городским судьей Иоганном Готтлибом Плебом и окружным капитаном бароном фон Шлибеном.

(В своих публикациях мы рассказывали о представителях фамилии Шлибен

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/422788998433328> и

<https://www.facebook.com/HistoryK39/posts/426865311359030>

https://vk.com/wall-168806484_429 и https://vk.com/wall-168806484_449)

Но вернёмся в Тапиау к Регламенту XVII века, когда необходимость в драконовских мерах была настоящей, поскольку тогдашние пруссаки были народом весьма буйным. Прежде всего, имел место настоящий разгул уголовной преступности. Да и поведение обитателей Тапиау в быту оставляло желать много лучшего.

«Во время пьянства участились стрельба и взрывы. Большое несчастье может из-за этого произойти. Свадьбы

делать этого также не могут. Нарушители должны немедленно препровождаться быть в тюрьму».

Взимаемые штрафы обращались на пользу общества:

«Штрафные деньги, из которых одна треть отходит суду, должны быть помещены в закрытую кружку для сбора денег и впоследствии употреблены на приобретение огнетушителей».

Много внимания в этом документе уделялось правилам противопожарной безопасности с внушительными штрафами для нарушителей:

«Так как огонь в этом селении, как, к сожалению, известно, часто приносил большой ущерб, восполнить который мы по сей день не можем, каждые четверть года печи и дымовые трубы должны ревизоваться депутацией. В праздничные дни и дни ярмарок у каждого уже за три дня должна стоять в доме или перед ним бочка, полная воды.

Каждый домовладелец должен иметь большую лестницу, пожарный крюк и одно кожаное ведро для воды, в трактире же – два.

Под угрозой штрафа в 6 талеров никто не может после пожара удерживать чужое ведро.

Да не будет воровства во время пожаров.

6 грошей штрафа тому, кто хранит дрова для сушки на печи или за ней. Если дрова за печью загорятся – 4 талера штрафа.

У кого есть лошади, тот при пожаре должен привезти бочку воды под угрозой штрафа в 1 талер 10 грошей.

Тот, кто первым будет с водой на пожаре, получит 2 флорина.

Сараи от жилых домов должны строиться как можно дальше.

Кузнецы должны поддерживать свой огонь не в доме, но в отдельном месте».

Регламент призывал к законопослушности и уважению частной собственности:

«Тот, кто предварительно не приглашенный появится перед судом, платит 10 грошей штрафа.

За одну корову на общественном выгоне – 18 грошей платы.

Под угрозой штрафа в 12 талеров нельзя поденщикам во время сбора урожая платить больше, чем принято в данной местности.

Для подбирания колосьев, оставшихся на поле после жатвы, необходимо общее согласие.

Трактирицики, держащие трактиры по Кульмскому праву, держат свои поля отдельно и охраняют их своими людьми. Остальные жители селения под угрозой штрафа не должны охранять свои поля отдельно батраками или детьми.

Пастухи нанимаются только по общему согласию сельского суда. Особые штрафных дел мастера должны вести надзор над пастухами, чтобы не возникло какого-либо ущерба другим полям или скоту.

К осени заборы сноситься не должны. Кто снесет забор своего соседа, платит 10 талеров штрафа.

Если из-за чьего-либо забора будет причинен вред, владелец забора и владелец скота несут бремя ущерба пополам.

За взлом забора – 12 талеров штрафа.

Тот, кто на выезде из города свою часть на церковном кладбище не оградит, платит 15 грошей штрафа.

Навоз и грязь каждый хозяин в границах своего владения должен каждые восемь дней и всякий раз, когда проносят умерших, убирать с улицы в одну кучу.

Также живущие у церковной стены не должны осмеливаться наваливать отбросы и навоз с улиц под стены церковного кладбища.

Тот, кто чужаком по возделанным полям идет, платит 6 талеров».

«Ordnung muss sein!» («Должен быть порядок!»), – приговаривали власть предержащие «старого доброго Тапиау», наводя этот самый Ordnung железной рукой. С 1708 года здесь уже появилась традиция еженедельных ярмарок».

По материалам Игоря Орехова сайта «Хроники Пруссии»

<https://zen.yandex.ru/media/id/5ad74e0a48267735388ec47b/ordnung-muss-sein-za-cto-v-xvii-veke-shtrafovali-jitelei-prusskogo-goroda-tapiau-5c8f6204fbd60d00b4cff5eb>

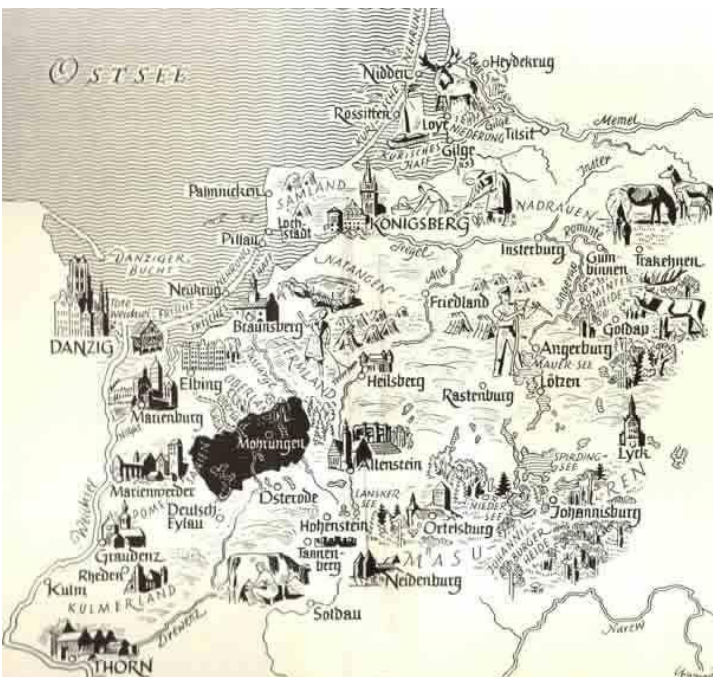
Во время правления короля Фридриха Вильгельма III, начиная с 1786 года, в замке Тапиау действовал приют для бедных, а в 1793 году дом презрения принял первых дряхлых, убогих, больных и сирот.

В 1879 году были снесены три флигеля старого орденового замка, который перестроили под исправительное учреждение, с различными мастерскими и даже своей типографией. В 1911 году

в тюрьме отбывало 176 мужчин и 38 женщин самого различного возраста. В период Веймарской республики и при правлении нацистов в замке Тапиау размещалась тюрьма.

С апреля 1945 года замок преобразован в следственный изолятор для содержания военных преступников, позже – в тюрьму.

38. Альбрехт Бранденбургский.

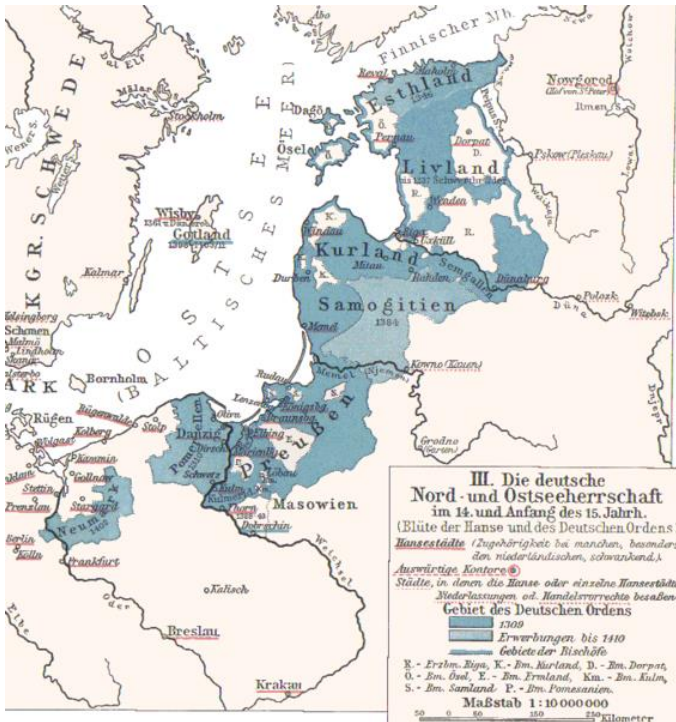
Некогда мощное, богатое и уважаемое орденовое государство к концу Тринадцатилетней войны (1454 – 1466), по сути, оказался нищим.

Благосостояния страны более не существовало, экономическая мощь упала до минимума. Население сократилось на половину.

Крестьяне, немецкие и прусские, так обеднели, что едва ли были в состоянии возделывать свои поля: у них не было рабочей силы, скота и лошадей, отсутствовали инвентарь и деньги.

Орден не имел возможности

расплатиться с наёмниками. Часть из них ещё до войны получила пожалования в виде деревень, городов и целых атов (районов). Но эта практика касалась только немцев: ни полякам, ни чехам, ни даже немцам из Чехии такие пожалования не делались. С этого времени в Пруссии появились крупные землевладельцы-юнкера.

Во времени ликвидации Ордена ситуация в Пруссии сильно изменилась. На пост хохмейстера из конъюнктурных соображений стали приглашать детей фюрстов (князей) Германской империи. Это делалось в надежде на то, что эти династии смогут оказать помощь Ордену в его отчаянном положении.

Последний хохмейстер, избранный из орденских рядов, Иоганн фон Тифен ещё до своей смерти назначил своим преемником Фридриха, младшего сына, Саксонского герцога. Генеральный капитул Ордена после долгих переговоров с Фридрихом 29 сентября 1498 года принял его в члены Ордена и избрал на

пост хохмейстера.

Урождённый имперский князь Фридрих Саксонский придерживался жёсткой политики относительно Польши, не признавал Второй Торнский мир, обязывающий к присяге верности польскому королю (о ленной зависимости речи не было в документе от 19 октября 1466 года, подписанного в Торне, согласно которому Польше отошло более половины территории орденского государства с Мариенбургом). В 1507 году, продолжая оставаться хохмейстером, Фридрих покинул Пруссию и жил в Саксонии. Власть он передал четырём регентам: епископам помезанскому и замландскому, и

двум управляющим Ордена – великому комтуру Симону фон Драхе и маршалу Вильгельму цу Айзенбергу.

После смерти в 1510 году 36-летнего великого магистра Тевтонского ордена Фридриха Саксонского регентский совет, в результате длительных переговоров с имперским князьями, подобрал кандидатуру нового хохмейстера Тевтонского ордена.

Это был юный Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из Франконии.

После того как его согласие было получено, он был принят в члены Ордена. На капитуле в Кёнигсбергском замке по требованию регентов 6 июля (по другим сведениям, 14 февраля, скорее, эта дата принятия

решения регентами о кандидатуре) 1511 года Альбрехт был избран 37-м хохмейстером Тевтонского ордена.

Новый хохмейстер был сыном маркграфа Фридриха Ансбахского, его мать София Ягеллонка была дочерью польского короля Казимира IV, третьим из 8-ми сыновей. Сам Альбрехт приходился племянником тогдашнему польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I (1506 – 1548). Это был приятный молодой человек 21 года, высокого роста, с большим дефектом зрения: у него было заметное косоглазие.

37-ой великий магистр был человеком эмоциональным, умным и хитрым, неплохим администратором, но воинскими доблестями не отличался.

В 16 лет в качестве духовного наставника – каноника, Альбрехт отправился в поход императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга в Италию. Об императоре, взявшего под свою защиту Тевтонский орден от польской дипломатии, Максимилиане мы успели вскользь сказать, упомянув свадебный гульдинер, который

чеканится по личному распоряжению императора в 1511 году, – необыкновенно красивая монета с датой 1479 года и изображениями Максимилиана I и его любимой первой жены Марии Бургундской, единственной дочери Карла Смелого, желанной невесты Европы конца XV века.

К слову о свадьбе, свадьбе Максимилиана, той которая состоялась уже в 1515 году,

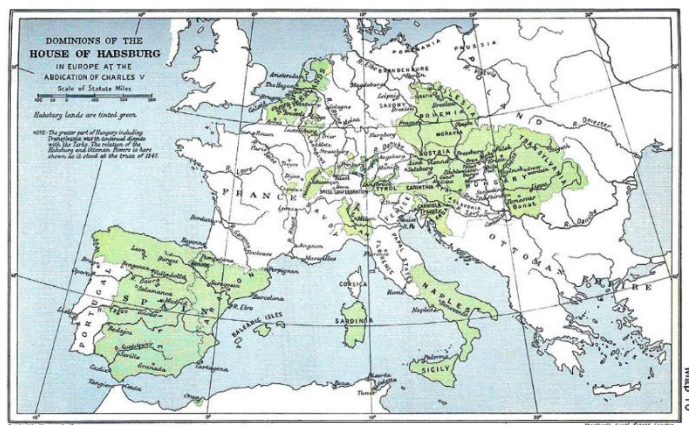

когда Альбрехт привлёк уже было на свою сторону императора во внешней политике Ордена, осторожно высвобождаясь из-под зависимости польского короля. 22 июля 1515 года состоялась знаменитая Венская двойная свадьба, которая разрешила конфликт за Богемию и Венгрию дом Габсбургов с польским королём Ягеллоном.

Император женил две пары детей от брака с Марией Бургундской: своих внуков Марию и Фердинанда на детях короля Венгрии и Чехии Владислава II из династии Ягеллонов – кронпринце Людвиге и принцессе Анне. 56-летний Максимилиан сам пошел к венцу с 12-летней Анной, так как её жених находился в Испании. То есть дед был на свадьбе представителем внука. И вообще в день венчания

было ещё не вполне ясно, чьей женой станет Анна в будущем – Фердинанда или его брата Карла. Но главное было перехватить выгодную невесту.

Две могущественные европейские династии — Габсбурги и Ягеллоны — оказались связанными двойными узлами. 11 лет спустя, после гибели Людвига в битве при Мохаче против османов, Фердинанд унаследовал венгерскую и чешскую короны. Габсбурги сохранили эти титулы на четыре столетия до завершения Первой мировой войны.

А что же с Альбрехтом? Интерес Альбрехта остался в стороне от императора, династического комбинатора, – браки всегда были важным и верным средством для ведения внешней политики династии Габсбургов.

Новый хохмейстер пытался уклониться от присяги на верность польскому королю. Между Альбрехтом и Сигизмундом начались затяжные дипломатические переговоры, которые всё более обостряли ситуацию между двумя государствами. Тогда Альбрехт решился на войну против Польши – последнюю войну Тевтонского ордена «Войну всадников», которая завершилась через два года перемирием.

Но ещё до окончания перемирия Альбрехта при посредничестве своего брата маркграфа Георга фон Ансбах-Бранденбурга и герцога Фридриха фон Лигница унд Брига вступил в мирные переговоры с Сигизмундом I. На этих переговорах рассматривалось несколько проектов мирного договора. Остановились на весьма радикальном, одобренном Альбрехтом. По этому проекту орденская территория передавалась нынешнему хохмейстеру в собственность (!) в качестве светского герцогства, находящегося в ленной зависимости от польского короля. Этот договор предусматривал роспуск Немецкого ордена в Пруссии.

Всевозможными методами Альбрехт плавно пересел с выборной должности хохмейстера на наследственный трон герцога Пруссии. Этот трон, согласно Краковскому договору от 8 апреля 1525 года, он благополучно получил от своего дяди, короля Польши Сигизмунда I.

Вместе с ликвидацией Ордена заодно была проведена церковная реформа. Всё герцогство Прусское приняло лютеранство. Альбрехт секуляризировал все оставшиеся на его территории епископства и монастыри, забирая их земли в пользу государства, проще говоря – в пользу самого герцога.

С появлением в истории Альбрехта Бранденбургского началось динамичное внутреннее развитие Пруссии без серьёзных военных потрясений.

По материалам работ А. П. Бахтина.

Личность первого герцога Пруссии интересно рассматривать как политика, просветителя, создателя коллекций из произведений искусства и ценнейших книг, но в первую очередь – как создателя первого протестантского государства.

Работа подготовлена
координатором Проекта «История. Люди. Память» – Эммой Басовой.